

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1958

Старинные

албанские

сказания

*Перевод с албанского
под редакцией Д. Самойлова*

Оформление художника

Евг. КОГАНА

СТАРИННЫЕ АЛБАНСКИЕ СКАЗАНИЯ

В сборник «Старинные албанские сказания» включены эпические песни, создававшиеся народом в течение многих веков. Большинство этих песен очень древнего происхождения, в них сохранились отзвуки мифологических преданий иллиро-фракийских племен — предков многих современных балканских народов. В древнейших сказаниях, послуживших основой для эпических песен, отразились воспоминания албанского народа о подлинных исторических событиях, о действительных отношениях албанских племен между собою, об их быте и нравах.

Материал эпических песен позволяет предполагать, что большинство из них сложилось в XIV—XV веках и подверглось более поздней обработке.

Живой интерес к албанскому эпосу возник в середине XIX века. Первыми собирателями албанского фольклора были писатели Иероним де-Рада, Тими Митко и немецкий исследователь Хан. Но лишь в самые последние годы собирание и изучение албанского фольклора приобрело подлинно научный характер. В Институте Наук народно-демократической Албании создан специальный сектор, занимающийся проблемами албанского фольклора.

Среди албанских эпических сказаний представленных в настоящем сборнике, центральное место занимает цикл, посвященный богатырю Муйо — излюбленному герою албанских эпических песен.

В книгу входят также широко популярные в Албании песни о Дьерде Элез Али, Розафат и цикл песен о Скандербеге.

Советский читатель впервые столь широко познакомится с народным творчеством албанцев, которое отличается большим художественным своеобразием и выразительностью.

Сказанія
о Муйо
и Халиуѣ

82

ОТКУДА У МУЙО
СИЛА ВЗЯЛАСЬ

Был безус и молод еще Муйо,
Когда был родителем запродан, —
Стал пасти коров у господина.
День-деньской по горным кручам бродит,
День-деньской чужое стадо водит,
Средь ущелий верный путь находит,
Под скалою в жаркую погоду
Пьет с ладони ключевую воду.
Только раз беда случилась с Муйо:
Ночью разбежалось все стадо.
Не посмел домой вернуться парень,
А прилег под камень при дороге.
Вдруг он слышит — где-то горько плачет,
Плачет, заливается младенец.
Глянул Муйо — в колыбелях, рядом,
Два дитяти: оба горько плачут.
Стал их Муйо ласково баюкать,

Стал качать да песенками тешить, —
Успокоились младенцы и заснули.
И тогда-то светлые, как звезды,
Перед Муйо появились заны.
— Кто ты, парень? — так спросили Муйо. —
Ты зачем в такую глушь забрался?
— Я пасу коров у господина,
По горам хожу да по долинам,
Только вот беда со мною сталась:
Потерялось стадо, разбежалось.
Я под серый камень при дороге,
Как бездомный, на ночь спать улегся,
Да услышал, кто-то горько плачет:
Глянул — два младенца в колыбелях.
Жалко мне их стало, подошел я,
Приласкал младенцев, успокоил...
Боже, вы сияете, как звезды!
Как назвать вас, светлые, скажите?
— Заны мы, пастух. Мы вездесущи,
И всегда мы помогаем людям.
Ты младенцев наших успокоил,
И за то проси любой награды.
Хочешь ли ты силы непомерной?
Хочешь ли в бою победы верной?
Надо ль тебе злата да камней
Или дивной мудрости-уменья?
Что ты хочешь? Говори нам сразу,
Нет тебе ни в чем, пастух, отказу. —
Отвечал им Муйо, поразмыслив:
— Что ни день мне строят злые козни,
Досаждают пастухи-соседи, —
Вот добро бы показать им силу! —
И тогда сказала зана зане:
— Дай из груди молока ему напиться! —
И дала испить из груди зана,

Напоила досыта с трех капель,
И послал господь такую силу Муйо,
Что ему ворочать скалы впору...
Тут скала о тыщу ок стояла.
— Подыми, — сказали Муйо заны.
Ухватил скалу руками Муйо,
В десять сотен ок скалу подвинул,
Да не мог поднять и до колена...
И тогда сказала зана зане:
— Дай ему еще испить из груди. —
И опять испил из груди парень,
В десять сотен ок скалу подвинул,
Понатужась — поднял до колена,
Да и тут же опустил на землю.
— Хорошо, — сказала зана зане, —
Дай ему еще испить немного! —
И опять испил из груди Муйо
И почуял силу пуще прежней;
В десять сотен ок скалу подвинул
И ее до пояса он поднял!
Поглядели заны, подивились,
И тогда сказала зане зана:
— Дай же ему снова грудь, попотчуй!
Вот опять пастух испил из груди
И почуял силу пуще прежней,
Пуще прежней силы богатырской:
Ухватил скалу руками Муйо,
В десять сотен ок скалу подвинул
Да и вдруг взвалил ее на плечи.
И тогда сказала зана зане:
— Больше молока ему не надо.
Если он еще хоть каплю выпьет,
Землю всю тогда он опрокинет.
Сели заны, как подруги, рядом с Муйо,
Повели с ним тихую беседу —

Белая луна на них глядела,
От скалы большая тень чернела.
И тогда сказали Муйо заны:
— Мы хотим, чтоб стал ты побратимом,
Побратимом нашим, храбрый Муйо.
Что ты нам в ответ на это скажешь?
— Вы мне только помогите, заны,
Как со мной лиха беда случится! —
Тут господь послал на землю утро.
Вот очнулся Муйо, пробудился,
В двух шагах нашел он свое стадо
И погнал на водопой в Ютбину.
А в Ютбине на зеленом поле
Собрались почти со всей округи
Пастухи, его друзья-погодки.
С малых лет над Муйо эти парни
Брали верх в забавах молодецких,
Брали верх да вволю потешались.
Нынче задал Муйо им задачу!
Он игру удалую затеял:
Он одной рукой схватил огромный камень,
Да и кинул к небу, как орешек!
Тут уж молодцам не до насмешек:
Шевельнет одним мизинцем Муйо,
На ногах не держится обидчик.
С той поры покинул господина,
Позабыл его могучий Муйо,
Поклонился матери он в ноги
И за труд за богатырский взялся.
С той поры с мечом не расставался
И, в каких бы войнах ни сражался,
Всякий раз с победой возвращался.

МУЙО И ВЕХУРИ

Господу помолимся вначале.
• Не было нас, он нас в мире создал.
Муйо встал задолго до рассвета,
Собрался, оделся и обулся,
Кофе он сварил на жарких углях,
Всыпал сахару в него и выпил.
А потом позвал к себе Халиля:
— Эй, протри глаза и поднимайся!
Нынче исполняется уж месяц,
Как сидит моя чёта без дела.
Поскорей оповести Ютбину.
Кликни всех! Скажи скорее агам,
Что в поход выходит чета нынче. —
Что же делает Халиль Соколе?
Он по лестнице быстрее забрался,
На верхушку башни он поднялся
И в набат ударил со всей силой,
Так что отозвалось в Королевстве, —
То был добрый знак для Четобаше.
После вывел коней из конюшни,
Подковал он скакунов на славу.
И вернулся к Четобаше Муйо.

В то же время тридцать аг отважных
Собрались, оделись и обулись,
Наточили мечи боевые
И в колчаны стрелы заложили,
Как всегда перед большим походом.
Долго ль, скоро ль, собрались все тридцать
Во дворе у Четобаше Муйо:
— С добрым утром, Муйо и Халили!
— С добрым утром, удалцы лихие!
— На кого в поход идем мы нынче?
— На кого пошлет десница божья. —
Выехала чета на равнину,
По равнине с песней поскакала,
А навстречу ей Диздар Османи.
Тридцать аг его сопровождало.
Чета с четою сошлись по-братски —
Удалцы приветствуют друг друга,
Шутят воины и веселятся,
Скакунов они попридержали.
И старик Диздар Осман воскликнул:
— Нечего нам ждаты! Веди нас, Муйо! —
По долине поскакали четы —
Впереди них Четобаше Муйо,
А за ним — Диздар Османи скачет;
А за ними скачут байрактары,
Молодые отважные парни.
Одного зовут — Соколь Халили,
А другого — Зуку Байрактари.
Под обоими дыбятся кони.
Сзади едут остальные аги.
Обе четы выезжают к речке.
Кони жадно припадают к влаге,
Капелька не упадет обратно!
А потом две четы поскакали
По дороге на Большие горы.

То была пустынная дорога. —
Целый день скакали обе четы,
Ни одной души не повстречали.
Ночь застала их у старой ели.
Как стара была ель! Как громадна!
Девятьсот человек укрывались
Под ее развесистою кроной.
Четы здесь остановились на ночь.
Скакунов они пустили в рощу.
А покуда отдыхали кони,
Удальцы поужинать решили.
И с большим достоинством вкушают
Пищу. А потом два байрактара
Говорят: — Послушайте-ка, аги!
Поздний час. Устраивайтесь на ночь.
И спокойно отдыхать ложитесь! —
Чутко сторожили байрактары,
Охраняли до утра становье.
Кони их паслись в соседней роще.
Соловьи там распевали песни,
Соловьям подсвистывали заны.
Крепко спят отважные под елью.
Бодрствуют только байрактары.
Только Зуку и Халили видят,
Как поют и веселятся заны,
Как они цветы собирают луговые,
Как скликают стада свои козьи,
Как идут на речку умываться.
Вот луна уж начала склоняться —
Заспешила вдруг, заторопилась.
Не спешить так просят байрактары,
Чтобы четы выспаться успели,
Но луна уж задевает краем
Утренние горные вершины.
Тогда луне сказали заны:

— Погоди, луна, еще немного!
Пали росы, солнышко не встало,
Ветерок, как никогда, прохладен.
Мы нашли студеную водицу,
Погоди, чтоб мы испили вдоволь.
Брось свой взгляд на дальние вершины,
Освети крутые эти склоны,
Не спеши поблекнуть перед солнцем! —
И луна вняла их увещаньям —
Стала над горою и светила,
Пока заны все не напились.
Солнце же перебралось чрез горы.
Небо забелело, заалело,
Снова бог дарует миру утро!
Вот тогда луна зашла за скалы,
Соловьи допели свои песни,
Заны от ручья ушли в пещеры.
Байрактары подошли к становью,
Где спокойно спали обе четы.
Громко закричал тогда Соколе:
— Поднимайтесь! Уже солнце светит! —
Воины немедленно вскочили
И при свете солнца увидали,
Как они высоко забрались.
Вкруг костра все воины собрались.
Среди них сидит мрачнее тучи
Старый воин Диздар Осман ага.
Он сперва молчал, ни с кем не спорил,
Только молча листья мял от злости.
А потом он произнес такое:
— Слушайте меня, мужи Ютбины!
Подвиги мы совершаем вместе.
Слава достается только Муйо.
Отдели нас, Муйо! Наша чета
Нынче не пойдет с твоею четой. —

До чего же Муйо разозлился:
— Порази тебя господь, Диздар Османи,
Но, покуда это солнце светит,
Мы делить не будем наши четы! —
Но старик сказал ему со злобой:
— Пусть господь нас лучше покарает,
Нынче обе четы разойдутся.
— Чтобы руки у тебя отсохли!
И себя и нас сгубить ты хочешь!
Ты с ума, наверно, спятил, старый?
Разве делят бычью упряжку,
Если время пахоты настало? —
На ноги тогда поднялся Муйо,
Подошел к коню он и увидел,
Что играет конь его ретивый —
Роет землю сильными ногами.
То была недобрая примета!
Возвращается к дружине Муйо.
— Вы видали? — говорит. — Слыхали?
Нам сейчас никак нельзя делиться,
А не то домой мы не вернемся:
Конь предсказывает нам несчастье. —
Но Диздар Османи засмеялся,
Предсказанье Муйо поднял на смех:
— Видно, ты стареть уж начинаешь,
Видно, славов начал ты бояться! —
Соколе Халили не сдержался:
— Что мы съехались сюда, ругаться?
Ради чести мы сюда собрались!
Если мы хотим себе удачи —
Нам нельзя делиться на две четы! —
Но старик Диздар Осман ответил:
— Эй, послушай, Четобаше Муйо,
И без нас вам скатертью дорожка —
В чистом поле есть путей немало.

Мы разделим нынче наши четы.
Я поеду в Новые Котóры.
Раздобуду там добра, наверно,
Две-три головы срублю, наверно,
Захвачу там девушку, наверно,
И лихого юношу в Ютбине
Молодой обрадую невестой.
До свиданья! — удальцам он крикнул,
На коня вскочил он и поехал.
Вместе с ним на Новые Котóры
Поскакала вся вторая чета.
Скачут все, и только один парень
Оборачивается очень часто —
И в буковнике он обернулся
И в ущелье тоже обернулся.
Это Зуку, грозно хмурия брови,
Ищет друга Соколе Халиля.
А Халиль — тот тоже глаз не сводит
С четы, удаляющейся в горы.
Он на палицу облокотился
И глазами ищет Байрактара.
И когда их взоры повстречались
И они взглянули друг на друга,
Слезы полились из глаз ручьями.
Солнце поднялось над нагорьем —
Чета за гору перевалила,
И остался Муйо со своими.
Все молчат. Сказал один лишь Муйо:
— Нынче все недобрые приметы!
Наш поход окончится бедою.
Не вернуться ль нам, друзья, в Ютбину? —
Но Халиль на это отвечает:
— Ты послушай мое слово, Муйо!
Если мы себя в бою прославим,
Возвратится к нам вторая чета. —

Воины тогда коней седлают.
Целый день они по скалам рыщут —
Ни живой души не отыскали,
И ни с кем сразиться не сумели.
Ночь застала их у старой ели.
Лошадей они в траву пустили,
Наслаждаются ночной прохладой,
Говорят, беседуют друг с другом.
Только Муйо, прислонившись к ели,
Молча смотрит, как играют кони.
Все с достоинством вкусили пищу.
Слушают, что говорит им Муйо:
— Отдыхайте, удалцы Ютбины!
Отдыхайте, спите здесь спокойно! —
И всю ночь он охранял становье,
И всю ночь его воины спали.
Утром солнышко их разбудило.
У ручья умываются аги.
Развели костер они под елью.
Ну, а Муйо сквозь заросли бука
На вершину горную пробрался
И глядит на земли Королевства.
Озирает горные дороги —
Никого нигде не замечает.
Только у одной вершины Джүра,
На поляне возле перепутья
Он увидел дочерей Бехүри,
Отдыхавших на прохладном склоне.
Тридцать воинов их охраняло.
Быстро-быстро вниз спустился Муйо,
На ноги свою дружину поднял
И повел ее к вершине Джура.
В Кожаре устроили засаду.
Разделили чету. Половина
Оседлала горную дорогу.

Половина отошла в сторонку.
Муё подозвал к себе Халиля
И спросил: — А ты что будешь делать?
Хочешь головы рубить охране
Или пленниц захватить желаешь?
— К черту головы рубить! — ответил. —
Юных пленниц захватить желаю! —
В это время удалцы Бехури
Подошли к ютбинскому отряду.
Чета выскочила из укрытья,
Воинов клинками перебила,
А Халиль отбил красивых пленниц.
Дальше в горы поехала чета,
Но внезапно Муё что-то вспомнил —
И с досадой бьет себя по ляжке.
— Что ты хлопаешь себя по ляжке? —
Спрашивает Соколе у Муё.
— Палицу с копьем забыл в засаде.
— Плюнь! — Халиль на это отвечает. —
Палицу с копьем найдешь где хочешь,
Хватит дома всякого оружия!
— Очень по руке они пришлись.
Не дай бог без них мне возвратиться!
— Ну так я тогда за ними съезжу. —
Все же Муё не пустил Халиля,
Сам галопом он к ручью вернулся.
Палица на берегу лежала,
А копье стояло возле бука.
Над ручьем склонился было Муё,
Тут к нему возговорила ора:
— Ради бога, ты не пей здесь воду,
Будешь пить, когда убьешь Бехури.
Ты куда собрался, храбрый Муё?
— Еду я к себе домой, в Ютбину.
— Ну, а если на Ютбине спросят,

Что за дом у этого Бехури?
— Правильно ты мне сказала, ора.
— А теперь напейся, храбрый Муйо!
Пей же воду, если не боишься. —
Только Муйо не выпил ни капли
И коню не дал ни капли выпить.
Он поклялся господу богу,
Что дойдет до башни Капедана.
На коня вскочил он и помчался.
А коню тому узды не надо:
Сам он знает, куда ему ехать,
Мечет пламя тонкими ноздрями.
Дым с туманом стелются по следу.
Конь летит с вершины на вершину,
Скачет прямо к башне Капедана.
Видит Муйо — ворота открыты.
На коне влетает он в подворье,
Скакуна в конюшню запирает
И заходит в горницу Бехури.
В первой горнице он видит саблю
С золоченным дорогим эфесом, —
Не видал еще подобных сабель.
Во вторую горницу он входит,
Видит: стены там залиты кровью.
Головы всех удальцов Диздара —
Счетом тридцать — свалены там в кучу.
Ужас поражает сердце Муйо.
Ни минуты там не остается
И в другую горницу проходит.
Тридцать сабель здесь увидел Муйо —
Это сабли воинов Диздара.
А еще за следующей дверью
Был пороховой устроен погреб, —
Порох там навален был мешками.
Муйо к ним фитиль приладил длинный

И поспешно выбежал из дома.
Спрятался он во дворе и слышит:
Под копытами земля трясется —
Это возвращается Бехури.
Дочерей своих зовет Бехури,
Но никто ему не отвечает.
Тут на башню поднялся Бехури.
Вся округа пред его глазами —
Дочерей увидел он под буком,
С ними вместе Соколе Халиля.
Поднимаясь на крутую башню,
Взял с собою головы Бехури,
Он от злости наземь их бросает.
И тогда увидел ясно Муйо:
Голова одна — Диздар Османа,
А другая — Зуку Байрактара.
Ох, как жалко их обоих Муйо!
И решил он, что Бехури видит
Удальцов его отважной четы,
Отдыхающих под горным буком.
Надо мчаться удальцам на помощь,
Чтобы враг внезапно не застал их,
Чтобы не побил их, как баранов.
По полю тогда помчался Муйо,
Поскакал за ним вослед Бехури.
Муйо первым вылетел на поле,
И Бехури вылетел на поле.
Муйо первым поскакал по склону,
И тогда его окликнул Муйо:
— Отзовись, кто там на гору скачет? —
Тот остановился и ответил:
— Это ты ли, Дето Башо Муйо?
— Это я, — ему ответил Муйо.
— Я б на небо за тобой погнался.

Слава богу, по земле ты ходишь! —
Со словами этими Бехури
Повернулся и спустился в поле,
Здесь начать решили поединок.
Капедан высокими шестами
Обозначил место поединка.
Начинается единоборство.
Палицу свою Бехури мечет.
Но скакун у Муйо был ученый:
Вовремя упал он на колени,
Просвистела палица над Муйо.
Под ноги коню метнул Бехури
Палицу вторую — потяжéле.
Конь скакнул — и снова увернулся,
Палица над шеей пролетела.
Закричал коню отважный Муйо:
— День настал, мой конь, для нас обоих.
Дай покажем, на что мы годимся! —
И вдогонку бросился за славом.
Тут же Муйо настигает слава,
Палицу свою он мечет в слава —
Скакуну он целит прямо в брюхо.
Палица та просвистела мимо,
И другая в коня не попала.
И тогда бойцы сошлись вплотную,
Стали оба саблями рубиться —
Лишь клинки железные сломали.
А потом они спешили быстро
И сцепились в единоборстве.
Солнце стало клониться к закату —
Не кончается единоборство,
Ни один победы не одержит.
Ездит Муйо около Бехури,
А Бехури скачет вокруг Муйо.
Прославляют храбрецы друг друга

И себя при том не забывают.
Что есть сил бахвалится Бехури:
— Много ваших я поуничтожил.
Дома тридесять голов хранится.
Эти головы я сам отрезал
У ютбинских аг и у сердаров.
— А ты знаешь, где твоя дружина? —
Отвечает на бахвальство Муйо. —
Дочерей твоих я взял, Бехури,
Их телохранителей зарезал —
На горе валяются их трупы. —
Очень тяжело сделалось Бехури,
Когда эти он слова услышал.
И сказал он недругу: — Эй, Муйо!
Тридцать аг твоих я уничтожил,
Между ними — Диздара Османа,
И в придачу Зуку Байрактара! —
В это время раздается грохот,
Он подобен грохотанью грома
Или шуму морского прибоя.
Капедан Бехури удивился:
— Гром гремит, а в небе солнце светит!
Может ли подобное случиться?
Или это просто шум прибоя?
— Нет, Бехури, — отвечает Муйо. —
Грома в ясном небе не бывает,
А прибоя в горах — не услышишь.
Это дом Бехури Капедана
Взорвался недалеко отсюда,
Падает и сотрясает землю.
Я без спроса пришел в твою башню,
Оглядел я все твои конюшни
И прошелся по твоим покоям,
К твоему пороховому складу.
Я фитиль приладил и с землею

Все сровнял, что прежде ты построил! —
Злоба начала душить Бехури.
Крикнул он врагу, трясаясь от гнева:
— Еще выше башню я построю,
А в основу этого строения
Заложу твою голову, Муйо.
И не жди ты от меня пощады! —
Вновь они вцепились друг в друга,
Сохнут листья на высоких буках!
Дубы загораются, как свечи,
Когда их коснется вдруг дыханье
Витязей, борьбой разгоряченных.
Даже кони — и те испугались
И от страха убежали в поле.
Муйо ищет нож и не находит,
Видно, потерял во время боя.
Капедан хватает Четобаше
И бросает, словно камень, наземь.
— Где вы, оры? Вы заснули, что ли? —
Закричал в изнеможенье Муйо. —
Вы ведь дали честное мне слово
Помогать, если худо придется.
Хуже мне вовеки не бывало. —
И мгновенно прилетела ора.
И шепнула Муйо: — Помнишь, витязь,
Я тебя тогда предупреждала,
Чтобы в воскресенье ты не бился.
— Это верно, ты предупреждала.
Я ни с кем не собирался биться,
Только вот попал я в эту драку. —
И еще ему шепнула ора:
— Крикни славу: «Погляди на солнце!»
А когда он повернется к солнцу,
Нож достань у него из кармана
И всади в него по рукоятку. —

Ора снова улетела в горы,
Ну, а Муйо, вняв ее совету,
Крикнул лучше, чем велела ора:
— Когда мы сошлись на поединок.
Солнце бег замедлило, Бехури,
А сейчас оно совсем исчезло!
И следа от солнца не осталось. —
Тут Бехури повернулся к солнцу,
И загнал ему под сердце Муйо
Острый нож до самой рукоятки.
Повалился Капедан на Муйо,
И под трупом Муйо распластался.
Тут коню он крикнул по-турецки:
— Я лежу под этим мертвым славом!
Подскакал его конь и со ржаньем
Оттолкнул он в сторону Бехури.
Окровавленный поднялся Муйо.
Отрубил он голову Бехури,
Ухватил за длинный ус бандита,
А другой длиннющий ус Бехури
По земле вослед волочился.
На вершину горы он поднялся
И застал там всю дружину.
Молодые дочери Бехури
Восседали рядышком с Халилем.
Очень многим удалцам из четы
Стало дурно, когда храбрый Муйо
Показал им голову Бехури.
И тогда сказал с насмешкой Муйо:
— Видно вы, ютбинские герои,
Разучились радоваться виду
Недругов, замолкнувших навеки!
Если б жив остался тот Бехури,
Вы бы все тут без голов лежали! —

Солнце закатилось за скалы.
Ясный месяц показался в небе,
Освещая горный путь в Ютбину:
Так луна сопровождала сватов.
Сваты молча ехали верхами,
А невесты-девушки рыдали.
И тогда луне сказали звезды:
— Уж не плачут ли земные феи?
Освети поярче им дорогу.
Кажется, бедняги заблудились. —
Но луна ответила разумно:
— Очень трудно разглядеть отсюда,
Что там на земле у них творится.
Только это — не земные феи,
Это просто дочери Бехури,
Голова его досталась Муйо,
Дочерей его везут в Ютбину,
Чтобы выдать замуж за ютбинцев.
Я ведь стала первою им свахой,
Потому что им свечу в дороге.

МУЙО У СУЛТАНА

Молодцы они — Халиль и Муйо!
Смельчаки — везде им путь-дорога!
Обошли они кругом поля и горы,
Перебили всех поганных чудищ;
Сколько раз дрались на поединках,
Столько раз с победой возвращались.
Если им понравится девица, —
Знай, они девицу ту добудут,
Если кто им встанет на дороге, —
Головой поплатится безумец.
Как-то раз приспешники султана
Говорят про Муйо и Халиля:
— Вот, султан, ты грозный повелитель
Всех земель, все люди — твои слуги,
Лишь Халиль и Муйо неподвластны
Ни тебе, султан, ни янычарам.
Дай, султан, острастку двум смутьянам,
А не то конец твоей державе. —
Сел султан, письмо строчит, насупясь,
Тут же вызывает скорохода
И велит ему письмо доставить
Муйо и Халилю прямо в руки.
Получают храбрецы посланье,

Стал читать его отважный Муйо,
Стал читать да вдруг заплакал горько,
Всю бумагу оросил слезами.
Тут Халиль спросил его с упрёком:
— Брат мой Муйо, что ты горько плачешь?
Много получал ты разных писем,
Много их читал и был спокоен,
Ни одной слезой не прослезился.
Иль, быть может, у тебя скончался
Побратим любимый, друг-товарищ?
Или снова чудище грозит нам,
Появившись из-за синя моря?
— Нет, Халиль, друзья мои все живы,
Не слышать и про поганных чудищ,
Да и знаешь ты, Халиль, прекрасно,
Никогда я чудищ не страшился.
Нет, Халиль, беда стряслася злая,
Донесли на нас враги султану,
И султан в Стамбул нас вызывает.
Что нам делать, я, Халиль, не знаю, —
Может, скрыться средь утесов горных
Или в башне крепко запереться,
Не показывать оттуда носу? —
А Халиль на это отвечает:
— Не спеши с решением, брат мой Муйо,
К матери мы сходим за советом.
Что укажет мать, то нам и делать. —
К матери богатыри явились.
Та их выслушала и сказала:
— Не скрывайтесь вы среди утесов,
В башне крепко вы не запирайтесь,
А седлайте скакунов горячих
И к султану прямиком езжайте. —
Сели на коней Халиль и Муйо,
Шапки нахлобучили поглубже,

Вниз усы пригладя в знак печали,
Едут меж дозоров янычарских.
Янычары говорят спесиво:
— Мужичье куда-то путь свой держит. —
Не стерпел Халиль таких насмешек,
Стал сердито укорять он Муйо:
— Мне позор такой страшнее смерти! —
Шапки они скинули на землю,
По щекам усищи распушили,
Гикнули, что было у них мочи,
Понеслись вперед, дробя камень.
Из-под ног коней снопами искры
Вылетают вместе с черным дымом,
Горный дуб охватывает пламя,
Раздается эхо по ущельям!
Встрепенулись сыновья султана,
Говорят они отцу в тревоге:
— Что за гром грохочет над Стамбулом?
Не султанские ль стреляют пушки? —
Отвечает им султан на это:
— Нет, клянусь аллахом, то не пушки,
То не бой грохочет над Стамбулом,
Не гроза ночная разразилась —
То Халиль и Муйо подъезжают! —
Вот уже ступает храбрый Муйо
На ступени лестницы дворцовой —
Да беда! — ступеньки подломились.
Тут позвали плотников проворных,
Вмиг они ступеньки подновили,
Понадежней сделали, покрепче.
Вот уже султанские покои.
Муйо хочет в дверь пройти — не может!
Низковаты, узковаты двери!
Плотники в минуту обновили
Во дворце и косяки и двери,

Чтобы богатырь прошел к султану.
А султан сидит, поджавши ноги,
На разостланной звериной шкуре.
Сел с султаном рядом храбрый Муйо,
Говорит ему такое слово:
— О султан великий! Ты не мешкай,
Палача зови сюда скорее,
Пусть палач мне голову отрубит! —
Заморгал султан, всплеснул руками:
— Господи, к чему такие страсти!
И зачем палач нам, храбрый Муйо?
Много слышал я про вас с Халилем,
Далеко несется ваша слава —
Захотелось с вами повидаться,
Поглядеть на ваши ясны очи! —
Помолчав, сказал султану Муйо:
— Ты прости, султан, пора мне ехать! —
Тут он с полу начал подниматься,
Да ногой задел ковер случайно
И султана выволок за двери.

конь муйо

Как-то ночью сон увидел Муйо:
Принесла кобыла жеребенка.
Жеребенок белый, как снежинка,
А на белом лбу звезда сияет,
Словно бог его перстом коснулся.
Ноги тонки, как у горной лани,
Круто выгнута тугая шея,
Грива, будто лен, волной струится,
Будто лен чудесный, серебрится.
— Встань, Айкуна, поспеши в конюшню, —
Разбудив жену, сказал ей Муйо, —
Дивный сон, Айкуна, мне приснился:
Родила кобыла жеребенка,
Жеребенок белый, как снежинка,
А на лбу звезда сияет божья. —
Быстро встала на ноги Айкуна,
Разожгла сосновую лучину,
В темноте идет она в конюшню,
Слышит — ржет в конюшне жеребенок.
Свет лучины пал ему на спину,
Шерсть его, как горный снег, сверкает,
Светлая звезда на лбу лучится.
— Слава богу! — молвила Айкуна
И в конюшню дверь закрыла крепко.

Возвращается Айкуна к мужу,
Говорит ему: — Иди-ка, Муйо,
Убедись, что сбылся сон твой вещий:
Жеребенок белый ржет в конюшне. —
Муйо мигом бросился в конюшню,
Оглядел, огладил жеребенка,
Запер дверь на крепкие запоры
И потом наказ дает Айкуне:
— Ты корми, Айкуна, жеребенка
Не овсом, а сытною пшеницей,
Пить давай не воду ключевую,
А студеное вино хмельное.
Ты держи его, Айкуна, в холе,
Каждый день чеши железным гребнем.
Не води на улицу три года,
Чтоб его три года не видали. —
Вот Айкуна моет его, холит,
Кормит каждый день пшеницей сытной.
Скоро минет срок, пройдет три года —
Жеребенок стал конем могучим.
Минуло три года. Входит Муйо
К жеребенку в темную конюшню,
Говорит с ним ласково и тихо:
— Не поехать ли нам ныне, жеребенок,
По горам высоким, по долинам?
Может со старшинами Ютбины
Выедем к границам Королевства? —
И берет уздечку в руки Муйо,
Чтоб надеть ее на жеребенка —
Не налазит на него уздечка!
Взял седло — и тоже не годится,
Узковато, коротки подпруги,
Как ни бился — оседлать не может!
Призадумался отважный Муйо —
К мастерам коня вести придется.

Вот коню тачают на базаре,
Обивают бляхами уздечку,
Шьют седло с шелковыми кистями,
Украшают камнем-самоцветом;
Мастерят отменные подпруги,
Пропускают бахрому под шею
И подковами из золота литого
Одевают мощные копыта.
Глянь — уже земля коня не держит!
Рвется, на дыбы встает, как дикий.
Но вскочил в седло отважный Муйо
И поехал, положась на бога.
Едет, ухватить поводья хочет,
Скакуна попридержать немного.
Из-под ног коня камня прыщут,
Пыль клубится, город застилая.
Горожане в страхе разбежались,
Заперлись, попрятались за стены.
Муйо скачет через город в поле,
Стонет под копытами булыжник.
Жеребец взлетает, точно птица,
Тучей расстилается над полем,
Три часа бежит без передышки,
Яростно кося вокруг глазами.
Вот он скачет королевским полем,
Перемахивает речку, словно лужу.
Увидав его, струхнули славы,
А король — так тот в набат ударил.
Бьет король в набат, сзывая войско,
Говорит ему такое слово:
— Вон по полю скачет храбрый воин,
Как прекрасен конь его горячий!
У кого отваги в сердце хватит
Выступить вперед и с ним сразиться? —
Королю в ответ сказал Галяни:

— То не воин храбрый скачет полем,
Муйо жеребенка объезжает.
В первый раз он сел на эту лошадь,
Без труда мы в плен его захватим. —
Тут король коварный ход придумал.
Спрятал он людей своих в засаду,
Кругом окружил, закрыл дорогу,
Взять живым рассчитывает Муйо.
Только Муйо мигом догадался,
Успокоил он коня, утихомирил,
Повернул обратно на Ютбину.
Скачет конь домой, земля трясется,
Дым столбом чернеет над дорогой.
Расступились славы, испугались —
Кто удержит этот ярый вихорь!
А король из кожи лезет, злится:
— Что там арнаут Османи дремлет?
Пусть того жеребчика поймает!
Триста кошель дукатов звонких
Дам я за коня ему в награду. —
Услыхал Османи это слово,
Сна лишился, думает-гадает.
К королю идет в глухую полночь,
Бьет челом ему и говорит он:
— Слышал я, король, что обещал ты
Выдать гору золотых дукатов,
Если отобью коня у Муйо,
Приведу его в твою конюшню.
Вот тебе совет, как похитрее
Отобрать коня у Дето Баше.
Вынимай, король, свои дукаты! —
Но король на это отвечает:
— Приведи коня — получишь деньги!
Не нужны, Османи, мне советы. —
А хитрец Османи не сдается:

— Слышь, король, через неделю ровно
Волосы снимать я сыну буду,
В кумовья ко мне приедет Муйо.
Встречу я его, как побратима,
Под уздцы коня возьму покрепче,
Отведу коня в свою конюшню,
Дверь в конюшне темной не закрою
И коня расседлывать не стану.
Ты, король, пройди в мой сад тихонько
И сиди, под яблоней укrywшись.
Как начнет играть с ребенком Муйо,
Как услышишь смех мой громкий в доме,
Ты тогда в конюшню пробирайся,
Выводи коня быстрее из стойла
И скачи галопом в Королевство.
Не страшна тебе тогда Ютбина, —
Кто такого скакуна догонит! —
Тут король с Османи распростились,
Пожелав друг другу снов приятных.
День за днем миновала неделя.
Вот король обулся и оделся,
Затемно направился в Ютбину,
Сел под яблоней в саду Османи.
Ранним утром приезжает Муйо.
Со всех ног бежит к нему Османи,
Жеребца рукою нежно гладит,
Под уздцы ведет его в конюшню.
Не закрыл Османи дверь в конюшне,
Потное седло с коня не снял он,
Возвратился в дом, присел на коврик,
Угощает Муйо сладким кофе.
Мирно кумовья сидят и курят.
Вдруг Османи предлагает гостю:
— Брат, возьми-ка на руки ребенка,
Поиграй с дитятею немного. —

Муйо принял на руки ребенка,
Начал с ним играть и забавляться,
А хозяин, будто черт, хохочет.
Услыхал король тот громкий хохот,
Из-под яблони во двор крадется,
Из конюшни жеребца выводит,
Сел в седло — и скачет в Королевство!
Как услышал конский топот Муйо,
Вздрыгнул, как ужаленный змеею.
Кинулся к окну — ни зги не видно,
Вся в дыму да копоты округа,
Буйный вихорь ходит по дороге:
То летел, как птица, конь чудесный,
До небес взметая прах столбами.
С горя Муйо как ума лишился,
Обыскал, обшарил всю конюшню,
Скакуна там словно не бывало!
Тем же мигом Муйо в путь пустился,
Проходил долину за долиной,
На крутые поднимался горы,
Кликал жеребца во весь свой голос —
Не заржал скакун в ответ ни разу!
Вот шагает Муйо по ущелью,
Видит — стадо королевское пасется
Под охраной удалого Распо.
— Мир тебе, пастух, — промолвил Муйо, —
Сколько раз, пастух, мне говорили,
Что похожи мы с тобой, как братья.
Дай-ка мне шишак твой, я примеру,
А взамен возьми вот эту шапку. —
Ну, не отличишь его от Муйо!
Муйо мигом саблю вон из ножен,
Отрубил он голову у Распо
И в его одежду облачился —
Как две капли стал похож на Распо,

Взял с собой пастуший крепкий посох,
Прямо к королю шагает Муйо;
Скоро он на двор к нему пробрался,
А король в сердцах кричит на Муйо:
— Как ты смел стада мои оставить!
— Слышал я, король, — ответил Муйо, —
Будто скакуна увел ты ловко.
Я тебя с удачей поздравляю. —
Тут король пожаловался горько:
— Что за прибыль от такой удачи!
Конь меня и слушаться не хочет —
Одного лишь Муйо признает он!
Как поставили его в конюшню,
С той поры никто туда не ступит —
Ржет, кусается, лягает злобно
И овес выбрасывает в окна! —
Тут тихонько спрашивает Муйо:
— Разреши, король, пройти в конюшню,
Дай взглянуть мне на такое чудо! —
Дал король на то свое согласие.
Входит Муйо в темную конюшню,
Скакуна по крупу бьет ладонью:
— Стой, не падай, конь, пусть волк тебя
задавит. —

Ухватил коня за челку Муйо,
Бывел, королю сказал негромко:
— Ради бога, дай, король, уздечку,
Живо скакуна тебе объезжу, —
Через час как шелковый он будет. —
Дал король седло и дал уздечку,
Муйо оседлал коня умело
И пред королем на нем гарцует!
Побледнел король, трясется в страхе:
Вдруг пастух ускачет на Ютбину!
Вдруг с конем придется распротиться!

Приказал король закрыть ворота,
Приказал расставить всюду стражу.
Но и стража Муйо не удержит!
Как пришпорил он, как свистнул лихо,
С лету как перемахнул ограду —
Аж в глазах у стражи потемнело!
А король проворно влез на крышу,
Взял трубу подзорную он в руки,
Поглядел в нее, где Муйо скачет,
И с досады чуть не задохнулся.
Скачет Муйо, пыль столбом крутится,
Только скоро стал он думать думу:
«Жеребца забрал я недостойно,
Хитростью, подлогом да обманом».
Вот решился Муйо, повернул он,
К королю приехал на усадьбу,
Снова встал пред ним и слово молвил:
— Обойди, король, весь свет, все земли,
Лучшего коня нигде не сыщешь.
На, бери его и езд на здоровье,
Я ж вернусь к покинутому стаду. —
А король на это возражает:
— Распо, волк тебя дери, не вздумай
Уходить в свое ущелье к стаду!
Скоро дочку выдавать мне замуж,
Я тебя назначу старшим сватом.
Ты отважен, Распо, скор на дело, —
Выручи меня, уж будь мне другом! —
В это время королю прислали
Пастухи письмо с урочищ горных.
То письмо попало в руки Муйо,
А в письме такое слово было:
«Знай, король, к тебе пришел не Распо,
А пришел переодетый Муйо.

Зарубил он Распо острой саблей
И в его одежду нарядился.
За конем, король, явился Муйо,
Берегись и жди лихой напасти».
Усмехнулся Муйо, сжег посланье,
При дворе живет и в ус не дует.
Пастухи опять письмо прислали,
Муйо преспокойно сжег и это.
Наступает срок идти к невесте.
Всех людей глашатай скликал в поле,
Триста сватов выбрал из народа,
Дал им триста скакунов горячих,
Триста острых сабель дал им в руки.
К королю позвали Муйо спешно,
Тот велел ему принарядиться,
Дал ему оружие боевое.
— Вот тебе скакун, что был у Муйо,
Ты седлай его, отважный Распо,
К жениху сейчас везем невесту. —
Кликнул дочь король: — Оденься, Руше,
Нарядись к венцу и выйди к сватам,
К жениху мы в дом сейчас поедem. —
Скоро сваты к жениху явились.
Муйо рука об руку с невестой
Подошел к нему и сел на коврик.
Сели на ковры и триста сватов.
С той минуты добрый пир начался.
Сваты кофе пьют да трубки курят.
Вдруг сказала сватам тихо Славка:
— Будто вы совсем ослепли, славы!
Как вы не узнали турка Муйо?
Вот он перед вами старшим сватом
Кофе пьет да курит свою трубку!
Сколько раз вы ссорились с ним, славы,
Сколько было распрей, сколько стычек!

А теперь он на пиру у славов!
— Замолчи, с ума сошла ты, видно, —
Возмущенно говорят ей сваты. —
Старший сват наш никакой не турок,
Старший сват наш родом слав чистейший,
Он и дочь твою просватать вправе. —
Слыша это, замолчала Славка.
Гости пировали все шумнее.
Скоро песни начались да пляски.
До рассвета гости веселились.
Утром сваты выехали в поле.
Муё всех их в ряд один поставил,
Проскакал галопом перед ними
И такое слово сватам молвил:
— Славы, наступает час расчета!
Выходи на битву, кто желает!
Или умереть вам всем под саблей,
Иль со мною ехать на Ютбину! —
Триста сватов опустили очи,
Ни один не принял вызов Муё,
Ни один не вышел с ним сражаться.
Взял их Муё в плен, увел в Ютбину,
Дочку короля забрал с собою,
А другую девушку-невесту
Прихватил для юного Халиля...
Ждет король, когда вернутся сваты,
Ночь не спит — никто не возвратился,
Вместе с дочкой словно запропали.
А в Ютбине свадьба — пир горою,
Девять дней без усталости гуляют,
Песни не смолкают даже ночью.
Девять дней прошло, настал десятый.
На десятый Муё взял бумагу в руки,
Пишет королю письмо такое:
«Здравствуй, друг, ну, как твое здоровье?

Триста славов твоих в плен забрал я,
Дочку Руше взял себе в невесты,
А другую славку молодую
Прихватил для юного Халиля.
Не пастух я пастбищ королевских
И зовут меня, король, не Распо —
Муйо мое имя на Ютбине!»
Получил король, прочел посланье
И промолвил, про себя вздохнувши:
— С лучшим другом разве можно спорить?

МУЙО И ЗАНЫ

Господу помолимся вначале,
Не было нас, он нас в мире создал.
Вот уж рассветало, солнце вышло.
Что же сделал Дето Баше Муйо?
Он поехал утром в Королевство,
Там себе невесту Муйо выбрал,
Дочку короля себе он выбрал,
А когда в Ютбину возвратился,
Созывает Муйо триста сватов.
Триста сватов в золото одетых
Сабли их и стрелы золотые,
Кони их копытом землю роют,
Сами сваты — парни молодые,
Лишь один — старшой над ними — старый;
Это был ага Диздар Османи.
— Эй, послушайте-ка, дружки-сваты! —
Говорит им Дето Баше Муйо. —
Как вы только выедете в горы
На большие горные поляны,
Не играйте там в лихие игры,
Песни молодецкие не пойте,
Не ищите места для привала.
Там, в горах, живут три злые заны,

Может быть, они об эту пору
Отдыхают где-то в холодочке.
По добру они вас не пропустят. —
Вот уж рассветало, солнце вышло,
Скакунов своих седлают сваты,
Песни молодецкие заводят,
На дыбы взвиваются их кони.
С песнями и с играми лихими
Поскакали прямо в Королевство.
Но как только выехали в горы,
Замолчали триста добрых сватов,
Взяли под уздцы коней горячих
И ни разу не остановились —
Ни у речки, чтоб воды напиться,
Ни у роши — отдохнуть в прохладе.
Так они явились в Королевство.
Хорошо король-отец их принял!
Пили-ели сваты до отвала,
До полуночи плясали сваты.
А когда опять явилось утро,
Хорошо оделись и обулись
И, забрав невесту-королевну,
Тронулись в обратный путь — в Ютбину.
И в пути опять они плясали,
Ни на миг не прерывали пенья.
И как только выехали в горы,
Говорит старик Диздар Османи:
— Вы послушайте-ка, дружки-сваты,
Много раз бывал я в жизни сватом,
Много раз возил я здесь невесту,
И всегда в горах мы отдыхали,
И всегда мы на конях скакали,
Пели песни мы в лесной прохладе,
Из ручьев студеной освежались —
Ничего дурного не случалось! —

Тут с коней соскакивают аги,
Дальше ехать аги не желают;
Разбредились по большим полянам,
Завели они лихие игры,
Песни молодецкие запели,
Замутили ключевую воду,
Друг пред другом хвастаются силой.
Господу вовек хвала и слава!
Задрожали горные вершины,
Ветер засвистал в древесных кронах.
Тут как тут неведомо откуда
Появились три недобрых заны.
Для острастки шелкают зубами,
Пламенем палящим заны дышат.
Прямо к сватам полетели заны,
Превратили их в немые камни,
А коней оборотили пнями.
Лишь одна невеста уцелела.
За руки ее схватили заны,
Утащили в горные пещеры.
Не прилечь и не присесть невесте —
День и ночь прислуживает занам.
Как узнал об этом славный Муё,
Неприятно стало Дето Баше.
На коня немедленно вскочил он,
Поскакал на горные поляны,
А когда приехал он на место,
Отыскал там тридцать сватов-дружек, —
Стали тридцать молодых камнями,
Тридцать скакунов их стали пнями.
Как загорсвал отважный Муё!
Чуть с ума от горя он не спятил!
На коне своем поехал дальше,
В глубь пустынных гор поехал Муё,
Ищет рощу, где резвятся заны,

И ручей, где заны отдыхают,
Но они куда-то подевались!
Въехал Муйо в буковую рощу,
Где сквозь чашу не сияет солнце,
Где царит весь день глубокий сумрак
Там нашел студеный он источник,
В нем вода прозрачная, как очи, —
И передохнуть решился Муйо.
Слез с коня и отпустил подпругу,
Оглядел он буковую рощу —
Не видать ни тропки, ни дороги.
А над буками — глухие скалы,
А под буками — земля и камень.
Сквозь густые буковые кроны
Никогда не проникает солнце.
И тогда сказал отважный Муйо:
— Здесь жилище зан неподалеку! —
Ждать стал Муйо, опершись о камень.
Не пойдет ли зана за водою.
Так прошло три дня, прошло три ночи —
Женщина идет к воде с кувшином.
Про себя дивится Дето Баше:
«Как попала женщина в пустыню?»
— Добрый день, — она сказала Муйо.
— Доброго здоровья, — он ответил. —
Для кого, скажи, ты воду носишь?
Что ты делаешь в пустынном месте?
— Для кого вода — сама не знаю.
Ехала я с дружками на свадьбу.
Дружки эти сильно расшумелись,
И на нас напали злые заны:
То ли сон их нами был нарушен
То ли трапезе мы помешали,
Только бог один про это знает.
Но внезапно раскололись горы,

Засвистал над нами буйный ветер,
И явились бешеные заны.
Аг они по склонам разметали,
Превратили их в безмолвный камень,
А меня уволокли в пещеру
И себе прислуживать велели!
— За кого ж ты выходила замуж,
Как твоего суженого имя?
— Я с отцом и матушкой рассталась,
Я покинула сестер и братьев
Ради витязя, что всех отважней,
Он зовется Дето Баше Муйо! —
Храбрецу тут вовсе не до смеха.
— Ну, а жениха бы ты узнала,
Если б встретила? — допрашивает Муйо
— Как его узнать мне, горемычной,
Я его ни разу не видала.
Лишь одно мне кажется, мой витязь, —
Ты похож на Дето Баше Муйо! —
Ах, как громко он расхохотался!
— Я и есть тот Дето Баше Муйо.
Право, ловко ты меня узнала!
А теперь, коль ты моя невеста,
Ты послушай моего совета!
— Поклянусь создателем небесным,
Что владеет небом и землею,
Что владеет солнцем и луною,
Все исполню, что ты мне прикажешь! —
И тогда ее наставил Муйо:
— Как вернешься вечером в пещеру,
Ты задай вопрос хозяйкам-занам:
Мол, откуда, заны, ваша сила?
— Захотят ли мне они ответить? —
Спрашивает девушка у Муйо.
Вот как Муйо хорошо придумал:

— Поступай по моему совету.
Скоро солнце упадет за гору,
Скоро месяц скатится за рошу;
Как обычно, соберутся заны
У ручья для трапезы вечерней.
И когда к столу сойдутся заны,
Ты не трогай ни питья, ни пищи.
Без тебя и заны есть не будут,
Жалко им тебя, невеста, станет,
Вот тогда и заведи беседу,
И они про все тебе расскажут.
Ты скажи: «Клянуся хлебом, заны,
И горами, где живете летом,
И поляной, где вы спите в полдень,
И ручьями, где вы пьете воду, —
В чем таится ваша сила, заны?
Почему об этом я не знаю?»
Если ты узнаешь эту тайну
И не превратишься в горный камень,
Завтра у ручья отыщешь Муно! —
Девушка ушла в глухую чашу,
В Желтые луга поехал Муйо.
Прямо к занам девушка явилась.
— Где была ты? — спрашивают заны.
— Наш источник кто-то взбаламутил! —
Сели вечерять хозяйки-заны,
Пьют они прохладные напитки.
А невеста с ними не садится,
Только им подносит хлеб и воду.
Спрашивает Маленькая зана:
— Почему ты не садишься с нами?
Может быть, ты нынче захворала?
— Не хочу я, Маленькая зана!
Нет здесь для меня приятной пищи.
Расскажите мне про вашу силу,

Худо вам от этого не будет.
Я ведь ваша пленница простая,
Разве я могу равняться с заной?
Ради гор, где пляшете вы, заны,
Ради рощи, где вы спите в полдень,
И ручья, что дарит вам прохладу,
Расскажите — в чем же ваша сила? —
На ноги вскочили злые заны,
Обратить хотят невесту в камень.
Но не хочет Маленькая зана,
Говорит меньшая старшей зане:
— Бог тебя убей, Старшая зана!
Чем она, бедняжка, повредит нам,
Даже если мы ей всё расскажем?!
Так послушай, дочь людского рода
Три козы у нас в горах пасутся,
Их рога из золотых дукатов;
В Желтые луга мы их гоняем,
И поймать никто их не посмеет.
Ну а если есть такой охотник,
Что поймать волшебных коз задумал, —
Разорвем его мы на кусочки! —
Села вечерять тогда невеста.
Вскоре начал свет со тьмой бороться,
И пошла к источнику невеста,
Чтобы встретиться с отважным Муйо.
Засмеялся Дето Баше Муйо:
— Видно, в камень ты не превратилась!
— Ни к чему мне в камень превращаться!
Только зря ты с занами связался.
Вот что мне поведали три заны:
Есть у них особенные козы
С рожками из золотых дукатов.
В Желтые луга гоняют заны
Этих коз и там их охраняют.

Если же их кто поймать захочет,
Сам на этом силу потеряет! —
Муйо встал и говорит невесте:
— Ты теперь ступай обратно к занам.
Жди меня, не подавая виду.
Муйо всех вас вызволить сумеет —
И тебя и аг окаменевших! —
Вновь на скакуна садится Муйо,
Быстро возвращается в Ютбину.
И едва вернулся он в Ютбину,
Подает он всей Краине голос:
— Кто бы ни был — ловчий иль охотник —
Собирайте всех борзых и гончих
И со сворами ко мне спешите!
Пир для всех устраивает Муйо,
А наутро — псовую охоту! —
Быстро собрались триста ловчих,
Привели с собой семь сотен гончих,
Привели с собой борзых три сотни.
На пороге их встречает Муйо,
Принимает в доме их с почетом.
А когда настало в мире утро,
Говорит друзьям отважный Муйо:
— Слушайте, охотники лихие!
Козы нам должны живьем достаться!
Их не раньте, даже по ошибке.
Если кто поранит коз волшебных —
Никому в Ютбину не вернуться! —
И повел их Дето Баше Муйо,
В Желтые луга охоту вывел.
Обложили это место кругом,
В круг вошел отважный витязь Муйо
И пустил вперед семь сотен гончих,
А потом пустил борзых три сотни;
Часть охотников пошла по следу,

А другие спрятались в засаде.
И охота шла три дня, три ночи.
А когда прошло три дня, три ночи —
Коз живьем охотники схватили,
Их связали, привезли в Ютбину
И в темницах заперли покрепче.
И за это одарил их Муйо.
Заны сразу сделались бессильны,
Кличут коз — а козы запропали,
Ищут диких коз по горным склонам.
Каждый кустик заны осмотрели —
Нету коз. Куда они девались?
И тогда друг другу молвят заны:
— Наших коз охотники поймали!
— Ты послушай-ка, Старшáя зана, —
Говорит невеста старшей зане, —
Шлет привет тебе отважный Муйо.
Коз своих напрасно не ищите:
Как залог их держит славный Муйо
За меня — за пленную невесту —
И за сватов, превращенных в камни. —
Как услышали про это заны,
В тот же час направились в Ютбину,
И стучатся заны в двери дома:
— Ты ли коз у нас похитил, Муйо?
— Я похитил, — отвечает Муйо, —
И держу их связанных в темнице! —
Что же говорит Старшáя зана?
— Поклянусь тебе, отважный Муйо.
Что нужны нам козы до зарезу,
Ты освободи их, ради бога.
А за это возвратим мы сватов,
И коней их сделаем конями,
И тебе вернем твою невесту!.. —
Не дает договорить ей Муйо:

— Уж не больно мне нужны те сваты,
Я без них, ей-богу, не скучаю;
Обойтись могу и без невесты —
Говорят, невеста старовата!
А вот козы — с ними не расстанусь,
Не имел никто подобных тварей! —
Причитают и рыдают заны,
Целый день рыдают-причитают,
Дереву и то бы стало жалко.
Ну а Муйо словно и не слышит.
Тут идет к нему Меньшая зана,
Слезы отирая волосами.
За руку она хватает Муйо,
Перед богом произносит клятву:
— Где захочешь, там возьмешь невесту,
Где захочешь — поразишь дракона,
Каждый раз, когда поедешь в горы,
Каждый раз, когда играть захочешь,
Каждый раз, когда запеть захочешь
Или потешиться стрельбой захочешь —
Останавливайся на полянах,
Воду пей из наших горных речек, —
И клянусь тебе всевышним богом —
Что от нас тебе вреда не будет! —
Тронула Меньшая сердце Муйо,
Приздумался отважный витязь
И потом сказал такое слово:
— Заны вы — и занами останьтесь!
Я же вам клянусь и обещаю —
Ваших коз пушу я на свободу!
Эй, Халиль, веди их из темницы! —
Юноша ведет их из темницы.
И когда на волю вышли козы,
В тот же миг повеселели заны
И исчезли, словно привиденья, —

И умчались восвояси в горы.
И едва они вернулись в горы,
Между скал они сыскали сватов
И в людей их снова превратили,
А потом коней расколдовали.
И невесту, посадив в повозку,
Сами повезли они в Ютбину.
Ну и песни девушки запели,
Ну и танцы показали сваты!
Задрожали, загудели горы.
На вершинах там поют три заны:
— Заны мы — и занами остались!
Сделали мы так, как обещали!
Возвратились сваты и невеста. —
А в горах поет Старшая зана:
— Заны мы — и занами остались!
Сделали мы так, как обещали!
Зана заной будет, дева — девой,
Зана -- солнцем, женщина — луною!

**ТРИДЦАТЬ ДЕВУШЕК СОБРАЛИСЬ
ПОВОЛТАТЬ**

Тридцать девушек собрались поболтать,
Пили вина, сидя за столами,
И раки с вином перемешали;
Языки от хмеля развязались.
Девушки любимых вспоминали;
Только две из них сидели молча:
Это Кунэ — Муйова сестрица
С королевскою сестрою Рушьей.
Тридцать девушек заговорили:
— Пусть вас бог за это покарает!
Что же вы молчите о любимых?
Или же они плохие люди?
Или вам доводятся роднею? —
Кунэ стала горячо божиться:
— Нет, дружок мой вовсе не родня мне!
Нет, дружок мой человек достойный!
Но он недруг нашему семейству,
Он с моими братьями в раздоре.
Ежели мой друг поймает Муйо,
Головы не сносит брат мой Муйо.
Имя друга — Нике Байрактари. —
Рушья о себе тогда сказала;

— Моего зовут Халиль Соколе,
Но и с Кунэ крепко я сдружилась,
Потому о нем я умолчала. —
Поклялись все именем господним:
— Нет, не быть тебе за Байрактари, —
Ведь живет он в дальнем Королевстве;
Сгубят его турки здесь, в Ютбине,
Саблей острой голову отрубят.
— Конь у друга, вороной, горячий.
Друг по мне как только затоскует,
Десять гор за час преодолет
И ко мне в окошко постучится,
Поцелует жарко и уедет;
И никто в глаза его не знает. —
Тут случилось вот какое дело:
В комнату Халиль вошел тихонько;
Он сидел и разговор их слушал.
А услышав, сразу саблю вынул
И на Кунэ замахнулся саблей.
Девушки едва остановили
И от смерти Кунэ защитили.
Тут пошел Халиль в палаты к Муйо,
И ему он так про то поведал:
— И нашла же наша Кунэ друга!
С нашим злым врагом она спозналась,
Другом называла Байрактари.
А ведь он готов тебя зарезать!
— Уходи, дурак, молчал бы лучше!
— Что ты, Муйо! Сам я это слышал
В комнате, где девушки сидели;
Было тридцать их, они там ели,
Пили и раки с вином мешали;
Языки от хмеля развязались,
Все они любимых вспоминали.
Я из уст сестры услышал это

И ее убить хотел на месте.
Тридцать девушек мне помешали.
Погоди — уж ей за это будет!
Засмеялся Муйо и воскликнул:
— Уходи скорей, дурак, отсюда!
Но одно, Халиль, ты объясни мне:
Если был ты там, где пировали
И дружков любимых вспоминали,
Почему ж тебя никто не вспомнил? —
Головой поник Халиль угрюмо.
А потом он так похвастал Муйо:
— У меня и так их два десятка! —
Муйо же на то ему ответил:
— Не хотел бы друга я такого!

ЖЕНИТЬБА ХАЛИЛЯ

Сильно светит солнце, а не греет!
Ветер гнет ютбинскую чинару.
Снег великий пал на землю.
Ломятся от ноши ветки буков.
Сосны завалило до верхушек,
Стонут склоны от снежных обвалов,
И лавины катятся в предгорье.
Девушки с бельем на речку вышли,
Видят — речка быстрая замерзла;
К родникам пошли тогда девицы,
Видят — родники замерзли тоже.
Что ж сказали девушки друг другу?
— Пока бог ключи опять согреет,
Все на свете помереть успеет.
— Господи, а это кто там едет?
Иль богатыри в наезд собрались?
Как они пройдут за перевалы? —
Говорит своим подругам Ера:
— Поглядите, то не сваты-дружки —
Те прошли по берегу недавно.
Это Муйо сам с богатырями
Нынче в горы едет на охоту.
Господи, спаси нас и помилуй!

Злая туча заслонила солнце,
Соткала большое одеяло
И покрыла горные вершины.
Храбрецов застала непогода,
Закрутила снежная поземка,
За два шага не видать друг друга,
Вовсе храбрецы заledenели;
Да на счастье — вот жилище Муйо.
Всех к себе зовет на ужин Муйо.
Вот что Дето Башо Муйо сделал:
В печь подбросил тонкие поленья —
Триста храбрых сразу обогрелись.
И тогда кувшины он подвинул,
И тогда он бочки пододвинул,
А в кувшинах тех раки кипела,
А в бочонках — золотые вина.
Быстро гости позабыли стужу,
Быстро кровь от хмеля разогрелась;
И пошли меж ними разговоры,
Богатырское пошло веселье.
Стали гости выпрашивать Муйо:
— Мы случайно в дом к тебе попали,
Не сердись на нас за наше слово:
Ради бога, что нас в мире создал,
Отчего ты не женил Халиля?
Все его погодки поженились,
Всем господь дал сыновей и дочек,
Мальчики уже на игры вышли.
Или денег жаль тебе на свадьбу?
Иль гостей не хочешь звать на свадьбу?
Или молодца приворожили:
Слишком часто ездит в Новые Которы.
Как бы в плен его не захватили —
Часто дом родной он покидает.
Как бы Муйов род не прекратился!

Или дал Халиль обет безбрачья?
— Дай вам бог, друзья мои, удачи,
Распознали вы мою заботу.
Поклянусь, что мне не жалко денег,
И не трудно мне устроить свадьбу.
Ведь у каждого из вас есть братья,
Ведь и вы б для них не поскупились!
А мой брат не парень заваливающий,
Он храбрец и настоящий воин.
Может быть, несчастье с ним случилось:
Выбрал ту себе, что нам не пара,
И задумал род наш опозорить?
Пусть тогда меня ударит громом,
Пусть мне мертвому земля не будет
домом! —

Тут Халиль поклялся, побожился:
— Пока есть у меня брат с сестрою,
Я умру, а не могу жениться.
Ведь все женщины Краины нашей
И все девушки Ютбины нашей
Для меня как бы родные сестры.
Пусть помру я, мне не будет счастья,
Коль не выкраду Танушу-королевну.
Я Танушу эту сам увидел,
Когда мы с Королевством дружили.
Лучше всех она под этим солнцем!
Брови у нее, как пруттик тонкий,
Лоб ее крутой, как горный взлобок,
Белый, словно горы под луною;
А глаза — как ягодки черешни,
А ресницы — ласточкины крылья,
А лицо, как яблочко на ветке,
Нос прямой, как ниточка тугая;
Рот — бутон полураскрытой розы,
Зубы, словно камешки речные

На побережье, озаренном солнцем;
Шея — словно шейка голубицы,
Стан ее стройнее горных сосен,
Руки белые, как ветвь самшита, —
Так хвалил возлюбленную парень.
Рот ему заткнул рукою Муйо,
Но совсем тут разошелся малый:
— Отойди, пришла моя погибель!
— Стой-ка, Муйо, разберемся в деле! —
Тут воскликнул старый Башо Йона. —
— Дай-ка лучше слово молвить парню!
— Не друзья тому виной — не знал их,
Не добро тому виной — я беден,
Не красавица виной — не встретил,
Сам, друзья, я не желал жениться!
— Эй, постой-ка, парень, погоди-ка, —
Говорит старик Осман Халилю. —
Завтра день большой тебе назначен,
Тридцать храбрецов сюда сойдутся,
Тридесять невест тебе найдутся,
Выбирай из них себе любую. —
Но Халиль не слушает Османа,
Грубо старика перебивает:
— Бог убей вас, ютбинские аги!
Где такое видано на свете,
Чтобы брат сестру свою брал в жены!
Ведь все девушки Краины нашей
Кажутся мне сестрами родными.
Произнес я страшное заклятье —
Поклялся я именем господним,
Именем того, кто мечет громы,
Кто приносит нам дожди и ветры,
Что женюсь я на камнях и скалах,
Иль возьму Танушу-королевну.
Слушайте вы, витязи Ютбины:

Пусть кукушкой стану я ночью,
Но в Краине не хочу жениться!
Горы, вы, крутые перевалы,
Что ж вы не оставили прохода,
Чтоб прошел я прямо в Королевство!
Лучше б вы мне помощь оказали —
Море подняли до перевалов,
Чтобы смыло снег высокогорный,
Чтоб я смог пройти и обвенчаться,
Чтоб не стали надо мной смеяться
И не звать меня волом Которским... —
Услыхали горы то заклятье,
Море то заклятье услышало,
Принесло оно могучий ветер,
Принесло оно горячий ветер,
Тучу черную оно наслало...
Покатались снежные обвалы,
Загремели высокие горы,
Снег растаял, устремился в реки
(И не больше трех дней это длилось).
А и трех недель не миновало,
Как опали вздувшиеся реки —
Горный снег смешался с синим морем.

*

Слава тебе господи-создатель!
Ах, как соловьи в горах распелись!
На полях играют ребятишки,
Началась весна на белом свете —
Заходить в жилище неохота!
И Халиль промолвил брату Муйо:
— Дай мне, Муйо, коня боевого! —
Отказал суровый Муйо брату.
Своего коня Халиль выводит,
Хочет он поехать за Танушей...

Но старуха мать, увидев это,
Правильно тогда сказала Муйо.
— Что ты сделал, сын, — она сказала, —
Почему коня ты не дал брату?
Ведь ему теперь грозит опасность,
С ним беда случится в Королевстве.
Ты, покуда жив, о брате помни! —
Тут немедля Муйо обернулся,
— Стой, Халилы! — вослед он крикнул брату.
Своего коня дал парню Муйо
И к тому еще наказ хороший:
— Доброго пути, мой младший братец!
Если ты прибудешь в Королевство,
Не бросай коня ты без присмотра.
Этот конь тебя доставит к Вуку,
К побратиму Вуку Харамбаши.
Передай ему привет от Муйо
И проси, чтоб пособил он делу —
Пособил деньгами и оружием,
Пособил тебе достать Танушу. —
На коня вскочил отважный парень.
— До свиданья! — прокричал он Муйо
И направил путь свой в Королевство.
Быстро едет, мчит быстрее ветра,
Проезжает ельники и буки,
Едет он и днями и ночами,
Божьего созданья не встречая.
— Помогу ему, — сказала солнце,
— Помогу ему, — луна сказала,
— Пособим ему, — сказали горы.
Господи, заговорили козы!
Горная коза заговорила.
Что ж она сказала о Халиле?
— Светлый день несет на землю солнце,
Мрак ночной несет на землю месяц,

А оружие охраняет зана! —
Право, сильно парень испугался.
— Господи, что здесь за наваждение,
Отчего заговорили козы?
— Нет, Халиль, мы козы не простые,
Не простые — каменные козы,
Нас пасут на этих склонах заны! —
Вот как хорошо ответил парень:
— Знаю я, что здесь хозяйки заны.
И спасибо вам на добром слове.
Мои очи охраняет солнце,
Мои ноги охраняет месяц,
А оружие охраняют заны,
А судьбой моей владеют оры! —
Тут он вскоре выехал на гору
И увидел он оттуда реку,
Что легла от моря и до моря.
Скрыт туманом берег отдаленный.
Дал коню испить водицы парень —
На три паша конь назад отпрянул.
Глядь, стоит там кто-то под скалою.
Это ора спрашивает парня:
— Ты куда так, парень, поспешаешь?
Отвечает ей Халиль с тревогой:
— Еду я по делу в Королевство,
Еду в гости к Вуку Харамбаши! —
Горная расхохоталась ора.
Невдомек отважному Халилю,
Что за человек ему попался.
Вот как хорошо сказала ора:
— Ну-ка, наостри получше уши.
Знаю я, куда, зачем ты едешь,
Видела тебя на Желтом луге,
Полюбила как зеницу ока.
Днем и ночью я тебя хранила;

Словно тень, я за тобой ходила.
Не найдешь ты Вука Харамбаши.
Он давно покинул Королевство.
Но послушай, что тебе скажу я.
Видишь эту реку пред собою?
Эту реку называют Туна.
А теперь гляди на дальний берег,
Там на берегу увидишь тени,
Белые шатры ты там увидишь,
А средь белых ты увидишь — красный.
Ты коня не сдерживай уздою,
Он примчит тебя к твоей невесте. —
Скрылась ора — взобралась на гору;
Скрылся парень — поскакал в долину.
Солнце заходящее повисло,
А потом совсем стемнело.

*

Слава тебе, достославный боже!
День ты создал, чтоб трудились люди,
Ночь ты создал, чтобы отдыхали!
— Что ж луна на небо не восходит? —
Соловьи нагорные спросили.
— Обождите вы, горные птицы.
Вам бы только петь, забот не зная.
Занята луна сегодня ночью,
Витязя она сопровождает! —
Так сказали каменные козы.
Юноша достиг прибрежной кручи,
Привязал коня он на опушке,
На опушке к молодому буку,
Сам пошел блуждать между шатрами.
Наконец шатер нашел он красный,
Около него остановился,
Спрятался в тени большого дуба,

Что речную воду пьет корнями.
Скучно парню ожидать в засаде,
Рассуждает парень сам с собою:
— Поскорей бы наступила полночь! —
Наконец господь устроил полночь.
Встал Халиль и вышел из засады,
Острый нож из-за пояса вынул
И к шатру ползном он подобрался.
Там ковер разрезал он шатровый
И в шатер свою просунул руку.
Тут-то вышла некая оплошность:
Он задел рукою человека —
Дочку королевскую он тронул!
Закричала девушка в испуге,
Всех подруг своих перебудила.
Триста девушек в шатер сбежались.
— Что случилось? — говорят Тануше. —
Отчего кричала ты спросонья? —
Девушка подругам отвечает:
— Спать ступайте, милые подруги,
Я во сне видала домового,
Оттого я пробудилась с криком. —
Девушки отстали от Тануши,
Разошлись и спать легли спокойно.
Вдруг кольцо по земле покатилося,
И его Тануша увидала,
А потом заметила Халиля.
— Господи, где я тебя видала?
Очень уж похож ты на Халиля. —
Тут уже не выдержал влюбленный:
— Бог тебя убей! — сказал Тануше. —
Неужель свою забыла клятву?
— Руки пусть отсохнут, непутевый,
Как посмел ты сюда пробраться!
Или триста душ в тебе, негодный,

Что ты мог сюда живым проникнуть!
Ну-ка заходи скорей, разбойник,
Если суждено, погибнем вместе! —
Не торопится, однако, парень.
— Погоди-ка, — девушке сказал он.
Вынул саблю острую из ножен,
Обошел вокруг шатра дозором,
Оглядел внимательно весь лагерь —
Ни живой души вокруг не видно —
И тогда вошел в шатер к Тануше.
За руку его взяла девица
И приводит в спальные покои.
Весь шатер ее набит приданым.
Выбрала одежду королевна,
Золотом расшитую одежду,
И перед Халилем расстелила.
— Надевай, Халиль, да поскорее!
Если нас с тобой король застанет,
Не сносить нам головы обоим. —
Так девицей обрядился парень.
Вскоре начал свет со тьмой бороться,
Поднялось в туманной дымке солнце.
Где ж теперь подруги королевны,
Отчего так рано пробудились?
Шерсть они берут, кто сколько может,
Собираются идти на речку.
Разошлись по камешкам прибрежным,
Моют шерсть и песни распевают.
И туда, где моют шерсть девицы,
И туда, где распевают, вышла
Королевна об руку с Халилем,
И на камешках прибрежных стали.
Говорят подруги королевне:
— Ты ответь, скажи нам, ради бога,
Что за девушка пришла с тобою,

Нас она своим пленила видом.
Ведь глаза ее, как очи заны,
А чело ее, как ясный месяц,
Стан ее подобен черной пихте,
Не найти на свете ей подобных!
— Что вы, триста девушек, сказали!
Впрямь ли нет подобных ей на свете?
Это просто бедная сиротка,
Захватил ее паша Думликский,
Негде взять приданого, бедняжке.
Батюшка ее лежит в могиле,
Матушка — та милостыню просит.
К королю-отцу она явилась,
Может, он ей что-нибудь подарит.
Ну, а вы, служанки, не болтайте,
Мойте шерсть и занимайтесь делом! —
Те ни слова больше не сказали,
Моют шерсть на камешках прибрежных,
Кто смеется, а иные плачут.

*

Слава тебе, достославный боже!
Что ж поделывает королева?
Тяжкий сон приснился ей в Которах.
Видела во сне она отару,
А в отару черный волк забрался,
Черный волк в бараньей черной шкуре.
В ужасе проснулась королева
И стучится к королю в покои:
— Встань, король, господь тебя накажет!
Есть у нас одна с тобою дочка,
Больше нет ни дочерей, ни сына,
Сколько дней о ней мы не слыхали!
Оседлай коня, да побыстрее,
Я сегодня сон дурной видала.

— Бог с тобой! — король вскричал
в тревоге.

— Черный волк явился из Ютбины,
И на триста девушек напал он! —
Тут король оделся, снарядился,
Подтянул подпругу у гнедого,
Хорошо пригнал железный панцирь
И помчался поскорее к Туне.
Девушек на берегу считает,
Их не триста — на одну там больше,
Лишняя — прекрасней всех красавиц.
— Ой, Тануша, с добрым утром, дочка,
Что это за девушка с тобою?
В целом мире ей не сыщешь равных.
— Это просто нищая бедняжка,
Захватил ее паша Думликский,
Без приданого она осталась
И к тебе явилась, горемыка,
Может, ты ей что-нибудь подаришь. —
Дал король такое приказанье:
— Собирайтесь в Новые Которы,
Девушку с собою забирайте! —
Приказал король сбираться тотчас,
Триста девушек засуетились,
Все собрали, закатали вьюки,
А Тануша-королевна едет
Позади всех об руку с Халилем.
Юноша на белом иноходце,
На гнедом с ним рядом королевна,
Войско их усердно охраняет.
Ехали три дня они, три ночи,
Приезжают в Новые Которы.
Разошлись по домам подруги,
А Тануша для себя отводит
Лучший дом над скалами у моря,

Дом высокий, ладный и красивый,
Не найти нигде ему подобных.
Шириною он шагов во триста,
А перед его из гладких камней,
Стены — из обтесанного камня,
Дорогого мраморного камня.
Бьют источники, неся прохладу,
Есть там сад для игр и развлечений,
Пристань есть и парусные лодки,
Чтоб кататься по равнине моря.
Если в этот дом войдет прохожий,
Позабудет, на каком он свете.
В дом вошла с Халилем королевна.
Жили там они три дня, три ночи,
Ничего не пили и не ели,
Думали: как им попасть в Ютбину?
Вот что порешила королевна:
— Мы с тобою по морю поедем,
Сядем в лодку с веслами с тобою,
Сядем в лодку с парусом с тобою;
Ты на весла сядешь, я за парус.
Нам господь пошлет попутный ветер,
И домчит нас ветер до Краины.
Конь мой белый ожидать нас будет.
Только б мать про это не узнала! —
И коня она пустила в море.
Что же натворила королева?
Увидала — конь плывет по морю,
К королю немедля побежала.
— Разрази господы! — она вскричала. —
Наша дочь три дня живет в Которах,
Мы ее ни разу не видали.
— Что ж, ступай и повидайся с нею,
У меня другие есть занятия! —
Собралась немедля королева,

В путь пустилась по берегу моря.
И пришла она к большому дому.
В дверь стучится, а дверь на запоре.
Сладким голосом она запела:
— Ой, Тануша, дорогая дочка!
Отвори мне дверь большого дома,
По тебе я так истосковалась! —
Девушка от страха задрожала.
Говорит Халилю: — Что нам делать?
— Отвори ей, нам господь поможет! —
Но открыть они боятся оба.
Наконец Тануша так сказала:
— Ты послушай, матушка, — сказала, —
Не могу тебе открыть я двери —
Захворала я, мне спину ломит!
— Ничего, — сказала королева, —
Помню я, что в молодые годы
Я сама страдала от болезни.
Господом тебе могу поклясться,
Что от хвори я тебя избавлю.
Отвори-ка дверь, не медли, дочка,
Или я не мать тебе родная? —
Дочь решила — пусть войдет старуха.
С лестницы сбежала, дверь открыла,
Но при этом спрятать позабыла
Парус, приготовленный для бегства.
Дверь она открыла королеве,
Только мать не матерью была ей,
Оказалась мать страшной дракона.
Как узрела Соколе Халиля,
Вспять пошла она змеиным ходом.
— Покарай тебя господь, Тануша!
В доме у тебя полно бандитов! —
Дверь в сердцах захлопнула старуха,
К королю обратно побежала.

— Капедан-король, конец пришел нам! •
Ворвались ютбинские бандиты,
Во дворцы, разбойники, пробрались,
Над твоею честью надругались!
— Что плетешь ты, твой язык отсохни! —
Закричал во гневе слав которский,
И лицо его запыхало.
Быстро встал он, объявил тревогу,
Окружил дозорами весь берег,
Крепкий дом они атаковали,
С ними юноша не совладет.
Взял король их голыми руками.
— Дочь меня навеки осрамила!
Спуталась с разбойником ютбинским! —
Он Халиля заключил в темницу,
А Танушу выгнал вон из дома:
— Прочь отсюда! Скатертью дорожка!
Ты сама себе судьбу избрала,
И ступай теперь отсюда, дочка,
Чтоб ноги твоей тут не бывало! —
Горько зарыдала королевна,
Зарыдала, вышла на дорогу,
Вот идет по ней и причитает.
Вышли люди, слыша причитанья,
А никто к ней подойти не смеет.
Окружает стража королевну.
Но вблизи окраины которской
Йован попался ей навстречу:
— Отчего рыдаешь ты, сестрица,
Я не видывал такого горя,
Заходи ко мне и будь как дома;
Может быть, помочь тебе удастся.
— Ах, Йован, ничем мне не поможешь!
В плен забрали моего Халиля,
А меня отец прогнал из дома,

Больше мне домой не возвратиться!
— Кто ж, скажи, тебя, сестрица, предал?
— Ах, Йован, сама я не гадала,
Что родная мать меня загубит.
Об одном, Йован, тебя прошу я:
Передай словечко брату Муйо,
Чтоб спешил скорей спасти Халиля,
А иначе сгинет он в темнице. —
Так Йован Тануше отвечает:
— Я не знаю, как добраться к Муйо,
Но вблизи живет один краинец,
Видишь на краю Котор домишко,
С новой дверью, ставленной недавно. —
Проводил Йован ее до дома,
Женщину одну они встречают,
По воду идет она с кувшином.
— Что с тобой, Тануша, приключилось?
— Пусть ни с кем такого не случится!
Проводил король меня из дома,
Чтоб ноги моей там не бывало.
В плен забрали моего Халиля,
И боюсь, кончина будет парню,
Если Муйо не придет на помощь! —
Добрая та женщина с кувшином
Королеву утешила словом:
— Если Муйо жив-здоров, как прежде,
Через три дня он тебе поможет! —
Чуть стемнело, та которка к Муйо
Верного послала человека.
Через день пришел посланец к Муйо,
Обо всех делах ему поведал.
Долго хохотал отважный Муйо:
— Ты меня не слушал, вол которский!
Я сказал, что головы не сносишь!
Если бы не честь Ютбины нашей,

Не пошевелил бы я рукою! —
Вышел храбрый на вершину башни,
Загремел набат на всю Ютбину:
— Собирайтесь, храбрецы, на дело,
Четовать пойдем сегодня с вами! —
Храбрецы немедля отозвались.
Говорят они: — Здорово, Муйо!
— Что сказать вам, ютбинские аги, —
Мой Халиль Ютбину опозорил!
В плен попал к королю Капедану.
Но, клянусь, спасти его не стал бы,
Если б не стыдился за Ютбину!
Подтяните, храбрецы, подпруги,
Скверный день нам выдался сегодня! —
Триста аг подпруги подтянули,
Мимо буков с шумом поскакали,
Горные потоки замутили.
Полетели белые их кони,
В Новые Которы принесли их.
Там, где были заросли у моря,
Храбрецов своих запрягал Муйо.
— Здесь сидите, ожидайте знака! —
Те сидят, ни слова не промолвят.

*

Боже, ты счастливыми нас сделал!
Собралось невидимо народу
В это время в Новые Которы:
Всех король созвал своим набатом.
День воскресный был, и все которцы
Собрались на площади у храма.
Посредине площади в оковах
Молодой Халиль стоит несчастный.
Он стоит, закованный в железо,
Потешаются над ним которцы,

И король смеется над Халилем:
— Ну, Халиль, пришла твоя кончина!
Хорошо тебе теперь, скажи-ка! —
Но достойно парень отвечает:
— Что ж, король, попал к тебе я в руки!
Худо мне, но смерть бывает хуже.
Хуже, если друга убивают,
Хуже, если клятву нарушают,
Хуже, если гостя встретить нечем.
А теперь, король, хоть мне и тяжело,
Но господь меня свободным создал!
— Кол тебе, разбойник, приготовлен,
Говори последнее желанье.
— Ах, король, известно только богу,
Для кого этот кол приготовлен!
Дай еще мне пять минут свободы.
Предки нам издревле завещали —
Никогда не умирать на ложе,
Умирать лишь с саблею и с песней! —
Тут король поднялся важно с места:
— Пой, Халиль, коль этого ты просишь! —
Руки молодцу освободили,
Дали ему звонкую ляхуту.
Смотрят все, не понимают парня.
И запел Халиль старинным складом:
«Вот пришел он, день моей кончины.
Солнце скрылось, и темны вершины!
Что ж ты, солнце, мне не помогаешь?
Где же вы, хранительницы-заны?
Позабыли ваши обещанья?
Ты услышь меня, родное солнце!
Я прошу тебя перед кончиной,
Я последний раз к тебе взываю!
Поищи ты по горам, по скалам,
Освети ты молодые буки,

Разбуди в горах ты ор заснувших,
Передай привет ты Старшей зане
И скажи, что в плен Халиль попался!..
Прилети ко мне, горная птица,
Сядь на ветку молодого бука.
Выслушай меня, певунья птаха,
Полети побыстрее отсюда,
Ради ветки молодого бука,
И привет передай брату Муйо.
Если спит он, ничего не зная,
Пропадать мне тогда понапрасну.
Если ж где по горам он чует,
Пусть живым он домой не вернется,
Если мне помочь он не решится.
Никогда так не было мне худо!>
Тут на площадь выезжает Муйо,
И такой он поднял шум в Которах,
Что дома от шума обвалились.
Море синее разволновалось,
И лавиной загремели горы.
Никому не избежать расправы!
Храбрецы навалились дружно,
Словно звери, рвут они зубами,
Кони их взвиваются, как звери,
Мертвецы плывут от сечи в море,
Плавают тела в кровавых лужах;
Распалился Дето Башо Муйо,
Всех крушит налево и направо!
— Муйо, брат! Король меня погубит! —
Закричал Халиль, увидев брата. —
Кандалы скорей с меня снимите!
Я поклялся именем господним,
Что кого-то этот кол погубит! —
Муйо быстро с парня сбил оковы,
И, как бешеный, ринулся парень,

Короля он обхватил руками
И на том колу его прикончил.
И тогда мужи сошлись грудью;
Занялся пожаром целый город,
Из конца в конец запылял он.
И взъярился Дето Башо Муйо,
Жалости не ведает он в битве
И пощады никакой не знает
Ни к домам, ни к обгорелым трупам!

*

Трижды солнце в небо восходило,
Трижды месяц выходил на небо,
Полыхал огонь по всем Которам.
Наконец устал храбрец от сечи,
Оглядел он Новые Которы:
Видит он разрушенные зданья,
Мертвецов и на земле и в море.
Если спросят на земле и в море,
Отчего случилось несчастье,
Вы скажите: оттого что дочку
Мать родная предала бесчестно...
Так вот спас родного брата Муйо,
А Халиль женился на Тануше.

ИМЕР, СЫН МУЙО

Господу помолимся вначале,
Не было нас, он нас в мире создал.
Всем дает он счастье и удачу!
Тридцать аг в саду пируют пышном, —
Завели веселую беседу,
Попивают разные напитки.
Всем Халиль ракии подносит;
Сколько раз стакан дает он Муйо,
Столько раз дает стакан неполный,
В очи Муйо он взглянуть не хочет.
И тогда ему промолвил Муйо:
— Покарай тебя господь-создатель!
Почему ты мне стакан даешь неполный,
Почему ты не глядишь мне в очи?
Разве мы с тобою не родные?
Иль тебя нечестным мать родила? —
Слушай, что Халиль ему ответил:
— Братья мы с тобой, родные братья,
Но какой бы подвиг ни свершил я,
Всю тебе приписывают славу.
И на бой, тебя хочу я вызвать!
— Замолчи, Халиль, ты, ради бога!
Турок с турком не затеет распрю,
А не то что брат с родимым братом. —

Оба брата к матери явились,
И тогда спросила мать у братьев:
— Отчего вы так сердиты, дети?
Славы ль где на бой вас вызывают?
Побратим или друг у вас помер?
Иль вы просто повздорили, дети? —
За двоих тогда ответил Муё:
— Славы нас на бой не вызывали,
Друг иль побратим у нас не помер,
А между собою не в ладу мы!
Бог свидетель, братья мы с Халилем,
Иль его ты сделала коварным? —
Поклялась мать именем господним:
— Братья вы с ним, братья вы родные,
И Халиля я не сделала коварным!
— Мне Халиль стакан дает неполным,
Очи от меня отворотил он,
И на бой меня он вызвать хочет;
Турок с турком не затеет распрю,
А не то что брат с родимым братом. —
И дает им мать совет хороший:
— Оседлайте вы коней ретивых
И подальше в горы выезжайте,
Кто в горах пробудет девять суток,
Просидит не евши и не пивши,
Пусть тому достанется вся слава! —
Матери послушались братья.
Оседлали скакунов ретивых
И далеко в горы поскакали.
Провели они в горах шесть суток,
Провели не евши и не пивши.
И невоготу Халилю стало.
И позвал он Дето Баше Муё —
Говорить с ним Муё не желает.
И тогда Халиль коня поранил

И напился лошадиной крови.
Вот на свете утро наступает,
Вновь немоготу Халилю стало.
Вновь позвал он Дето Баше Муйо,
И на зов его явился Муйо.
И сказал Халиль такое слово:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Ты вблизи здесь не видал ли снега,
Не видал ли где ручья с водою?
Потому что я умру от жажды! —
И сказал ему на это Муйо:
— Был бы здесь какой ручей с водою,
Раньше б мы с тобой к нему пошли бы,
Были бы здесь снежные обвалы,
То от зноя снег бы растопился. —
И Халиль сказал ему на это:
— Коль меня к ручью не отведешь ты,
Снежного сугроба не укажешь,
Самому себе я бок разрежу,
Жажду утолю своею кровью! —
И тогда ему ответил Муйо:
— Поостынь, Халиль, ты ради бога! —
Муйо божьим именем поклялся:
— Я бы мог сидеть и двадцать суток
Здесь, в горах, не евши и не пивши,
И ни капельки я не устал бы.
Мне известен здесь ручей с водою,
Там семь жерновов пшеницу мелют,
То владенье Циро Байрактари,
Триста славов место охраняют! —
И Халиль поклялся, побожился:
— Пусть их будет у ручья три тыщи.
Все равно я утолю там жажду,
Или голову на берегу сложу я. —
Вновь своих коней они седлают,

И к ручью они поспешно скачут.
Стражей у ручья не повстречали.
Наклонился Соколе напиться,
И, поклявшись именем господним,
Муйо взял часы и стал поодаль —
Три часа Халиль не отрывался,
Весь ручей почти до дна он выпил.
А когда опять поднялись воды,
Муйо оплеснул водою очи,
Ну а в рот храбрец не взял ни капли.
Посидели братья, покурили,
Разговор вели между собою,
И смеялся Дето Баше Муйо.
Но навлек господь на них несчастье —
Сон их в холодке сморил обоих.
Мощным бог их наградил дыханьем:
Всякий раз, когда они вздыхают,
Все деревья валятся в округе,
Дуб, стеная, грохается наземь!
А как только братья выдыхают,
Рушатся окрестные вершины!
Поднялась тревога в Королевстве:
— Отчего там дуб на землю рухнул?
Отчего деревья покачнулись?
Отчего вершины гор осели?
Может, это пушки бьют в Краине?
Может, это грохотанье грома?
Или волн морских прибой о камни?
Или это скрежет шкур змеиных? —
Видишь, вот он, Циро Байрактари,
Он трубу подзорную приладил,
Горы осмотрел он зорким взглядом,
Был ему ручей отсюда виден,
У ручья увидел спящих братьев.
И собрал король тут триста славов,

И направил их к ручью немедля,
И увидел: крепким сном спят аги.
Оковал им руки кандалами,
Кандалами оковал им ноги,
В девять темных подземелий бросил.
Сразу сон тогда прошел у Муйо,
Тогда вскрикнул Муйо без натуги,
И земля в округе задрожала.
Слышен голос в семи Королевствах.
— Разрази тебя господь, Халили!
Захватили нас в полон без боя! —
Тут вскочил Халили, ага младший,
И спросил у Муйо он с тревогой:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Есть у нас в роду еще мужчина?
Может, есть какой-нибудь племянник
Или друг отважный и могучий,
Чтоб он мог прийти сюда за нами? —
Побожился Муйо и поклялся:
— Нет мужчины больше в нашем доме,
Нет друзей отважных и могучих,
Нет у нас племянника с тобою —
Некому прийти сюда за нами!
Взял я в дом жену совсем недавно
И проспал я с ней всего три ночи,
Уповаю я на милость бога,
Что ее беременной оставил.
Если, к счастью, принесет мне сына,
То, надеюсь, через семь годочков,
Нас с тобой он вызволит отсюда.
Если же судьба мне даст девчонку,
То жена моя, я это знаю,
Дочь ни за кого не выдаст замуж,
Коль не сыщет мужа ей такого,
Чтобы смог нас вызволить с тобою! —

Потихоньку пробежали годы.
Сына подарил всевышний Муйо;
Мальчик назван был Имер Агою,
А когда ему сравнялось семь годочков,
Мать козлят пасти его послала.
Походил Имер с козлиным стадом,
И в лесу, куда забрел мальчишка,
Забежал зайчонок в козье стадо,
Целый день среди козляток пробыл,
Вечером домой пошел с Имером.
Трижды заяц обежал вокруг дома,
В комнату загнал зайчонка мальчик;
Стала мать расспрашивать сыночка,
Отвечает матери сыночек:
— Что за штука этот белый козлик!
Целый день присесть мне не давал он,
И поесть он мне сегодня не дал! —
И тогда сказала мать Имеру:
— Не было у нас козляток белых,
Забежал чужой, должно быть, в стадо... —
Мать большую свечку засветила,
Быстро в нижнее жилье спустилась
И нашла среди козляток зайца.
Возвратилась мать в покой к сыночку,
Вот что она мальчику сказала:
— Ты, Имер, сынок мой, молодчина!
Вовсе это не козленок белый,
Это забежал к нам горный заяц;
Ловчие за ним, наверно, гнались,
Чтоб живьем захватить горемыку. —
Созревать уж начал детский разум,
И спросил у матери ребенок:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Дал ли мне господь отца иль дядю?
Есть ли у меня отец иль дядя? —

Поклялась мать именем господним:
— Нету у тебя отца иль дяди.
Был отцом твоим отважный Муйо,
Дядей был твоим Халиль Соколе.
Оспа их давно свела в могилу!
Там в саду они зарыты оба.
— Ради бога, что нас в мире создал,
Было ли у них, скажи, оружие,
И была ль одежда боевая? —
Поклялась мать родному сыну:
— Было и оружие и одежда,
А коней подобных не бывало
Никогда у турок и гяуров!
— Ты еще одно скажи мне, мама:
Это кто сидит там, на полянке?
— Это, мальчик, ютбинские аги!
Сиживали так отец твой с дядей. —
И тогда сказал отважный мальчик:
— Встань за два часа до рассвета,
Ты оденься, мама, и обуйся,
И пойди на базар спозаранку,
Там купи мне тридцать оков мыла,
Чтоб коня и саблю мог я вымыть.
Из конюшни выведи коня ты,
Я его сегодня заседаю,
Среди аг хочу я появиться! —
Мать тогда в испуге закричала:
— Замолчи, малыш, ты что задумал!
Мал еще, чтобы с конем справляться,
Он уж девять лет томится в стойле,
Рисом — не овсом — его кормили,
Не водой — вином его поили! —
Поклялась мать родному сыну:
— На коня ты вскочишь — конь заплачет,
Ты еще в делах не много смыслишь.

Эти аги злорадные люди,
Много горя принесли они Муйо
И тебя в покое не оставят! —
И сказал малыш такое слово:
— Что ж, когда господь нам свет дарует,
Сам пойду я и куплю что надо,
Коли ты на это не решишься! —
И пошла тогда она на рынок,
Тридцать ок ему купила мыла
И домой вернуться поспешила.
Вымыла коня, оружие, саблю,
В платье цвета крови нарядила,
Меч ему повесила на пояс,
Нож булатный в карман положила,
Затянула на коне подпруги
И седлом богатым заседлала,
Зануздала шелковой уздечкой.
На руки мальчишку подхватила,
Посадила на конскую спину,
И поехал мальчик чистым полем.
В голос конь заржал, и ржанье это
Услыхали в семи Королевствах,
И Халилю тихо молвил Муйо:
— Вот теперь пришла моя погибель,
Продавать коня ведут, наверно! —
Стал уздечкой поигрывать мальчик,
Тут и аги его увидали,
И Диздар Ага Осман им молвил:
— Берегитесь, скачет отпрыск Муйо!
Места вы ему не уступайте,
За узду коня вы не держите,
На привет его не отвечайте.
Я его сейчас словцом поддену.
Потакать не следует мальчишке, —
Нам никто не уступает места! —

Прямо в круг въезжает смелый мальчик,
Всех приветствует, как подобает,
А ему никто не отвечает,
Малышу не уступают места,
Под уздцы коня никто не держит.
Был там старый сотоварищ Муйо,
Звали его Ага Байрактари;
Лишь один он малышу ответил,
Добровольно уступил он место,
Под уздцы он взял коня большого.
Но с коня слезать не стал мальчонка
И сказал агам такое слово:
— Разрази господь, вас породивший,
Все равно за мною будет место! —
Тут письмо прислали издалека.
Сам Диздар Осман его читает,
Орошает горькими слезами.
Говорят Диздару побратимы:
— Множество, Диздар, прочел ты писем,
Но тебя в слезах мы не видали!
— Чем я виноват, друзья, скажите?
Выступил в поход Фелип Маджари
И меня на битву вызывает.
Нет у меня первенца для битвы,
Нет у меня коня боевого,
Нету у меня и острой сабли! —
И сказал тогда Имер, сын Муйо:
— Не страшитесь, аги из Ютбины,
Потому что я готов для боя!
Есть у меня конь для битвы жаркой,
На боку есть сабля боевая,
Сам пойду я с недругами биться. —
Вот как он повел себя с агами!
Но каков же был ответ Османа?
— Ты присядь, отважный отпрыск Муйо,

Если б был и вправду храбрецом ты,
Вызволил бы ты отца и дядю,
Потому что Циро Байрактари
Девять лет их держит в подземельях!
Их он держит в воде по колено,
И не видят света на восходе,
И не видят закатного солнца,
Девять лет одежды не сменяли,
Девять лет не мылись и не брились;
Волоса у них теперь по пояс,
До бровей покрылись коростой! —
И тогда агам промолвил парень:
— Что же, люди! Оставайтесь с миром,
А за повесть горькую — спасибо! —
И домой он тут же путь направил.
Въехал он во двор родного дома,
Закричал он матушке родимой:
— Дай-ка грудь мне, мама, из оконца,
Я скучал без молока в дороге! —
Мать Имера груди обнажила,
Грудь сует Имеру из оконца.
Диким зверем в грудь вцепился парень,
Выхватил кинжал, покрытый зельем,
И воскликнул сын: — Во имя бога,
Расскажи мне, что с отцом и дядей,
Или тотчас грудь на землю брошу! —
Матушка вскричала сразу в голос:
— Хорошо я ведала, сыночек,
Что уйдешь ты здоров, придешь — с недугом!
Их король в плену обоих держит,
Девять лет уж в девяти темницах
По пояс в воде они томятся,
Солнца восходящего не видят,
Заходящего не видят солнца;
Девять лет они не мылись и не брились,

Девять лет одежду не сменяли! —
И сказал Имер такое слово:
— Дай ты, мама, мне благословенье,
Я сегодня еду им на помощь,
Может быть, погибну в Королевстве!
— Молоком своим тебя вскормила,
Я для подвигов тебя взрастила! —
Повернул Имер коня гнедого
Прямо к Королевству головою.
Вот как мать Имера поучает:
— Поезжай ты к Кашморице Маре,
Что была отцовой побратимкой! —
К воротам она коня выводит,
Поскакал он прямо в Королевство.
Во дворе королевского замка
Спрашивает Кашморице Мара:
— Значит, ты и есть, Имер, сын Муйо?
— Я Имер, отцова побратимка! —
Тут-то славка парню и сказала:
— Ты куда ж, соловушка, помчался?
Вызволить решил отца и дядю? —
Рассказал ей парень, не скрывая:
— В Королевство я затем явился,
Чтобы вызволить отца и дядю —
Всё о них мне рассказали аги,
Да словами их я был обижен! —
Погляди-ка, что сделала славка:
По-мадьярски парня нарядила
И шишак на голову надела.
— Как придешь ты, парень, в Королевство,
Станет спрашивать король: «Откуда?» —
Отвечай, что из Черной Морен;
Вся родня твоя-де перемерла,
И пожить у короля ты хочешь.
Был отец твой старым его другом! —

В Королевство приезжает парень;
Прямо в королевские владенья;
В королевские вошел палаты,
Руку протянул владыке края.
Стал король расспрашивать Имера:
— Из какой семьи ты и откуда?
— Я сюда явился из Морей.
Вся моя родня поумирала,
Жить пришел к тебе, в твои владенья!
— Милости прошу! — король ответил. —
Станешь ты здесь первым вслед за мною! —
Сели оба, распивают брагу,
Повели застольную беседу.
Вскоре парень выпрашивать начал:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Помоги мне справиться с врагами!
Мой отец всю жизнь сражался с ними. —
И Король тогда сказал Имеру:
— Когда бог нам светлый день подарит,
Руки-ноги пленникам свяжу я,
Вывезу их во широко поле,
Саблю острую тебе дам в руки,
Острой саблей ты их и зарубишь!
— Я прошу тебя, — Имер воскликнул, —
Дай хоть раз взглянуть на супостатов! —
Дочери король ключи вручает,
И пошла она к дверям темницы.
Дверь темницы девушка открыла,
К пленникам свела во тьму Имера.
Парень протянул обоим руку,
Подав руку Бюлюкбаше Муйо,
Тот сидит и глаз с него сводит.
По зубам узнал он тотчас сына —
Слезы увлажнили щеки Муйо.
Девушке он молвил, не сдержавшись:

— Королева, слушай, ради бога!
Слово ты сдержать свое умеешь? —
Господом клянется королева:
— Ты открыть мне можешь всё, что хочешь! —
И сказал ей Бюлюкбаше Муйо:
— Вот мой сын, зовут его Имером,
Я тебе судьбу его вверяю!
Пусть меня спасет из Королевства,
За него тогда ты выйдешь, Руша!
— Не тревожься! — молвит королева
И клянется именем господним
Парня вывести из Королевства.
Выведя на улицу Имера,
Говорит ему такое слово:
— Укради ты близнецов из замка,
Вызволишь тогда отца и дядю! —
Снова к королю они вернулись,
И послушай, что король сказал им:
— Парень, поменяемся конями!
Ведь всегда со мною жить ты будешь? —
И ему ответил парень тихо:
— Очень уж мне буйный конь попался,
Если на спине тебя удержит,
Я отдам тебе его немедля! —
И тогда король во двор выходит,
Вскакивает на коня Имера.
По-турецки крикнул хитрый парень —
На два паша конь горячий взвился,
На два паша конь назад отпрянул.
Тут вдвоем пошли они в темницу.
Подарил господь свет белый людям,
Посмотри, что король тогда сделал:
Пленникам связал он руки-ноги,
Выволок огромную колоду,
Палачей собрал вокруг колоды,

Начались игрища и пляски,
Загремели веселые бубны.
Пленников на казнь палач выводит.
Что же тогда сделал храбрый парень?
Королю сказал такое слово:
— Я возьму обоих двойняшек,
Посажу их на седло с собою
И поддерживать их сзади стану.
На поле резвиться мы поедem,
Может быть, и приручу коня я,
А потом сменяемся конями. —
Дал ему тогда король двойняшек,
Их перед собой сажает парень,
Сам пристроился на крупе сзади,
И коню он крикнул по-турецки —
Резвый конь тут на дыбы взметнулся.
Затянул ремни Имер потуже;
Трижды поле парень объезжает,
А потом коня в Ютбину гонит;
По-турецки на коня кричит он,
Господу он произносит клятву:
— Если не уйду из Королевства,
Оторву коню я хвост и уши
И продам скотину лиходеям,
Чтоб они его в цепях держали.
Да хранит нас от беды всевышний!
Знаю я — господь желает чуда! —
Конь заговорил по-человечьи:
— Ты держись, чтоб дух не захватило,
Через час с тобой в Ютбине будем! —
Через час они в Ютбине были.
Прямо в дом родной приехал парень,
А когда вошел во двор широкий,
Матери своей он громко крикнул:
— Выйди, мама, погляди скорее!

Нынче я поймал двух славных пташек! —
Матушка во двор поспешно вышла
И Имеру бросилась на шею.
— Вызволишь теперь отца и дядю! —
На руки она взяла двойняшек
И в покои бережно внесла их.
Королю Имер посланье пишет
И с гонцом немедля отправляет.
Тот клянется именем господним:
«Коль освободишь отца и дядю,
Хорошо их вымоешь, побреешь,
Хорошо оденешь и обуешь
И в придачу дочь свою отдашь мне,
И пришлешь мне девятьсот дукатов,
Я не зарублю твоих двойняшек».
Как до короля дошло посланье,
Он освободил отца и дядю,
Вымыл в бане и побрить велел их,
Хорошо одел он и обул их;
Дочь свою король одел невестой,
Дал в приданое ей девятьсот дукатов.
Девушка вступает в дом Имера,
Отпускает тот своих двойняшек.
С той поры дружил король с Имером, —
Так мне рассказали, я там не был!

ЧЕТОБАШЕ МУЙО И КОРОЛЕВИЧ МАРКИ

Господу помолимся вначале!
Не было нас, ты нас в мире создал,
Ты, аллах, не обошел нас счастьем!
Вот проснулся добрый Муйо,
Пьет он кофе сладкое неспешно,
И табак он курит с кадаифом.
Вот напился он и накурился,
Закричал своей супруге громко:
— Ты возьми-ка седжадэ и коврик,
В сад зеленый вынеси скорее;
Весь в цвету ведь нынче сад зеленый! —
Седжадэ берет жена и коврик,
Вышла в сад, супругу постелила.
Отдохнуть в саду прилег наш Муйо.
Бог с вершины посылает зану,
Быстрокрылую, словно голубка.
Возлежал под яблонею Муйо.
Подлетев к нему, запела зана:
— Слушай, храбрый Четобаше Муйо!
Позови ты Соколе Халиля,
Вместе с ним выходите на битву.
Знай: туда, где семь дорог сошлись.
Нынче едет королевич Марки;

Ты лишить его попробуй жизни
Иль живьем захватить его, Марки,
В Королевстве сильнейшего мужа! —
На ноги вскочил отважный Муйо
И пошел скорей к себе в покои,
И позвал он Соколе Халиля:
— Знаешь что, Халиль, мой храбрый братец?
Нынче нам идти на битву нужно:
В путь пустился королевич Марки,
Мы, коль сможем, сразим его пулей
Иль живьем его в полон захватим,
Королевство хабреца лишится.
Марки ждет нас, торопиться надо! —
Вот послушай, что Халиль промолвил:
— Брат мой Муйо, убей тебя боже,
Мы с тобою сильных не боялись.
Нынче день настал сразиться с Марки. —
Собрались, подпруги подтянули,
Захватили все свое оружие,
Сели на коней, как сахар, белых,
И погнали их галопом в поле.
Прискакали братья в чисто поле,
Крепкую устроили засаду.
Коротко ли, долго ли стояли,
Загремела земля, загудела,
Под ногами поле задрожало.
И тогда сказал Халиль тревожно:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Что это за гул и грохот, братец?
— Это едет королевич Марки;
Наградил его господь отвагой.
Уступить ему дорогу надо! —
Вот что Соколе ответил брату:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Никому пути не уступлю я,

Или из ружья убью я Марки,
Иль живым возьму его в полон я;
Один раз живем — помрем не дважды! —
Скоро показался королевич.
Из двух ружей выстрелили в Марки,
Нанесли ему две тяжких раны.
Так послушай, что сказал Халили.
Громко крикнул парень, крикнул гневно,
Голосом дубы в горах корчуга:
— Эй, да где ты, королевич Марки?
Подожди-ка Соколе Халиля! —
И нацелил саблю в сердце Марки.
Тогда крикнул Четобаше Муё,
Громкий вопль он испустил — и сразу
Камни с гор обрушились лавиной:
— Эй, да где ж ты, королевич Марки?
Подожди-ка Четобаше Муё! —
Полетел к нему с разбегу прямо.
Не помог господь герою Марки,
В плен попал он к Соколе Халилю.
В плен живьем его забрали братья
И к себе в Ютбину поскакали,
Бросили они его в темницу,
Впроголодь его в тюрьме держали,
Очень худо приходилось Марки.
Семь годов провел в темнице королевич,
А за ним никто и не приходит:
А когда двенадцать лет сравнялось,
Чуть душа держалась в бедном Марки.
К матери своей взмолился Марки,
Молвит ей: — Ты, мама, собралась бы
Да пошла бы к Четобаше Муё,
За меня его бы попросила.
Может, разрешил бы грозный Муё,
Чтоб у церкви ты меня похоронила. —

Мать во сне сыночка увидала,
Рано поутру она проснулась,
В сторону Ютбины поглядела
И пошла в Ютбину прямо к Муйо.
— Ты послушай, Четобаше Муйо,
В дом твой я с мольбой явилась нынче,
Есть у меня маленькая просьба!
— Милости прошу! — сказал ей Муйо.
Ты гляди, как он с ней обошелся!
Спрятав гордость, ублажает гостью.
А когда настало снова утро,
Поднялись чуть свет все люди в доме,
Пьют домашнее с сахаром кофе, —
Тут и начала просить старуха:
— Ты послушай, Четобаше Муйо!
Господом клянусь, тебя создавшим, —
Не вернешь ли ты мне сына Марки?
Не отдашь ли сына мне родного?
Снилось мне, что он у меня помер,
Схоронить его хочу у церкви! —
Что же тогда сделал Четобаше?
— Слышишь ли ты, Соколе Халили?
Ты ступай и отвори темницу,
Посмотри на Марки, жив иль помер!
Если королевич Марки мертвый,
Вынеси его во двор скорее! —
Посмотри-ка, что Соколе сделал:
В подземелье к Марки он спустился,
Пленника нашел он полумертвым,
Взял его он на руки и вынес.
Очень скверный шел от тела запах!
А когда во двор Соколе вышел,
— Понимаешь, брат, — сказал он Муйо, —
Пахнет королевич, будто мертвый! —
Ну и отдали его старухе.

На спину она его взвалила
И пошла с ним прямо в Королевство,
Отмывала в благовонном масле,
Молоком отпаивала козьим.
Как двенадцать месяцев сравнялось,
Понемногу ожил королевич.
Вынули его тогда из масла, —
Славу богу, выходила сына!
А когда три года миновало,
Стал таким, как прежде, королевич.
Вышел он во двор родного дома,
Испустил он громкий клич военный —
Камни с гор посыпались лавиной!
А среди двора рос дуб могучий,
Обхватил его воскресший Марки,
Вырвал из земли с корнями вместе,
Повернулся и вошел в покон,
А в покоях написал письмо он
И отправил Четобаше Муйо;
«Ты, как есть сам Четобаше Муйо,
Я тебя зову на поединок.
Только не бери с собой Халиля.
Я ж тебе клянусь всевышним богом,
Никого не брать с собою тоже!»
Быстро то письмо дошло до Муйо.
А когда его уразумел он,
Очень сильно он развеселился.
И спросил Халиль его по-братски:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Отчего так веселишься, братец,
И какое получил посланье?
— Шлет письмо мне королевич Марки
И зовет меня на поединок,
Только день придет и солнце выйдет,
Быть великой битве между нами! —

И тогда Халиль ему промолвил:
— Брат мой Муйо, ты не беспокойся,
Я пойду и рассчитаюсь с Марки.
— Нет, ведь он просил меня в посланье
Мне идти, не брать тебя с собою:
Дал он клятву верную к тому же,
Что на бой лишь он один придет! —
Вот явился день, поднялось солнце,
Муйо собрался на поединок,
Оседлал коня он боевого,
И поехал он на поле битвы,
А как выехал он в чисто поле,
То застал там удалого Марки.
— Милости прошу, отважный Муйо! —
Обнялись герои для начала,
Обо всем они потолковали.
Вот о чем нам рассказали оры!
Полетели оры к Четобаше,
Полетели к удалому Марки!
И тогда промолвил храбрый Муйо:
— Ты послушай, королевич Марки,
Смертный бой гремит неподалеку! —
Тогда оры черные сказали:
— Вы уж лучше меж собой не бейтесь!
Оба хороши вы и отважны,
Оба вы равны друг другу силой,
Только камни вы во грех введете,
Ибо вам не одолеть друг друга!
Мы поэтому хотим просить вас,
Чтобы вы немедленно побратались. —
Засмеялся королевич Марки:
— Слышишь ли ты, Четобаше Муйо?
Ты нанес мне две тяжелых раны,
Продержал двенадцать лет в темнице, —
Пусть теперь тебе простится это —

Побратимом ты мне стал отныне,
Братом станешь через две недели. —
Бросились они тогда в объятия
И поехали в Ютбину к Муйо,
Хорошо они там погостили,
А потом отправились к Марки;
Погостили там, попиروвали
И навеки сделались друзьями.
Был всегда господь обоим в помощь.
Нелегко врагам таких осилить!

**ХАЛИЛЬ УБИВАЕТ ЧУДИЩЕ
И ВЕРЕТ В ЖЕНЫ ТАЛИМЭ ДЕВОЙКУ**

Слава тебе, всемогущий боже!
Тридцать аг ютбинских собралися
И ведут между собой беседу —
Хвастают конями боевыми,
Свои сабли боевые хвалят.
Только Муйо молчалив и грустен —
Никому не говорит ни слова.
Спрашивают войны у Муйо:
— Почему ты молчалив сегодня?
Среди нас ты самый храбрый воин,
Сабля твоя — лучше наших сабель.
Боевой твой конь — резвее наших.
Что же, Муйо, так тебя печалит?
Может быть, любимый друг твой умер?
Может быть, твой побратим обижен?
Или королем на бой ты вызван
И не можешь ответить на вызов?
— Нет, друзья, — отвечает им Муйо, —
Побратимы — все живы и здоровы.
И никто не звал меня на битву —
Это бы меня не огорчило.
Я печалюсь по другой причине —
До меня дошло из Королевства,

Что растет у короля Талира
Дочка — Талимэ она зовется.
А меж нами нету человека,
Чтоб решился увести ту дочку.
Ни одна из матерей Ютбины
Сына для нее не народила,
Ни одна среди сестер Ютбины
Брата для нее не воспитала.
Я и сам увез бы королевну,
Будь я хоть немного помоложе,
Но глаза мои больше не видят,
Ноги мои больше не ходят.
Увезти Талимэ не под силу. —
Воины тут головы склонили.
Все глядят, как трава подрастает,
И никто не говорит ни слова.
Говорит один Халиль Соколе:
— Брат мой Муйо, — говорит Соколе, —
Я давно про эту дочку слышал,
Но сказать о ней я не решался.
Мать меня взрастила крепким парнем.
Буду жив — Талимэ я добуду! —
Разговор окончился на этом.
По домам все разошлись, а Муйо
Хорошо переодел Халиля,
Нарядил Халиля по-мадьярски.
Привязал мадьярскую косицу
И коня заседлал по-мадьярски,
Зануздал коня его крест-накрест.
На коня вскочил Халиль Соколе
И поехал прямо в Королевство.
Самыми короткими путями
Он проехал в Талирские горы,
И на пастбище высокогорном
Повстречал он чабана со стадом.

Поздоровался Халиль учтиво:
— Будь здоров пастух, Осман Техая!
— Будь здоров, Мадьяр! — сказал Техая.
И Халиль спросил его учтиво:
— Ты скажи, чабан, мне, ради бога,
Где здесь замок короля Талира?
У меня к нему спешное дело. —
И чабан немедля отвечает:
— Погляди туда — увидишь город.
Посредине города есть крепость.
Там палаты короля Талира. —
Скакуна Халиль опять пришпорил
И приехал к королю Талира.
Слуги под уздцы коня хватают,
А король встает ему навстречу:
— Заходи, будь гостем, чужеземец! —
Посадил его с собою рядом,
Кофе с сахаром ему готовит.
И пошли между ними разговоры.
Три дня жил Халиль в его покоех,
Но ни разу не увидел дочку.
Жил Халиль три месяца в покоех,
Каждый день с королем вел беседы,
Но ни разу не увидел дочку.
Жил Халиль три года в Королевстве —
Плотные там были занавески:
Девушку ни разу не увидел.
Вот прошло три года, и в Талире
Чудище Харамбаш объявилось.
Тридцать славов было с Харамбашем,
Наложили они дань на Королевство:
Деньги — сколько чудище захочет,
Что ни ночь — то новая невеста.
Эту дань тот Харамбаш успешно
Собирал в окрестных королевствах,

А теперь — в Талир за ней приехал.
Все попрятались от Харамбаша.
На базаре — ни души не видно.
Без помехи чудище собрало
Дань деньгами со всего Талира.
Королю Талира Капедану
Очередь пришла отдать невесту.
Очень сильно король огорчился,
И сказал он Соколе Халилю:
— Ты послушай, Мадьяр Чужеземец
Ты живешь у нас в гостях три года,
И за все три года я ни разу
У тебя не спрашивал совета.
Нынче у меня большое горе:
Харамбаш явился в Королевство,
Обложил он всех большою данью.
Первым делом — денег ему надо,
Забирает — сколько ни захочет.
Кроме денег, нужно Харамбашу
Что ни ночь — то новую невесту.
Мой черед — отдавать ему дочку.
Я не знаю, как того избежать,
Бог другого не дал мне дитяти!
Слишком хороша моя Талимэ,
Чтоб над ней Харамбаш надругался.
Я уйду и спрячусь, Чужеземец,
А свой дом — я на тебя оставляю,
Поручаю тебе я домочадцев.
Ты запрись, Мадьяр, и не подумай
Выходить за ворота на площадь.
Если Харамбаш тебя увидит —
То на мелкие куски изрубит! —
Так сказал король и сам уехал,
Ускакал в Королевство Мехорье.
А Халиль в покоях затворился

И сидел там два дня и две ночи.
Третье утро наступило в мире,
Удалец проснулся на рассвете,
Выбрал палку он себе потолще,
Саблю он через плечо повесил,
И пошел чрез город он к базару.
Город обезлюдел — словно вымер:
Ни души не видно на базаре.
Лишь в конце безлюдного базара
Харамбаш стоит перед харчевней.
— Порази тебя бог, Чужеземец, —
Обратился Харамбаш к Халилю, —
Что ты ходишь по городу с саблей?
Ты, наверно, обо мне не слышал?
И не знал, что я сюда приехал?
Или ты, Мадьяр, уж очень сильный!
Или ты, Мадьяр, уж очень глупый!
Видишь — ни души нет на базаре:
Все таятся, все меня боятся.
Жить тебе на свете надоело? —
Отвечает Халиль Харамбашу:
— Очень много про тебя я слышал,
Слышал я, что ты сюда приехал.
Слышал я и то, что ты разбойник,
Что злодействуешь ты очень много
И что нету на тебя управы.
Это все мне хорошо известно.
Потому хочу с тобой сразиться. —
Вот и все, что произнес Соколе.
А потом они схватили сабли,
Молча ринулись друг на друга.
Обе сабли сразу зазвенели,
Разлетясь на мелкие кусочки,
И враги, отбросивши обломки,
Яростно впились друг другу в глотку.

Три часа тянулась эта схватка,
И никто не одержал победы.
Вдруг Халилю вспомнилась Девойка.
Сжал врага он крепкими руками,
Бросил с силою на мостовую,
И, схватив тогда обломок сабли,
Голову отсек он Харамбашу.
В это время вышли тридцать славов.
Что сидели за едой в харчевне,
Тридцать выстрелов раздалось залпом.
И в Халиля угодили пули.
Но Халиль, разгоряченный боем,
Изрубил один всех тридцать славов,
Головы их нанизал на саблю.
Он пошел к королевскому дому,
И когда он подошел к воротам —
Боже мой! его остыли раны —
Ослабел он и упал на землю.
Королева увидала парня,
Подошла к Халилю и спросила:
— Кто убил тебя, Мадьяр отважный?
— Все тебе скажу я, королева,
Только что я с Харамбашем бился
И его убил и обезглавил.
Отнесите-ка меня в покои! —
Наклонилась к нему королева,
Сил у королевы не хватило,
Чтоб снести отважного в покои.
Что же делать? И тогда в окошке
Талимэ Девойку увидала.
Как разгневалась королева!
— Поскорее помоги мне, дочка!
Нашего Мадьяра загубили.
Голову отсек он Харамбашу,
С тридцатью врагами он рубился.

А теперь Мадьяр наш умирает. —
Королевна Талимэ Девойка
Не помедлила, во двор спустилась.
На руки, как малого ребенка,
Подняла отважного Халиля,
Отнесла его в свои покои,
На девичье ложе положила,
А сама присела в изголовье,
За руку его взяла тихонько,
Плачет, заливается слезами.
Как же поступила королева?
Тут дала она сигнальный выстрел.
И король, что прятался в Мехорье,
Услыхал сигнал тот и приехал.
Королева короля встречает,
Говорит королю Капедану:
— Гость Мадьяр, отважный Чужеземец,
Уложил навеки Харамбаша,
Порубил он всю его дружину,
А теперь от ран он умирает. —
Капедан-король спросил Халиля:
— Что с тобою, Мадьяр Чужеземец,
Можешь говорить или не можешь?
— Здравствуй, Капедан, — Халиль ответил. —
Говорить могу я, но мне худо.
И, наверно, мой конец приходит,
Чувствую — душа моя уходит.
— Ничего! Крепись, Мадьяр отважный!
Сделал ты для нас большое дело,
Выиграл великое сраженье.
Если счастье тебе улыбнется —
Я навеки тебе буду другом.
Если же ты на ноги не встанешь —
Я тебя похороню с почетом,
Чтоб земля тебе казалась пухом —

Я тебя одену и обую
В лучшие богатые одежды,
И зарюю я с тобой в могилу
Золотых дукатов — сколько хочешь,
Ценного оружия — сколько хочешь! —
Вовсе худо сделалось Халилю.
Он решил, что час его приходит.
И сказал он королю такое:
— Если я умру, то мне не нужно
Ни чеканных золотых дукатов,
Ни стального ценного оружия,
Ни твоей одежды драгоценной,
Ни могилы, вырытой с почетом.
Вовсе не Мадьяр я Чужеземец.
Брат я кровный Четобаше Муйо,
И зовут меня Халиль Соколе,
Я три года прожил в этом доме —
Я обманом ел твой хлеб три года,
Чтоб похитить Талимэ Девойку.
Но когда ты уехал в Мехорье,
Поручив мне своих домашних
И семейство свое доверив —
Обмануть тебя я был не вправе.
Взял тогда я саблю, в город вышел.
Так случилось, как должно случиться.
Но одна к тебе у меня просьба:
Напиши ты Четобаше Муйо,
Чтобы он забрал меня в Ютбину. —
И король послушался Халиля,
Написал письмо он и немедля
Переслал его с гонцами к Вуку.
Был тот Вуку побратимом Муйо.
Прочитал посланье это Вуку,
Оседлал коня он и поехал.
Скачет конь, несется, словно ветер,

Но, когда завиделась Ютбина,
Придержал коня достойный Вуку.
— Не на свадьбу тороплюсь я к Муйо,
Еду я с недобрыми вестями,
Торопиться с ними — неприлично. —
Старый Муйо отдыхал на ложе,
И заметил Вуку он в окошко,
И сказал: — К нам в гости едет Вуку.
Почему-то едет он печальный,
Видно, он с плохими к нам вестями. —
Прямо к дому подъезжает Вуку,
Прямо в руки подает посланье.
Прочитал посланье Четобаше,
На коня вскочил он и поехал,
В Королевство Муйо путь направил,
И в Талир он к королю приехал.
Выбежал король навстречу Муйо
И повел его к Халилю прямо.
— Как дела, мой брат, Халиль Соколе?
Можешь говорить или не можешь? —
Обернулся к Муйо наш Соколе
И сказал ему: — О брат мой Муйо!
Я живой, и говорить могу я.
Только раны мне перевяжите. —
Муйо к королю обратился:
— Я хочу свезти его в Ютбину.
Если суждена ему кончина —
Пусть он попрощается с друзьями,
Что его три года не видали.
Как бы нам его домой отправить?
— Муйо! — говорит король на это. —
Жил Халиль в моем доме три года.
Он три года прятал свое имя,
Чтоб заполучить мою Талимэ.
Пусть он здесь еще дней пять пробудет.

Ежели лечить его умело —
За пять дней он обретет здоровье.
Если суждена ему кончина —
Похороним, как у вас хоронят. —
Полчаса отважный Муё думал,
А потом он королю ответил:
— Раз он прожил у тебя три года,
Я на пять ночей его оставлю.
Делай с ним, король, что пожелаешь.
Ну, а мне домой придется ехать.
Дома никого я не оставил. —
Это Муё королю ответил,
А Халилю он сказал такое:
— Надо нам получше попрощаться:
Свидеться, быть может, не придется. —
Хорошенько попрощались братья:
Четобаше пожелал Халилю
Счастливо в Талире оставаться,
А Халиль желает Четобаше
Счастливо добраться до Ютбины.
Муё ускакал к себе в Ютбину,
А король прошелся по базару
И нашел там знахарей ученых.
Он отвел их в комнату Халиля,
И все знахари пообещали:
— Если даст господь тебе здоровья,
Мы уж тебя на ноги поставим. —
Трижды в день они лечили раны,
Трижды в ночь они лечили раны.
Так прошли три дня, прошли три ночи,
И тогда Халилю полегчало —
Он во двор гулять впервые вышел.
А когда окончились пять суток —
И следа от хвори не осталось.

Капедан повел Халиля в баню,
Хорошенько его вымыл с мылом,
Нарядил в богатые одежды,
Саблю острую привесил на бок.
А потом послал гонца он к Вуку,
И письмо с ним переправил Муйо.
Лишь письмо его попало к Вуку,
Тот коня немедленно седлает,
Чтоб скорей поехать к побратиму.
Скачет конь, несется, словно ветер,
А когда завиделась Ютбина —
Он погнал коня еще быстрее.
Муйо издали увидел Вуку
И сказал: — Вон побратим наш едет!
Нынче едет очень он веселый —
Знать, везет хорошие нам вести. —
Прямо к дому подъезжает Вуку,
Прямо в горницу проходит к Муйо.
Обнялись они, поцеловались,
И ему посланье Вуку отдал.
Вот читает Муйо то посланье,
И всем сердцем Муйо веселится,
Потому что в том письме стояло:
«Здравствуй, добрый Четобаше Муйо!
Счастье нынче выпало Халилю!
Забирай с собою триста сватов,
Созывай ты тридцать музыкантов,
Что играют хорошо на бубнах.
Привози и удалцов ютбинских —
Приезжайте за своим Халилем».
Четобаше Муйо так и сделал.
Взял с собою тридцать аг ютбинских,
Взял с собою триста славных сва.ов,
Взял с собою тридцать музыкантов,
Что играют хорошо на бубнах.

Впереди верхом он сам поехал.
А вослед за ним поехал Вуку.
Прибыли все сваты в Королевство,
Жили там три дня они, три ночи.
А когда настало третье утро —
Капедан проснулся на рассвете,
И прошел он в дальние покои,
Где жила Талимэ — его дочка.
— Эй, Талимэ! Ты невестой стала.
И тебе уж время замуж, дочка.
Хочешь ли ты выйти за Халиля?
Жизнью рисковал Халиль Соколе,
И тебя сберег он от позора.
Если б ты ответила отказом —
Ты меня бы огорчила, дочка. —
Тут глаза потупила Талимэ
И сказала: — Отец, успокойся!
Почему отказывать Халилю?
В Королевстве нету ему равных! —
Вновь король прошелся по базару.
Заказал невесте, своей дочке,
Новые нарядные одежды,
И Халилю заказал он платье.
Золотом отделана одежда,
Новыми дукатами обшита.
Всё сложили сваты на повозку
И в повозку тут же посадили
Жениха с невестою прекрасной.
— Можешь брать с собой, коли захочешь! —
Капедан промолвил Четобаше.
Триста сватов забрали невесту,
Тридцать музыкантов били в бубны.
Провожал король их полдороги,
А потом прощаться с ними начал.
— Доброго пути, отважный Муйо!

И гляди, не обижай Талимэ.
Отдаю тебе, Халиль, я дочку,
Чтобы Муйо стал мне верным другом.
— Будь здоров! Счастливо оставаться! —
Отвечает Четобаше Муйо.
Все они отправились в Ютбину
И сыграли веселую свадьбу.
Взял Халиль хорошую невесту!
Счастье ему выпало на долю!
Правильно он сделал, что женился!
Эта песня очень долго пелась!
Я-то сам не больно утомился,
А вот вы, наверное, устали!

ЗЮМЕРИ И ГАНИТЕ ГАЛЯНИ

Тридцать смелых воинов собрались,
Говорят, беседуют друг с другом,
Слушают слова старшого, Муйо:
— Тридцать вас, побей вас бог, героев!
Если и взаправду вы герои,
Поглядите: Ганите Гальяни
Девятьсот овец пригнал к нам в горы,
Занял пастбище овечьим стадом
И не платит ничего за выпас. —
Тридцать воинов молчат, потупясь,
Но Халиль промолвил: — Не бывало,
Чтобы не платили мне за выпас. —
И мгновенно на ноги вскочил он.
Вслед за ним все воины вскочили,
И поднялся Четобаше Муйо.
Первым едет Четобаше Муйо.
А за Муйо Соколе Халиле.
За Халиле вслед — Диздар Османи.
Позади шел семилетний мальчик
Зюмери — сын Четобаше Муйо.
— Возвращайся! — крикнул сыну Муйо. —
Нет на то покуда божьей воли,
Чтобы с четой ты ходил в сражение.

Возвращайся к пастухам обратно! —
Не послушал мальчик, не вернулся.
Муйо по щеке его ударил
И еще раз крикнул: — Возвращайся! —
След ладони на щеке остался,
И тогда домой вернулся мальчик
Быстро, словно зана — был и не был!
Муйо с четою приехал в горы.
Тридцать пастухов они убили,
Девять пастухов они пленили,
Скот Галяни — весь себе забрали,
Девятьсот овец домой погнали.
Но сбежал один пастух из плена.
Он поднялся на гору и крикнул:
— Если ешь ты, Ганите Галяни,
Пусть кусок застрянет в горле комом.
Если пьешь ты — пусть вода не пьется!
Турок одолел тебя, Галяни!
Девять чабанов в полон забрал он!
Девятьсот овец к себе угнал он! —
Ганите обедал в это время.
Он ногой отталкивает софру,
Тотчас же спускается в конюшню,
Оседлал коня он вороного,
На него вскочил и вдаль помчался.
Он галопом гонит вороного
И за час один успел проехать,
Сколько за семь не всегда успеешь.
На вершину горную поднялся —
Тридцать воинов ему навстречу.
— Тридцать воинов, кто вы такие,
Чтобы гнать мой скот перед собою,
Слуг моих без жалости увечить!
Вы еще узнаете Галяни! —

Но в ответ ему воскликнул Муё:
— Эй, где ты там, Ганите Галяни?
Кто такой ты, чтоб в чужие горы
Гнать без спросу все свои отары?
Ты узнаешь Четобаше Муё! —
Так кричит отважный Четобаше,
Что, покажется, трясутся горы.
Начинают силачи сражаться.
В панцири они одеты оба.
Пули панцири не пробивают.
Говорит всем воинам Галяни:
— Выйду с Муё на единоборство! —
Принимает этот вызов Муё.
Три часа на конях они бились,
Изломали и мечи и копы,
После спешились, сошли на землю
И тогда схватились в рукопашной.
По земле полдня они катались —
Не сумели одолеть друг друга.
Но собрался с силами Галяни,
И подмял он Четобаше Муё.
Убивать его он побоялся —
Тридцать воинов глядят на битву.
Говорит им Ганите Галяни:
— Если все вы мне сдадитесь тотчас,
Муё убивать тогда не стану. —
Тридцать воинов сдаются тотчас.
Отбирает он у них оружие
И в свой стан — на высокую гору —
Гонит всех их, как овечье стадо,
И в загон овечий загоняет.
Тридцать псов там на цепях сидело.
Пленников к ним привязал Галяни.
Рядом с самою большой собакой
Привязал он Четобаше Муё.

Той порою к себе возвратился
Семилетний отпрыск Четобаше.
Взял Зюмери отцовскую саблю,
Палицы в мешок к себе засунул
И явился к Ганите Галяни.
Тридцать воинов увидел мальчик —
Словно псы сидят они цепные.
Плетью по задам их бил Галяни,
Заставлял их лаять по-собачьи.
Зюмери идет ему навстречу:
— Слушай-ка ты, Ганите Галяни,
Почему ты воинов позоришь,
Как собак на цепи их сажаешь?!
Ты сейчас узнаешь сына Муйо! —
Говорит слова такие мальчик
И идет богатырю навстречу.
Ганите, увидя мальчугана,
Со смеху на землю повалился.
— В плен забрал я тридцать аг отважных,
Ну, а ты и семи ок не вешишь! —
Но в ответ на те слова мальчонка
Палицу свою в Галяни мечет,
В сердце поражает он Галяни.
Мертвым наземь падает Галяни.
А мальчишка от цепей железных
Тридцать воинов освобождает.
Всех освободил. Отца — не хочет.
Хочет связанным вести в Ютбину.
Крепко помнит пощечину мальчик,
Затаил он на сердце обиду.
Тридцать воинов за Муйо просят:
— Стыд и срам отца держать в оковах!
— Мой отец меня обидел сильно, —
Отвечает Зюмери упрямо.
Еле-еле мальчик согласился

Расковать отца своего Муйо.
Он забрал с собой весь скот Галяни,
Он пленил всех чабанов Галяни,
Отрубил он голову Галяни
И в Ютбину весело вернулся.
А когда он подходил к Ютбине,
Пушки все ему салютовали.
Три недели пир горой в Ютбине,
Прославляют храброго мальчишку,
В битве победившего Галяни,
Победившего того Галяни,
Что когда-то в семи королевствах
Королей одолел знаменитых.
Вот что этот храбрый мальчик сделал!
Навсегда его запомнят люди!

СМЕРТЬ ИМЕРА

Слава тебе, наш господь преславный!
Рано утром пробудился Муйо,
Стал в трубу подзорную смотреть он,
Горы оглядел и луговины.
Горы вглубь и вширь — луговины,
А в горах он три пятна увидел.
И сказал тогда Халилю Муйо:
— Клянусь богом, тебя породившим,
Что это виднеется на склонах?
Может, это снежные обвалы?
Может, это чабаны с отарой?
Может, это цветы на лужайках?
— Клянусь богом, тебя сотворившим!
Как же ты того не знаешь, Муйо?
А ведь распознать все это просто:
Были б это цветы на лужайках,
То пастух давно б скормил их овцам;
А когда б то были комья снега,
Летний зной давно бы растопил их.
А когда бы чабаны с отарой,
То они б на месте не стояли;
Это славы, Муйо, в горы вышли,
Понастроили себе там башен
И пасут скотину без уплаты. —

Громко на жену прикрикнул Муйо:
— В путь-дорогу собирай Имера,
Я желаю сына взять с собою,
Чтоб, как я, стал воином отважным. —
И жена тогда сказала Муйо:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Не бери ты мальчика с собою,
Он еще малютка, наш сыночек,
И порой качать его хочу я,
Грудью покормить хочу порою! —
Снова на жену прикрикнул Муйо:
— Сына дай! Разрази тебя боже!
Коль захочет покачаться в зыбке,
Пусть в седле качается дорогой,
Ну, а если грудь он взять захочет,
Сахара ему я дам кусочек. —
А жена тогда в ответ сказала:
— Ты имел семь братьев — семь Халилей,
Головы в горах они сложили;
Бог тебе дал семеро Имеров,
Шестеро уж головы сложили, —
Сын один у нас с тобой остался.
Ради бога, что нас в мире создал,
Не бери с собою сына, Муйо!
— Господом клянусь, меня создавшим,
Сына я возьму с собою нынче,
С ним хочу пойти я в наши горы,
Научу сражаться по-отцовски! —
Храбрецы отправились в горы
И приблизились к жилищам славов,
Ни души вблизи домов не видно.
Дом они нашли, что всех красивей,
И туда Имера посадили.
Муйо нежно сына поучает:
— На засов закроешь двери, мальчик,

А когда сюда вернутся славы,
Хитростью попробуют ворваться,
Никому, сынок, не отпирай ты.
Ну, а мы с Халилем едем в горы,
Поглядим, где рыщут эти славы! —
И один остался мальчик в доме,
Двери заложил засовом крепким.
На коня вскочил отважный Муйо,
В горы поскакал с Халилем вместе
Поглядеть, где рыщут эти славы.
Но нигде они не видят славов.
В это время обходной дорогой
Ко своим домам прокрались славы.
И стрелять тогда Имер в них начал.
Триста славов пристрелил он с башни,
И одна из славских жен сказала:
— Так Имер совсем вас изничтожит!
Сделайте-ка вы личину Муйо,
Ту личину на кол насадите,
И в нее стреляйте вы из ружей
И кричите: «Мы убили Муйо!»
Побледнеет и струсит мальчишка,
Сразу выйдет он из горной башни! —
Сделали личину эту славы,
Голову они надели на кол
И покрикивают издали Имеру:
— Будь здоров, — кричат, — Имер отважный,
Мы убили Дето Башо Муйо,
Голову его надели на кол! —
Славы в эту голову стреляют,
А Имер и отвечает славам:
— Жив Халиль, и я, Имер, стреляю,
А по Муйо нет во мне печали. —
Сделали Халилеву личину.
Снова славы говорят Имеру:

— Ты-то жив-здоров, Имер отважный,
Но убит твой Соколе Халили,
Голову его надели на кол. —
Из бойницы тогда глянул парень,
Он личину принял за Халиля,
Сердце у него оборвалось,
Распахнул тогда он двери башни,
Захотел он вырваться наружу.
Дюжиною выстрелов изранен,
У порога он свалился навзничь,
Повернулся к бойнице спиною,
На дверях засов задвинул крепкий,
Чтобы голову его не взяли славы.
Мертвым храбрый мальчик рухнул наземь!
Подошли к ручью Халиль и Муё.
И сказал тогда Соколю Муё:
— Можешь ли ты постоять на страже,
Я пока в ручье лицо умою? —
И Халиль тогда ответил Муё:
— Над тобой не пролетит и птица
И орел — не только тварь земная! —
Увлажнил водою Муё щеки.
Не успел еще умыться Муё —
Правый ус его зашевелился.
И Халилю громко крикнул Муё:
— Ты на холм, Халиль, взойди скорее,
Погляди на славские те башни,
Правый ус мой вдруг зашевелился!
Знай, Имер у нас не в добром здравье! —
Быстро влез Халили на пригорок,
Поглядел на славские те башни, —
Вся округа затянута дымом.
И сказал он голосом печальным:
— Ты взберись на холм, отважный Муё,
Поднимись скорее на пригорок,

Славы там Имера окружили,
Худо там Имеру, не иначе,
Ведь домов и то в дыму не видно! —
Торопливо облачился Муйо,
Поднялся, не мешкая, к Халилю,
Оседлали скакунов горячих,
Дым с туманом стелются за ними.
Вмиг пробили славскую осаду!
Кто убит, а кто в полон попался.
А потом пошел к Имеру Муйо,
Тот ему ни слова не ответил.
И устал кричать отважный Муйо:
— Эй, Имер, ты что не отвечаешь?
Или ты не выдержал осаду,
Или испугали тебя славы,
Иль боишься предо мной ответа?!
Я клянусь тебя создавшим богом,
Коль душа твоя забралась в пятки,
Я ее оттуда раздобуду,
Ибо ты не должен ведать страха! —
Но опять Имер не отвечает.
Запечалился суровый Муйо,
У порога крови не заметил,
Думает, заснул Имер, не слышит.
Обратился Муйо с добрым словом:
— Ну-ка, отвори отцу родному! —
Но опять Имер не отвечает.
Ох, как сильно разгневался Муйо,
Он одним ударом вышиб двери,
Расколол ногой дверную створку,
А когда перешагнул порог он,
Мальчика лежащего увидел.
Мальчика лицо платком прикрыто,
Будто спать прилег он на минутку!
— Эй, вставай, Имер! — промолвил Муйо,

Ты великую выиграл битву,
Тяжкий сон сморил тебя, сыночек,
Но для сна, Имер, свое есть время! —
Ничего Имер не отвечает.
И тогда его потрогал Муйо —
Вся рука тепла, красна от крови.
Сразу Муйо понял, что случилось.
И зовет к себе Халиля.
— Умертвили нашего Имера! —
Быстро подошел Халиль к порогу.
Начал Муйо оплакивать сына,
В горьком плаче горы проклиняет:
— Ох, вы, горы, называть вас не хочу я!
Пусть же эхо вас не оглашает!
Чабаны пусть склоны не истопчут!
Жены пусть не хлопочут в горных станах!
Пусть вам песен не слышать пастушьих!
Пусть не пролетят орлы над вами!
Пусть зовут Сухими вас горами!
Были братья — семеро Халилей,
Были дети — семеро Имеров,
Все они без времени погибли! —
И Халиль укорил тогда Муйо:
— Не позорь себя, отважный Муйо!
Не пристало горевать мужчине!
Ты убил сынов у многих славов,
Матерей ты без сынов оставил,
И сестер оставил ты без братьев!
Знать, и у тебя судьба такая:
Славы сына твоего убили.
Но должны мы запастись терпением,
Кто рожден на свет — скончаться должен!

ПЛАЧ АЙКУНЫ

День пришел — а на земле, как ночью.
Солнце встало — не светит, не греет.
Что наделал Дето Башо Муйо?
Господи, что сделал он такого?
Он пошел в Желтые долины,
И двенадцать храбрецов с ним было.
Там враги убили его сына.
На чужбине схоронили сына.
И когда копал могилу Муйо,
Родичи над нею не рыдали,
Только заны слезы проливали,
Только буки склонили вершины
Над могилой, камнями прикрытой.
А потом домой вернулся Муйо.
— Где мой сын? — жена его спросила. —
Что случилось с моим сыночком?
Муйо, отвечай, где наше чадо?
Не погиб ли он в Желтых долинах?
— Не погиб твой сын в Желтых долинах,
Он у дяди ночевать остался;
Завтра утром ты его увидишь.
— Что ты, Муйо, сделал с нашим сыном?
Ради бога, расскажи мне правду. —

Отвечает ей сурово Муйо:

— Плакать будешь где-нибудь подальше,
В доме шума слышать не желаю.

Сына твоего враги убили.

Если хочешь повидать могилу —

Схоронен твой сын в Желтых долинах. —

Зарыдала мать, запричитала:

— Горе мне, оставшейся без сына!.. —

Не стерпел такого шума Муйо,

Тотчас выгнал он ее из дому.

И ушла она одна из дому.

Ночью шла жена и причитала.

И, заслушавшись тех причитаний,

Звезды останавливались в небе.

Так и шла она к Желтым долинам.

А когда пришла к Желтым долинам,

Прокляла луну проклятьем страшным:

— Ты видала, как убили сына,

Ты смотрела, как рыли могилу,

Знала все, а мне не рассказала, —

Будь ты проклята, луна, навеки!

Если б ты сказала хоть словечко,

Я б успела добежать до сына,

И в могилу б нас зарыли вместе.

Если б в яме не хватило места

Или сын хотел лежать отдельно,

Я бы вырыла могилу рядом.

Я бы камню горному сказала,

Я бы бука горного просила,

Поклонилась черному чинару:

«Отойдите, уступите место, —

Вам небось везде просторно будет.

Дайте мне лежать с сыночком рядом». —

И они, конечно б, уступили.

Пусть твой свет, луна, навек потухнет!

Ты виной, что я одна осталась! —
Подошла она к могиле сына,
Видит: бук развесистый, огромный,
Трехсотлетний бук многоветвистый
Лучшие простер над сыном ветки.
Оперлася мать на ствол огромный,
Каплют слезы на могилу сына.
Птицы горные прервали песни,
Оборвали песни на полслове,
Чтоб послушать, как она рыдает:
— Что же ты не встал ко мне, сыночек,
Что не поздоровался со мною?
Это я, мой милый, мой хороший!
Видь ко мне из ямы на минутку!
Раньше ты, сыночек, был послушней.
Вот взошла луна над облаками,
Вот зажглись звезды в небе чистом.
Беспокойно спрашивают звезды:
«Солнце! Ты не видело Омера?»
Беспокойно отвечает солнце:
«Бук мешает мне его увидеть».
Сын, Омер, сыночек мой любимый,
Почему деревьям надмогильным
Ты позволил скрыть себя от солнца?
Ты скажи, ответь, сыночек, прямо
Отвечай: «Меня зарыли в землю,
Чтоб не видел я звезды сиянье,
Чтоб не слышал твоего рыданья,
Чтобы только слез твоих горючих
Иногда ко мне сочились капли».
Мой Омер! Сыночек мой хороший!
Хочешь приведу к тебе коня я,
Чтобы душу скачкой ты потешил,
Чтобы взапуски с бесстрашной заной
Ты скакал на том коне по скалам,

Горною водою ключевою
Жажду утоляя... Мой сыночек!.. —
Оры долго слушали Айкуну,
Но не вмоготу и орам стало,
И они прервали причитанье,
И тихонько слезы с глаз отерли,
И остановили ее сердце.
А когда оно остановилось,
Оторвали оры мать от сына
И снесли ее домой, в Ютбину.

ХАЛИЛЬ И МУЙО

Куковала красная кукушка,
На сухом суку кукушка пела,
И в ответ из-под земли раздался
Чей-то незнакомый тихий голос:
— Просьба у меня к тебе, кукушка!
Весть мою снеси в Ютбину к Муйо! —
И ему кукушка отвечала:
— Кто велит мне весть нести в Ютбину?
Слышу голос, а тебя не вижу,
Тут я к одиночеству привыкла,
И в лесу я никого не знаю. —
Вот что ей тогда Халиль ответил:
— Я — мертвец, лежу в земле, в могиле.
Мертвых же никто не может видеть.
Но прошу, слетай, кукушка, к Муйо
И снеси ему привет от брата.
Бог мне камень положил на сердце,
Этот камень — Крешти Капедан.
Каждое он ездит воскресенье,
Чтоб в горах охотиться на вепрей.
Не один, а с четою он ездит,
Триста человек с ним вместе едут.
У моей могилы он зовет:

«Эй, скорее выходи на битву!
Путь когда-то преграждал ты славам,
Страх внушал ты славам всем в сраженьях!»
Так он издевается над мертвым,
Топчет он могилу сапогами
И последний сон тревожит смехом.
Я ему тогда сказал из гроба,
Что на бой не может выйти мертвый.
Если же ему охота драться,
Пусть зовет он Бюлюкбаши Муйо,
Старший брат охотно с ним сразится.
Если ты и вправду брат мне, Муйо,
Снимешь эту тяжесть ты с Халиля!
Полети в отцовский дом, кукушка,
На дворе там отыщи тутовник,
Выбери себе повыше ветку,
Дважды прокукуй ты или трижды,
И они тогда тебя услышат.
Может быть, они тебя прогонят,
Ведь несчастье голос твой приносит,
Но не улетай ты раньше срока —
Может быть, и выйдет брат мой Муйо. —
Полетела тотчас же кукушка,
Прилетела в старый дом Халиля,
Села там на тутовую ветку,
Дважды или трижды куковала.
Вышла из дому супруга Муйо.
— Вот несчастье! Улетай, кукушка!
Год назад ты тоже куковала,
Смерть Халиля нам накуковала.
Вот возьмет сейчас мушкет свой Муйо —
Только перья полетят на воздух! —
Отвечает ей тогда кукушка:
— Никогда я вам не куковала,
И не я Халиля погубила.

Принесла я от Халиля просьбу,
Надо мне словечко молвить Муйо. —
Муйо этот разговор услышал,
Вышел из дому, спросил, в чем дело,
И сказал с волнением кукушке:
— Говори, кукушка, без стеснения!
Если хочешь гостьей быть у Муйо,
То гости у нас хоть целый месяц,
Ешь и пей, что хочешь, в нашем доме
И печаль развей у нас на сердце! —
Отвечает красная кукушка:
— Прилетела я не угощаться,
Не могу печаль твою развеять,
Принесла я просьбу от Халиля.
Я однажды на горе высокой
На засохшей ветке куковала,
Вдруг раздался голос из могилы:
«Просьба у меня к тебе, кукушка.
Расскажи, кукушка, брату Муйо,
Что враги мне не дают покоя,
Как терплю от Крешти Капедана!
Каждое он едет воскресенье,
Чтоб в горах охотиться на вепрей,
Не один, а с четою он едет,
Триста человек с ним вместе едут.
У моей могилы он взывает:
«Эй, скорее выходи на битву!
Путь когда-то преграждал ты славам,
Страх внушал ты славам всем в сраженьях!»
Не дает покоя он Халилю,
Топчет он могилу сапогами,
Как собака, честь Халиля гложет
И последний сон его тревожит.
Говорил твой брат, что невозможно
Мертвецу на поединок выйти;

Если хочет он в бою рубиться,
Пусть на саблях с Муйо он сразится,
Пусть зовет он Бюлюкбаши Муйо.
Если брат мне Бюлюкбаши Муйо,
От позора он спасет Халиля. —
Муйо так сказал тогда кукушке:
— Ну, лети! Счастливый путь, кукушка!
Передай поклон Халилю, брату!
Как настанет снова воскресенье,
Я сниму с него позор навеки. —
Поднялся с ружьем на крышу Муйо,
Грянул выстрел в тишине вечерней,
Разбудил Ютбину и Краину.
Воины хватаются за сабли
И поспешно заряжают ружья.
— Муйо, что сей выстрел означает?
Кто албанцам снова угрожает? —
На пороге Муйо их встречает,
Наготове быть велит к субботе!
Зарядить албанские мушкеты!
Ночь прошла. Суббота наступила.
Снова к Муйо все друзья слетелись,
И, оружием дорогим бряцая,
Двинулись они дорогой горной
На могилу бедного Халиля.
Вот что Муйо им сказал пред битвой:
— Мы засаду здесь врагам устроим,
Триста славов здесь проедут завтра.
Сам я спрячусь за могилой брата.
Поклянитесь именем господним,
Что никто оружием не звякнет
И стрелять не будет до приказа. —
Поклялись все именем господним,
Что никто оружием не звякнет
И стрелять не будет до приказа.

С двух сторон устроили засаду,
За могилой притаился Муйо.
Наступил рассвет. Вдруг едет Крешти.
У могилы крикнул он беспечно:
— Эй, разбойник, выходи на битву! —
Страшным голосом ответил Муйо:
— Подожди, я выйду из могилы! —
Ничего не понимает Крешти:
— Не возьму я в толк, откуда голос? —
Но раздался выстрел из мушкета,
И упал на землю мертвый Крешти.
Тридцать выстрелов еще раздалось —
Тридцать всадников с коней упали.
Муйо тут вскочил и саблю вынул:
— Бог на помощь нам! За честь Ютбины! —
Бросились албанцы смело в битву,
Множество врагов они убили.
Не ушел никто от острой сабли.

СМЕРТЬ МУЙО

Господу вовек хвала и слава!
Муйо и Халиль проснулись рано,
Подтянули у коней подпруги,
На коней вскочили оба брата,
Чтобы ехать в Голубые горы.
Там они под деревом тенистым
На лужайке обрели прохладу
И коней своих пастись пустили.
Взял Халиль трубу и глаз прищурил,
Оглядел все горы и ущелья,
Но врагов нигде не обнаружил
И уселся снова на лужайке.
Вот и вечер наступил в долине,
В сон два брата сладко погрузились;
До утра на той горе проспали,
А когда настало снова утро,
Первым Соколе Халиль проснулся,
Запалил большой костер из веток,
На огонь поставил медный джерве,
Чтоб сварить себе турецкий кофе.
Выпили по чашке оба брата,
И сказал печально брату Муйо:
— Шесть часов когда по солнцу будет,

Я умру, покину мир навеки.
Надо вырыть для меня могилу,
Дерево в лесу найти для гроба. —
Поднялись тогда на гору братья,
Начали могилу рыть прилежно,
Доски в ней приладили как надо.
Шесть часов по солнцу наступило,
И сказал печально Муйо брату:
— Просьба у меня к тебе большая —
Никаких не надо причитаний,
Иль враги узнают в Королевстве,
Что на свете больше нету Муйо,
И тогда придут на нашу землю,
В плен тебя возьмут, любимый брат мой,
Наши крепости с землей сровняют. —
Муйо так сказал, вздохнул и умер.
И в ответ все горы застонали.
И Халиль, облобызавши брата,
Тихо опустил его в могилу,
Закопал его в земле навеки
И в обратный путь домой пустился,
Братнего коня ведет с собою.
Плачут кони крупными слезами,
Спотыкаясь на дорожных камнях.
Вот и дом. Халиль в ворота въехал,
А навстречу Айкуна Девойка,
Отворила дверь в отцовском доме.
— Что ж, Халиль, — сестра ему сказала, —
Где ты старшего брата оставил?
Почему, как в сказке, кони плачут,
Спотыкаются в пути о камни?
— Ах, сестрица, умер брат наш Муйо
И завет с тобою нам оставил
Не устраивать по нем поминков,
Чтоб враги в соседнем Королевстве

Не проведали о смерти Муйо;
Чтобы женщин наших в плен не взяли,
Крепости с землею не сровняли! —
Под навес коней Халиль поставил,
В горницу по ступеням поднялся,
Там уже оплакивают брата.
С той поры прошло три долгих года,
Ничего не знали в Королевстве.
А когда прошли три долгих года,
Стали люди спрашивать друг друга:
— Что за притча? Что случилось с Муйо?
Почему не слышен голос Муйо?
Или он ушел в другие страны,
Или он сражен свинцовой пулей? —
Был там слав один, седой и мудрый,
Молвил он, качая головою:
— Нет уже, друзья, на свете Муйо!
В той горе зарыт он, что зовется
Ныне Одинокую горою;
Чабаны овец там не гоняют,
Там охотник не стреляет зверя. —
Пусть господь врагов всех покарает,
Короля накажет Капедана!
Тридцать воинов он взял с собою
И пошел на гору, что зовется
Ныне Одинокую горою.
Там король нашел могилу Муйо,
Стал кричать ему: — Вставай из гроба!
Завтра в два часа с тобой сразимся.
А не встанешь из земли на битву,
Я твою могилу раскопаю,
Мясники сдерут с тебя всю кожу
И набьют, как чучело, соломой! —
Но господь и мертвецу дал голос.
И воззвал с молитвой Муйо к небу:

— Милосердный бог, пошли мне птицу,
Чтоб я мог послать ее в Ютбину! —
Бог услышал голос из могилы
И велел лететь кукушке к Муйо.
Над могилою она запела,
И сказал кукушке чей-то голос:
— У меня к тебе большая просьба,
Полети скорее ты к Халилю,
Расскажи про короля, кукушка! —
И в Ютбину прилетела птица,
На дворе Халиля куковала;
Вышел из дому Халиль с мушкетом:
— Чтобы пусто было этой птице!
Ведь она назад три года пела
И беду накликала на Муйо. —
Но ему ответила кукушка:
— Я к тебе не с горем прилетела —
Рассказать хочу тебе про брата.
Если из земли не встанет Муйо
Биться завтра с королем на саблях,
Вытащат враги его из гроба,
Мясники сдерут с него всю кожу,
Чтобы сделать чучело из Муйо
На потеху людям в Королевстве. —
Опустил Халиль мушкет в раздумье,
Снарядился поскорей в дорогу,
На коня вскочил, поехал в горы,
К той горе, где закопал он брата.
Вот спустился вечер к ним на землю.
Под сосной проспал до утра воин,
А потом светать тихонько стало;
Засияло над горами солнце.
Незаметно два часа настало,
И тогда король явился в горы,
Тридцать воинов с ним едут вместе.

Но глядите, что Халиль придумал:
Страшно он заскрежетал зубами,
На коня вскочил и вынул саблю,
Выстрелил ага из пистолета,
Страшный крик ага издал пред битвой,
Всех врагов он порубил на месте,
В плен забрал он короля в короне
И сказал ему потом с усмешкой:
— Ты хотел разрыть могилу брата?
Так умри же от албанской сабли! —
Голову срубил одним ударом
И вернулся жив-здоров в Ютбину.

Сказания

о

богатыряхъ

ДЬЕРДЬ ЭЛЕЗ АЛИЯ

Кто храбрей, чем Дьердь Элез Алия!
Он девятый год от ран страдает.
День и ночь сестра сидит с ним рядом,
Промывает раны чистою водою,
Обмывает теплыми слезами,
Сушит кровь своими волосами,
Перевязывает платом материнским,
Подает отцовскую одежду,
В головах кладет оружие поясное.
А когда сестра те раны обмывает,
Брат про боль на время забывает:
Жалко брату, что сестра страдает.
Разнеслась тут весть по всей округе,
Что явилось чудище из моря,
Вредный человек оно и злобный,
Всю округу обложило данью:
Чтоб с души платили по барану,

Чтобы с дома дали по невесте,
Чтобы в день по витязю губили,
А в неделю по селу палили.
Вот и Дьердю дань платить настало.
Оросил герой слезами щеки:
Даст ли дому нанести бесчестье!
А сестра героя причитает,
Дьердю слезы на грудь проливает:
— Для чего нас смерть с тобой забыла!
Мать с отцом схоронены под липой,
Брат к одру девятый год прикован,
Мне ж явиться к чудищу морскому!
Пусть бы башня нас с тобою придавила,
Пусть бы дом стал каменной могилой,
Чем весь род отдать на поруганье! —
Сердце надвое у парня расколосось,
В оба глаза глянул на сестрицу,
Два ручья по двум щекам сбежали,
Старой башне сказал он два слова:
— Пусть мой дом обратится в пепелище,
Мохом порастет по самой крышу!
Побратаются с ним змеи и удавы!
Вот уж дождь струится сквозь прорехи!
— Нет, мой братец, — сестра отвечает, —
От болезни сам не ведаешь, что молвишь:
На дворе сейчас не дождь, а ведро, —
То мои струятся слезы, братец. —
Протянул тогда Дьердь к сестрице руку,
Ласково рукой ее погладил,
Ласково взглянул ей прямо в очи;
Никогда так с ней не говорил он:
— Ради бога, отчего ты плачешь?
Для чего терзаешь мое сердце?
Девять лет, как гниет мое тело,
Не находит твой Дьердь покоя,

Словно буковый листок под ветром.
Мало ль у тебя питья и пищи?
Не хватает у тебя одежды?
Или словом кто тебя обидел?
Или брат больной стал тебе в тягость?
Или замуж ты пойти решила? —
Вот как хорошо сестра сказала,
Охлаждая лоб ему ладонью:
— Брат, лесная буковая ветка!
Верно, слух ты потерял от лихорадки.
Пусть живой меня зароют в землю,
Если в голову пришла мне мысль о муже.
Хватит мне и обуви и платья,
Мать с отцом ты заменил мне с детства.
Я печаль тебе хочу поведать,
Пусть слова мои тебе не будут в тягость:
Девять лет страдаешь ты недугом,
Хоть бы раз прошел от ложа к двери!
Пусть бы хворь твою сестрицу иссушила,
Чем идти ей к чудищу морскому! —
Встал тогда храбрец с одра болезни:
— Зануздай, сестра, коня лихого,
Отведи его ты прямо в город,
К кузнецу, что был мне побратимом.
Ты скажи ему: «Привет от Дьердя!»
Пусть кует железные подковы
И стальными их гвоздями прибивает,
Ибо я желаю с чудищем сразиться.
Ну, а если побратим откажет,
Кузнеца найди, что был мне другом, —
Он окажет нам с тобой услугу. —
И отправилась девушка в город,
К побратиму кузнецу явилась.
— Кум кузнец, привет тебе, бог в помощи!
— Девушка из дальних мест, спасибо!

— Дьердь послал меня с великой просьбой,
Передать велел такое слово:
«Пусть кует железные подковы
И стальными их гвоздями прибивает —
Я желаю с чудищем сразиться». —
Вот как скверно побратим ответил:
— Если очи мне свои подаришь,
Помогу я брату в поединке,
Сделаю, чтоб конь летел, как ветер. —
Говорит ему девушка в гневе:
— Пусть язык у тебя отсохнет!
Девять лет наш конь стоит некован,
И коня вела я к побратиму,
А попала в дом к худому человеку!
Я глаза навеки посвятила
Родичам, что под землею сгнили,
Дьердю, что гниет на жестком ложе. —
И ушла она от побратима,
К другу кузнецу она явилась.
Говорит: — Привет тебе от Дьердя,
Он велел сказать такое слово:
«Завтра буду с чудищем сражаться,
Пусть куют железные подковы
И стальными их гвоздями прибивают». —
Для себя бы друг не сделал лучше.
Девушка пришла домой к закату,
Брат ее ожидает под липой.
Что же сделал Дьердь Элез Алиа?
Чудищу привет послал и вызов:
— Завтра выходи со мною биться!
Нету в доме для тебя девицы,
И не про тебя мои бараны!
А сестра моя врачует раны,
Самому она мне пригодится. —
Горы побелели на рассвете,

И сошлись бойцы во чистом поле.
И сперва язвят друг друга словом:
— Дьердь, не из могилы ль ты явился,
Чтоб меня призвать на поле боя? —
Вот как хорошо герой ответил:
— Угадал ты, чудище морское,
Девять лет, как я иду к могиле,
Но меня вернул ты с полдороги —
Возжелал сестру мою до боя,
Восхотел баранов, да без спросу.
Я пришел, чтобы на этом поле
Объяснить тебе заветы предков:
«Пусть увидит враг твое оружие,
А потом и в дом войдет, коль сможет».
И тебе не завладеть сестрою
Прежде, чем сразимся мы с тобою.
Жить тебе, наверно, надоело,
Если с Дьердем ты затеял дело. —
Сшиблись кони — дым столбом взметнулся,
Палицу метнуло чудо в Дьердя.
Дьердев конь тогда пригнул колени —
Палица над ними просвистала,
В землю на двенадцать паш воткнулась,
На двенадцать паш тут пыль поднялась.
И метать настало время Дьердю,
Хорошо он палицу нацелил,
Прямо она в чудище попала;
Сотряслась земля во всей округе.
Тут храбрец свой меч из ножен вынул,
Голову шишкастую отсек он,
За ноги схватил он вражье тело
И с конем забросил прямо в омут.
Опоганился поток от черной крови,
Года три стояла вонь в округе.
Тут храбрец свой путь направил к дому,

Всех друзей своих призвал он сразу:
— Слушайте, друзья, что вам скажу я!
Пусть мой дом отныне станет вашим,
И мое добро пусть станет вашим,
И вся утварь тоже станет вашей, —
Не оставьте лишь сестру Элез Алии. —
Тут героя выпрямилось тело —
Он хотел обнять сестру рукою,
Но два сердца биться перестали:
Брат с сестрою мертвыми упали!
Есть ли смерть прекрасней этой смерти!
Плакали друзья, как подобает,
Вырыли просторную могилу,
Чтоб обоим им хватило места.
В память мертвых водрузили камень,
Чтобы люди их не позабыли.
В головах их посадили липу,
Чтобы птица отдохнуть могла весною.
Лишь дубняк зазеленел на склонах,
Прилетела горная кукушка,
Видит — липа тонкая засохла:
Дом пустой кукушка увидала:
Каменная башня обвалилась.
На окно кукушка опустилась,
К путнику со словом обратилась:
— Путник, путник, коль запел ты песню,
Оборви ее на этом месте!
А заплакал — плачь еще сильнее!
Я летала над горами и полями,
Я летала, куковала над домами,
Но нигде не встретила такого
Храбреца, как Дьердь Элез Алиа.

ЗУКУ БАЙРАКТАР

Тридцать аг беседовали шумно,
Веселились, вина распивали,
Четобаше Муѝо надоели.
И воскликнул он: — Убей господь вас!
Пьете вы и пьете безрассудно
И бог знает что плетете, дурни,
Порази бог матерей ютбинских!
Порази бог кобылиц ютбинских!
Матери тут храбрых не рождали,
Боевых коней кобылы не давали, —
Ехать в королевские Которы
Не хотят, робеют наши парни.
Девушка одна есть в Королевстве,
Ей двенадцать лет всего, не больше;
Солнечного света не видала
И ногой на землю не ступала.
Нету ей на белом свете равной.
Рост ее — двенадцать кутов целых,
От груди к груди — двенадцать пядей. —
Тридцать аг слов этих устыдились,
Головы в смушенье опустили.
Зуку Байрактар тогда воскликнул,
Поклялся он самой страшной клятвой:

— И пяти ночей не миновало,
Как с той девушкой три дня провел я
И три ночи спал с ней в Королевстве. —
Девушки портрет он тут же вынул.
— Уходи, ступай опохмелися!
Все равно тебе я не поверю!
Если б был ты в этом Королевстве
И в Которах девушку увидел,
И три дня провел с ней беззаботно,
И три ночи с нею ночевал бы,
Девять лет тебя трясла бы лихорадка,
Девять лет покою б не давала. —
Так обидно молвил парню Муйо.
— О, не будь ты мне родимым дядей —
Вызвал бы тебя на поединок.
Муйо, я клянусь тебе всевышним:
Или голову сложу в Которах,
В Королевстве том, через неделю,
Или девушку я привезу в Ютбину. —
Воины все громко рассмеялись.
Парень же вскочил, дрожа от гнева.
Он домой отправился поспешно,
И родимой матери сказал он:
— Приготовь еду мне на дорогу,
Должен я поехать в Королевство,
Дочку короля хочу похитить
Или голову сложить на плахе. —
Мать ему ответила с обидой:
— Ты не ездь, сын мой, в Королевство,
Мать не оставляй ты без опоры. —
Рассказал ей сын о ссоре с Муйо.
Мать ему припасы собирает
И коня седлает боевого.
На коня он сел и в путь пустился;
Мать ему удачи пожелала.

День и ночь он мчался неустанно,
И в Которы наконец приехал.
В дом к девице смело он стучится:
— Эй, Латинка, дверь свою открой мне! —
— Прочь, мадьяр незванный, прочь отсюда,
Сон мой сладкий не тревожь средь ночи!
У меня здесь бдительная стража,
Знак подам — и явится охрана,
И тогда ты головы не сносишь. —
Байрактар опять стучится в двери.
— Уходи ты, дурень сумасшедший!
Никому я двери не открою,
Только одному лишь Байрактару.
— Если б был я этим Байрактаром,
Мне бы дверь открыла без боязни?
— Если впрямь ты Байрактар отважный,
Подведи коня сюда, к окошку,
И пришпорь его со всею силой,
Чтобы прыгнул он как можно выше, —
Ты на башенном окне кольцо оставь мне;
Я б кольцо заветное узнала,
Что дружку когда-то подарила.
И твою одежду я признаю. —
Он тогда к ее окну подъехал,
Крепко быстрого коня пришпорил.
Конь его взвился под окна башни,
И колечко на окне осталось.
Девушка кольцо свое узнала
И одежду друга увидала.
Тут надела девушка налоны
И по лестнице крутой спустилась.
Дверь ему проворно отворила,
А коня оставила в конюшне.
По ступеням поднялася с гостем,
Пригласила в спальные покои;

Кофе с сахаром готовить стала.
Пьет неспешно Зуку кофе сладкий,
А беседу с ней не начинает.
Льнет она к нему и обнимает:
— Что с тобою? Что ты так задумчив?
Иль жалеешь о своем поступке? —
Храбрый юноша ответил тихо:
— Вот такая на душе тревога. —
И поведал о размолвке с Муйо:
— Я однажды Муйо побожился:
Или голову сложу в Которах,
Иль тебя я увезу с собою. —
Девушка тогда ему сказала:
— Пей-ка кофе, подкрепляйся лучше,
Предстоит нам путь с тобой далекий. —
Девушка обхаживает Зуку,
В честь его две лампы засветила.
Ночь промчалась, утро заблестало,
А они щека к щеке заснули.
К двери мать ее пришла неожиданно:
— Разрази господь! — она вскричала. —
Что за конские следы у замка?
Или друга завела ты, дочка?
Чей привязан конь у нас в конюшне? —
Дочь в ответ сказала ей неправду:
— Я дружка себе не заводила,
Девушку одну лишь приютила.
Нет отца и матери у бедной,
Мать скончалась в день ее помолвки;
Девушка ж мечтает выйти замуж,
А приданого за нею нету.
Хорошо б дня три здесь погостить ей;
Попрошу сейчас отца об этом.
Или пусть она его попросит.
Мне отца тревожить неудобно.

Или, может, ты б к нему сходила,
Пусть позволит ей побыть со мною
И белья собрать ей на дорогу. —
В девушку перерядился Зуку,
В белые читьяны облачился;
Девушка — ну просто загляденье!
Так три дня промчались незаметно.
Короля супруга упросила,
Чтобы погулять позволил дочке,
Но король встревоженно ответил:
— Как бы злые люди дочь не взяли!
Только разве двух послать с ней стражей,
Пусть тогда гуляет в Королевстве. —
С умыслом подруг она собрала
И коней двух лучших оседлала.
Тронулись верхом они неспешно,
Зуку в девичьей одежде ехал,
В белоснежных легких шароварах;
Под читьянами висела сабля.
Впереди два стража гарцевали;
К берегу приблизились морскому.
Зуку вдруг чадру свою откинул
И из ножен саблю быстро вынул.
Первого врага убил он сразу,
А с другим на саблях биться начал.
Поднялась тревога в Королевстве.
Триста славов устремились в битву.
Грохот битвы долетел до Муйо.
— Бог тебя убей! — Халиль промолвил.
Ты сгубил племянника напрасно! —
На коней Халиль и Муйо сели,
Тридцать аг помчались вместе с ними.
Пособили парню и невесте
И к себе в Ютбину возвратились.
Но возник тут спор из-за невесты:

Каждый воин счел ее своею,
Каждый хвастал, что ее отбил он.
Но сказал им Муйо: — Подождите,
Прежде справедливый жребий бросим.
Кто им завладеет в поле чистом,
Тот себе невесту и оставит. —
Жребий тот упал далеко в поле.
— Я его возьму! — Диздар воскликнул.
По полю коней они пустили,
Жребия нигде не находили.
Семь часов неслись они лугами,
Семь часов — трясиной и болотом,
Семь часов — по скалам и ущельям.
Полпути стрелою пролетели,
Вскачь неслись, друг друга обгоняя.
Конь Диздара пал среди дороги;
Побежал Диздар с седлом в обнимку,
Поспешая вслед за верховыми.
Обогнав других, Халиль Соколе
Подскакал к означенному месту.
Зуку Байрактар вторым подъехал.
А за ним все тридцать подскакали.
Сзади всех Диздар понуро плелся.
И Халилю Байрактар промолвил:
— Как ты смеешь взять себе невесту,
Если я из-за нее шел на смерти!
— Не возьму я у тебя невесты! —
Постоялый двор вдруг показался,
И Халиль к нему коня направил.
Байрактар с своей невестой вместе
Путь решил держать к родному дому.
Тридцать аг поздравили счастливец.
Муйо говорит тогда Халилю:
— Бог тебя убей, ага наш младший!
Хорошо, что ты не взял невесту,

Все равно б ее отдал я Зуку.
Зря коня сгубил ты вороного! —
А Халиль сказал ему на это:
— Сам сгубил коня! Уж слишком часто,
Братец, ты вино употребляешь,
Постоялый двор — твой дом желанный.
Стоит только отпустить поводья —
Конь твой мчит к ближайшему трактиру.
Оттого и я сюда заехал.
Ну, а Зуку — тот примчался первым;
Обогнал меня и взял невесту,
Всех опередил он в чистом поле... —
Но не хочет слушать брата Муйо,
Говорит: — Мы новый жребий бросим! —
Но все тридцать аг тут обратились
С просьбою большой к старшому Муйо:
— Пусть возьмет себе невесту Зуку! —
Еле-еле уломали Муйо,
Он отдать невесту согласился;
Аги тут же к Зуку побежали,
Жениха с невестой поздравляют.
Три недели праздновали свадьбу,
В кумовья Диздара пригласили.
Очень хороша была невеста!

ХЮСЕН БРАПОШНИКИ

Господу помолимся вначале:
Не было нас, он нас в мире создал,
Без удачи в жизни не оставил.
Тридцать храбрецов собрались вместе,
Стали пить душистые шербеты,
Завели душевную беседу,
И сказал им Бюлюкбаше Муйо:
— Слышали вы про дела такие?
Вот о чем хочу спросить я мудрых,
Если знаете, то расскажите, —
Кто живет труднее всех на свете? —
Говорит один ага в раздумье:
— Хуже всех живет змея на свете:
Зиму всю она лежит под камнем.
Даже удивления достойно,
Как она от стужи не погибнет!
Но весной повеет над лугами,
Вновь душа змеи тогда теплеет.
Нет, не создал бог труднее жизни! —
А другой ага: — Пожалуй, горше
Нет удела, чем у горной птицы:
Средь пустынных скал без пропитанья
Птицы горные живут зимою,

Даже странно, что не погибают.
Но весна приходит снова в горы,
И тогда поют на ветках птицы,
И приятно слушать птичье пенье. —
И сказал на это мудрый Муйо:
— Да, друзья, змее под камнем трудно,
Трудно птицам на вершинах горных,
Но всего труднее Крапошники:
Девять ран он получил в сражение,
Лекари с ног сбились от усердья,
Вылечить же Хюсена не могут.
Восемь лет прикован он к постели,
А ведь у него была невеста!
Только счастья нет ему на свете —
Он Дели свою невесту отдал,
Уступил невесту побратиму.
И смотрите, что Дели тут сделал!
Триста дружек он созвал на свадьбу,
С музыкой послал их за невестой.
И, когда пришли к невесте сваты,
Хорошо их приняли в том доме,
Их за стол с почетом усадили,
Яствами обильными кормили,
Вкусными напитками поили.
Слава богу, и заря настала.
Обрядил тогда отец невесту
И к Дели со сватами отправил.
Их вела дорога мимо дома,
Где страдал от ран кровавых Хюсен.
Слышат сваты жалобы и стоны.
И сказала горестно невеста:
— Здесь мы остановимся, пожалуй.
Забегу туда хоть на минуту,
Чтоб взглянуть на Хюсена украдкой.
С ним была помолвлена когда-то... —

Стоны громкие слышны из дома.
Недовольно помолчали сваты,
Да ведь что поделаешь с упрямой!
И поспешно в дом невеста входит,
По пустым она pokojам бродит,
Хюсена зовет и не находит.
В дальней горнице сыскался Хюсен,
В забыти лежал он на постели,
При смерти был бедный Крапошники.
И тогда она его спросила:
— Очень ты от ран страдаешь, воин?
— Очень я страдаю, чуть не умер! —
И опять к нему она склонилась:
— А какой уход здесь за тобою?
Ты подробно расскажи об этом,
Днем какой уход, какой был ночью? —
Объяснил ей бедный Крапошники:
— Днем еще ухаживают, лечат,
Ночью никого не дозовешься... —
Стала утешать его невеста:
— Ты послушай хорошенько, Хюсен!
У меня отец был старый лекарь,
Кой-чему он научил и дочку.
Буду ночь сидеть я в изголовье,
Чтоб ухаживать мне за тобою. —
Но сказал ей Хюсен: — Ты в уме ли!
Нечего тебе тут ночью делать,
Ведь с тобою триста сватов едет! —
Головой невеста покачала:
— Триста сватов? Чтоб им провалиться!
Угости их, напой на славу,
Ночь хочу я провести с тобою,
Просидеть всю ночь у изголовья. —
Выйти из дому спешит невеста,
Говорит она смущенным сватам:

— Здесь мы остановимся сегодня,
Вас накормят сытно и напоят,
Все вам предоставит Крапошники;
Буду я теперь лечить больного
И сидеть всю ночь у изголовья. —
Не понравилось все это сватам,
Да ведь что поделаешь с упрямой!
Ночь пришла и принесла им счастье.
Подкрепились пищею невеста,
Чтоб всю ночь сидеть у изголовья.
И когда часы пробили полночь,
Видит вдруг она: змея вползает,
Черная, как самый черный ворон,
Хочет Хюсену ужалить раны.
Но очей невеста не смыкала,
Голову невеста той гадюке
Саблею албанской отрубила.
Но еще одна змея вползает.
Красная, как кровь, была гадюка,
Хочет Хюсену ужалить раны,
Чтобы в них свой страшный яд оставить.
Но очей невеста не смыкала,
Голову и той змее невеста
Саблею албанской отрубила.
Много времени прошло иль мало, —
Третья в горницу змея вползает.
Белая, как снег, была гадюка,
Хочет Хюсену ужалить раны,
Хочет страшный яд свой в них оставить.
Но очей невеста не смыкала,
Голову и той змее невеста
Саблею албанской отрубила,
И опять сидит у изголовья.
Наконец растаял сумрак ночи,
Наступает утро, солнце всходит,

Крепко Хюсен спит в своей постели.
А когда проснулся он к обеду,
То себя почувствовал здоровым,
Повернулся к девушке с улыбкой:
— Крепко спал сегодня, будто в детстве,
Хорошо все тело отдохнуло,
Скоро буду я совсем здоровым. —
Потянулся он, сел на постели,
Даже трубку выкурил, как прежде,
Даже чашку кофе Хюсен выпил,
И в прекрасном он был настроенье.
Рассказала все ему невеста:
— До обеда спал ты, как ребенок,
Я же здесь всю ночь глаз не смыкала.
Знаешь ты, что ночью тут случилось?
Ночью три змеи к тебе вползали,
Раны отравить хотели ядом,
Чтобы ты не встал с одра болезни. —
Очень Хюсен тут развеселился,
И ему невеста обещала:
— Буду я сидеть еще две ночи!
— Как же будешь ты сидеть две ночи?
Разве сваты будут ждать невесту? —
А она ему: — Не беспокойся,
Только угости их всех получше. —
Сватам же, спешившим в путь, сказала:
— Проведу я здесь еще две ночи,
Чтобы Хюсена зажили раны.
Даст господь, совсем он исцелится.
Вы же пейте, ешьте, что хотите! —
Стали выговаривать ей сваты,
Да ведь что поделаешь с упрямой!
Делать нечего, остались сваты
И подряд две ночи прохрапели,
А она сидела в изголовье.

Вот и третья ночь к концу приходит.
И сказал невесте Крапошники:
— Чудным лекарем ты оказалась,
Как рукою все болезни сняло,
На коня могу я сесть, как раньше.
Белой птицей конь помчится в горы.
Залечила ты мои все раны. —
Говорит невеста: — Вот и ладно.
Но меня послушай со вниманьем!
Нарядись ты в лучшие одежды,
На коня садись с осанкой гордой
И гарцуй пред всем честным народом.
Пусть тебя таким увидят сваты,
Чтобы я могла с тобой остаться. —
Хюсен сам такое же надумал,
Нарядился он, надел оружие,
На коня вскочил, помчался птицей,
Весь был в мыле конь его горячий.
Долго гарцевал так Крапошники,
А потом на всем скаку, пред домом
Осадив коня, подъехал к сватам.
Сватов он приветствовал пристойно,
И они ответили учтиво.
И сказал в большом смущенье Хюсен:
— Как же быть нам, дорогие сваты?
Не желает уходить невеста! —
Отвечают сваты в страшном гневе:
— Без невесты мы уйти не можем. —
Предложил тогда решение Хюсен:
— У меня есть юная сестрица,
Нарядим ее в наряд невесты,
И она поедет вместе с вами,
Отвезете вы ее Юмеру.
Пусть берет мою сестренку в жены,
А не хочет, пусть сестрой оставит.

Вот одели девушку невестой,
Выехали сваты в путь-дорогу,
Приезжают к жениху всей свадьбой.
Вышел из дому Юмер навстречу
И с такою речью обратился:
— Что вы так в дороге задержались,
Или с боем где вы пробивались,
Иль в пути колеса поломались? —
И тогда всё сваты объяснили:
— Путь нигде враги не преградили,
Всей душою мы к тебе спешили,
Но, когда мы ехали на свадьбу,
Нас невеста вдруг остановила
Там, где Хюсена стоит дом белый.
У него три дня мы пили-ели,
И три ночи у его постели
Девичьи глаза за ним смотрели.
Выздоровел Хюсен за три ночи,
Да и нам не очень плохо было.
Но покинула невеста сватов,
Хюсен у себя ее оставил,
А тебе он шлет свою сестрицу.
Ты бери ее себе женою,
А не хочешь, так оставь сестрою! —
Но смотрите, что случилось дальше!
Радостную весть Юмер услышал,
Рад, что побратим его не умер,
Выватил он пару пистолетов,
Из обоих выстрелил, ликуя:
— Слава богу, что не умер Хюсен,
Значит, смерть прошла еще раз мимо,
Значит, пир устроим мы на славу! —
И была та дружба нерушима!
А потом Юмер взял триста сватов.
И невесту он берет с собою,

К брату, к Хюсену он едет в гости.
— Где тут, — говорит, — мой Хюсен милый?
Вот, приехал я к тебе на свадьбу
И сестру твою привез обратно! —
Мы на свадьбе шумно пировали,
Пировали мы и веселились,
Семь ночей и дней мы песни пели.

СИРАН ТИН АЛИЯ И АРНАУТ ОСМАНИ

Рано поутру Сиран проснулся.
Встал, оделся, вышел на дорогу,
Видит — тридцать молодцов навстречу
С песнями и шутками шагают,
Храбреца Сирана поддевают.
— Отчего, Сиран, ты не женился?
Сверстники твои давно женаты,
Дочери у них уже невесты,
Сыновья их скот пасут в долинах.
Свадьбу, что ли, ты играть не хочешь,
Или на невесту денег жалко?
— Нет, друзья, — совсем не та причина.
На невесту денег мне не жалко.
Всю б округу я созвал на свадьбу,
Да по сердцу не нашел невесты.
Вот жена Османи Арнаута
У меня из мыслей не выходит.
Отберу жену я у Османи,
Головы своей не пожалею. —
Грохнул смех в ответ на эти речи:
— Бог тебя убей, Сиран Алия,
Легкое же ты задумал дело!
Сколько уж разбойников пытались

Взять жену Османи Арнаута,
Ничего у них не выходило.
Или ты храбрее всех на свете?! —
Ничего Сиран им не ответил,
Оседлал коня и в путь пустился.
Доскакал, домчался до вершины,
Стал в трубу подзорную глядеть он.
Все поля осматривает зорко,
Видит — тридцать девушек собрались,
Под горой в ручье белье стирают.
К ним коня погнал Сиран Алиа,
Девушки испуганно вскочили,
И Сиран желает им здоровья,
Ласковое говорит им слово,
Спрашивает их, где дом Османи.
— Мы с Османи храбрым побратимы,
А семь лет друг друга не видали.
— Что же, дом его найти нетрудно, —
Девушки Сирану отвечали. —
Вон стоит он за большой оградой.
— Слава господу, что всех вас создал.
Вы еще мне, девушки, скажите,
Нет ли среди вас жены Османи?
— Оглянись, и ты ее увидишь.
Та, что всех из нас стройней и краше,
Побратима твоего супруга. —
Поглядел вокруг Сиран Алиа,
Увидал красавицу и ахнул,
Просит принести ему напиться.
А когда она пришла с кувшином,
Он схватил ее повыше локтя,
Быстро посадил к себе на лошадь,
Привязал ее ремчем он крепким
И умчался в горы, словно ветер.
Страшный шум поднялся над долиной —

Тридцать девушек кричат и плачут.
Арнаут Османи шум услышал,
Прискакал, взобрался на вершину,
Стал искать жену свою повсюду,
Стал вокруг осматривать дороги,
Но жены нигде он не увидел.
Тут тоска ему сдавила сердце,
Кровь пошла из носа у Османи.
Он врагу послал бы вызов тотчас,
Только нет при нем пера с бумагой.
И тогда сорвал он лист зеленый,
Написал на нем своею кровью
И молитвь о буре начал бога.
Грозный бог услышал Арнаута —
Сильный ветер налетел на землю;
Поднял ветер лист с письмом Османи
И принес его Сирану в руки.
Вот что там прочел Сиран Алиа:
«Видно, ты без совести и чести:
Красть умеешь, а боишься боя.
Надо нам сойтись с тобою вместе,
Надо сабли нам скрестить с тобою».
Прочитал Сиран, нахмурил брови
И таким письмом ему ответил:
«Я жену твою не стану трогать,
Как с сестрой неделю жить с ней буду,
А когда окончится неделя,
Выйду я к тебе на Длинный берег,
Приведу красавицу с собою.
Там сойдемся мы и будем биться —
Кто осилит, тот ей будет мужем».
Прочитал письмо Османи храбрый,
Не дождется он конца недели,
Ждет сражения, часы торопит.
Вот на Длинный берег вышли оба,

Вот на поле съехались их кони.
Стали биться молодцы, покуда
Не зазубрились стальные сабли.
Спрыгнули тогда они на землю,
В рукопашный жаркий бой вступили.
Долго бились, по земле катались,
Ни один не одолел другого;
Кровь глаза обоим залепила.
И тогда красавица вскочила,
Подбежала, закричала громко:
— Хватит биться вам, глаза промойте!
— Что ж, пожалуй, — говорит Османи, —
Не мешает покурить немного,
Отдохнуть, промыть глаза водою,
А потом опять рубиться станем. —
Вот они оружие положили
И присели с трубками под липой,
Смыли кровь и начали беседу.
Спрашивает Арнаут Османи:
— Ты скажи мне, где твои родные?
Отчего ты с турками связался?
Почему в Ютбине поселился?
— Арнаут, я ничего не знаю.
Я ведь был еще ребенком малым,
Когда Муйо к нам пришел в селенье,
От руки его погиб отец мой.
Дом наш сжег он, мать мою он выгнал.
А потом мне люди рассказали,
Что она тогда была тяжелой.
Я не слышал, что с ней после стало,
Ведь меня увез в Ютбину Муйо.
Ну а ты скажи теперь, Османи,
Ты откуда родом? Где ты вырос?
— Я, Сиран Алиа, сам не знаю —
На дороге мать меня рожала.

Муйо сжег наш дом, отца убил он,
Выгнал мать мою, похитил брата.
Мать меня растить была не в силах,
Королю отдать меня решила
И пошла скитаться по дорогам. —
На ноги тут молодцы вскочили,
Обнялись, поцеловались крепко —
Братьями родными они были!
Стали письма слать они по свету,
Мать свою разыскивать повсюду
И с трудом великим отыскали.
Три недели братья пировали,
Три недели праздновали встречу.
Так никто нигде не веселился!
Слава богу — вместе оба брата!

ЖЕНИТЬБА СТАРИКА ТЕФАНА АГИ

Господу помолимся вначале.
Не было нас, он нас в мире создал,
Счастьем наделил нас и удачей.
Дочь Мола Ахмета Аги
Выросла и девушкою стала.
Говорит она слова такие:
— Что-то странное со мной творится.
Грудь моя растет, налилась соком,
Тело — все становится полнее.
Мама! Я к замужеству готова.
Выдай замуж — я скажу спасибо! —
Говорит ей мать слова такие:
— Помоги тебе бог, моя дочка!
Мать найдет тебе доброго мужа.
Замуж я отдам тебя за Муйо.
Бог таких мужей еще не создал —
Равных нет ему под ясным солнцем,
Равных нет средь турок и средь славов.
Всем хорош, одним лишь только плох он:
Сотворил господь его героем.
Он по десять дней домой не ходит,
С королевскими славами бьется
И багрит доспехи вражьей кровью,
В острых скалах рвет свою одежду.
Трудно, дочка, тебе будет с Муйо. —

Дочь подумала и отвечает:
— Мне такого не надобно мужа. —
И ответила ей мать на это:
— Я найду тебе получше мужа.
Выходи за Зуку Байрактара.
Этот парень — тополю подобен,
Равных нет ему меж турок и меж славов.
Но и с ним нелегко тебе будет —
Очень, дочка, грозен этот Зуку. —
Дочь подумала и отвечает:
— Мне такой судьбы не нужно, мама! —
И ответила ей мать на это:
— Мать найдет тебе доброго мужа.
Выходи за Соколе Халиля.
Бог еще не создал ему равных.
Нету парня лучшего под солнцем.
Но и с ним несладко будет, дочка, —
Бабник он и девичий угодник,
Волочится за любой красоткой. —
Дочь подумала и отвечает:
— Мне такого не надобно мужа. —
И ответила ей мать на это:
— Мать найдет тебе доброго мужа.
Выходи за старика Тефана.
Человек хороший Тефан Ага.
Тишина и покой в его доме,
А добра имеет он немало.
Славно заживешь с Тефан Агой. —
Дочь подумала и отвечает:
— Так пойду я за Тефана Агу. —
Что же сделала мать, посмотрим.
Раздобыла для письма бумагу,
Написала письмо Тефану Аге
И немедля его отослала:

«Несмотря на твой преклонный возраст
Я хочу с тобою породниться,
Дочь хочу за тебя выдать замуж,
А тебя женить на моей дочке».
Сильно тут обрадовался старец.
Говорит друзьям он и знакомым:
— Триста сватов, — он сказал, — желаю!
Триста сватов я возьму с собою.
Не возьму лишь Муйо и Халиля,
Не возьму и Зуку Байрактара.
Всех других я приглашаю в сваты.
Срок даю вам три недели ровно! —
Погляди, как старый разошелся!
В три недели нашлись триста сватов,
Но не взяли Бюлюкбаше Муйо,
И не взяли Соколе Халиля,
И не взяли Зуку Байрактара.
Этих трех не позвали в сваты,
Разобидели их этим сильно.
Говорит друзьям отважный Муйо:
— Мы должны одно устроить дело.
Трехнедельный срок уж на исходе.
Мы возьмем вино, возьмем ракию,
И закуски заберем с собою,
И поедем мы к Моле Ахмету —
И пускай он не позвал нас в гости —
Пить и есть чужого мы не станем. —
Что же вышло? Бюлюкбаше Муйо
Взял с собою Зуку Байрактара,
Взял с собою Соколе Халиля,
Захватил различные закуски,
Захватил он вино и ракию
И отправился к Моле Ахмету.
Погляди, что сделал Тёфан Ага!
Пригласил с собой он триста сватов,

Скакунов все триста оседлали
И приехали к Моле Ахмету.
Вводит их Мола в свои покои,
Дал им кофе и принес ракию.
Все сидят и пьют — кто сколько хочет.
Погляди-ка, что устроил Муйо!
Он не ест, не пьет с гостями вместе,
И садиться со всеми не хочет.
— Я в твой дом, Мола, незванным прибыл,
Есть и пить чужого я не стану. —
Попили, попиrowали сваты,
Опьянели и развеселились —
И поехали они обратно
И с собою повезли невесту.
Полпути проехать не успели,
Говорит тогда невеста свату,
Свату, что сопровождал невесте:
— Ради бога, что создал нас обоих,
Ты скажи мне лишь одно словечко —
Кто здесь будет Бюлюкбаше Муйо? —
Добрый сват ей тотчас отвечает:
— Разрази тебя господь, невеста!
Не должна ты говорить со сватом!
Вон, взгляни на смуглого мужчину
С черными и пышными усами,
На коне он скачет белоснежном!
Он и есть тот Бюлюкбаше Муйо.
Ты его невестой быть могла бы,
Но сама того не пожелала. —
Снова говорит невеста свату:
— Ты скажи еще одно мне слово:
Покажи мне Зуку Байрактара!
— Вон, взгляни на молодого парня
С благородною и гордою осанкой.
Рыжий жеребец под ним играет —

Зуку Байрактар перед тобою.
Ты его невестой быть могла бы,
Но сама того не пожелала. —
Вновь невеста спрашивает свата:
— Ты скажи мне еще одно слово:
Кто здесь будет Соколе Халили? —
Добрый сват на это отвечает:
— Погляди на молодого парня.
Словно солнце, он красой сияет,
Вороной конек под ним играет,
Среди сватов нету ему равных.
Ты его невестой быть могла бы,
Но сама того не пожелала. —
И невеста спрашивает снова:
— Сват, скажи еще одно мне слово:
Кто же будет старик Тефан Ага? —
Добрый сват на это отвечает:
— Сзади всех на белом он плетется. —
Очень опечалилась невеста.
Заболело у невесты сердце,
У нее дыханье захватило.
Сваты на привал остановились.
До чего же старый огорчился!
— Горе мне! — воскликнул Тефан Ага. —
У меня невеста умирает.
Кто спасет ее и кто излечит,
Снадобье мне верное укажет —
Я тому не пожалею денег.
Пусть берет сколько хочет дукатов. —
Зуку Байрактар ему ответил:
— Отойдите-ка в сторону, сваты,
А невесту оставьте со мною.
Знаю я одно такое слово,
Что невесту на ноги поставит. —
Сваты сразу отошли в сторонку.

Зуку подошел один к невесте,
Только прикоснулся к ее телу,
Как она очнулась и сказала:
— Ежели ты в самом деле Зуку, —
Ради господ, что тебя создал,
Ты избавь меня от Тэфана Аги! —
Отвечает ей на это Зуку:
— Если ты пойдешь за меня замуж,
Мы тогда уладим это дело.
— Я — твоя! — ответила невеста.
Погляди-ка, что устроил Зуку!
Он сказал и сватам и Тэфану:
— Суженой твоей немного лучше.
Подведите ей коня гнедого —
Пусть она проедется немного. —
Посадил он на коня невесту,
Тихо с ней отъехал он в сторонку,
А потом пустил коня галопом
И в ущелье горном с нею сокрылся.
Так вот Зуку умыкнул невесту.
А старик причитает и плачет:
— Ах, великая беда случилась!
Зуку умыкнул мою невесту
И не хочет отдавать обратно!
Посоветуйте, друзья, что делать?
Храбрецу, что мне вернет невесту,
Дам дукатов, сколько он захочет:
Дам ему триста дукатов! —
Муйо говорит: — Неси быстрее! —
Дал ему старик триста дукатов.
Муйо распахал их по карманам,
На коня вскочил он и помчался
По крутой и узкой горной тропке,
Что вела на горные вершины.
Вот он въехал в темное ущелье,

И зовет он Зуку Байрактара:
— Эй, дружище, я к тебе приехал
И привез с собою много денег! —
Что же делают прочие сваты?
Сильно все они загоревали.
— Горе! — восклицает Тефан Ага. —
Что мне делать? — старец причитает.
И сказал тогда меньшей из сватов,
Скромно обратившись к прочим сватам:
— Можно все устроить очень просто:
Мы захватим Соколе Халиля
И его невестою нарядим,
Увезем его в дом ТEFана Аги
И оттуда парня не отпустим,
Пока нам не возвратят невесту. —
Что же сделал Соколе Халили?
Чуть не лопнул Соколе от злости.
Он вскочил и гневно крикнул сватам:
— Всех на голову укорочу я,
Чтобы знали Соколе Халиля! —
Так Халиль отважный разошелся,
Что сперва срубил он столб высокий,
А потом убил он триста сватов —
Одного за другим зарубил он.
Подошел он к старцу ТEFану Аге,
Трижды рубанул его с размаху,
Мертвым на земле лежать оставил.
На коня вскочил Халиль отважный
И к своим друзьям помчался в горы.
А когда Халиль примчался в горы,
Он окликнул Муйо с Байрактаром:
— Эй, друзья, не прячьтесь, выходите!
Триста сватов уложил я саблей,
С ними вместе пал и ТEFан Ага. —
Так все трое снова повстречались.

Но господь решил их тут поссорить.
Муйо говорит: — Моя невеста! —
Говорит Халиль: — Я не женатый,
Потому невеста мне нужнее! —
Слушает обоих братьев Зуку,
И ему их споры не по вкусу.
Он тогда свое вставляет слово:
— Ведь не вы, а я увез невесту.
Разделите меж собой дукаты,
А невесту я себе оставляю. —
Удальцы не могут сговориться
И решают попросить совета,
Что им делать, у седого старца.
Как же этот старец поступает?
На широкий луг он их выводит,
Из конца в конец скакать велит им
И к нему обратно возвращаться:
Кто из них к нему подъедет первым,
Тот пускай берет себе невесту.
Вот по лугу поскакали трое.
Вышло так, что замешкался Зуку
И отстал от Муйо и Халиля.
И тогда господь вмешался в дело
И велел назад им возвращаться,
Потому что прав был Зуку только
И невеста ему полагалась.
Снова поскакали трое храбрых,
Зуку первым к старику вернулся
И по праву взял себе невесту.
Подошли к нему Халиль и Муйо,
Говорят: — Прости нас, ради бога.
Мы к тебе напрасно привязались.
Ты без нас достал себе невесту,
И отныне будешь ей ты мужем.
Будь с ней счастлив! Наслаждайтесь оба!

ДОЧЬ ТЯФАНАКА

Жил долго на белом свете
Тяфанака, старый албанец,
Сынов схоронил и внуков,
Лишь дочь у него осталась.
Вот однажды чудо морское
Старцу письмо посылает,
На смертный бой вызывает.
Старика зовет на поединок!
Сел старый, письмо читает,
Слезы текут на бумагу.
Спрашивает его дочка:
— Что ты, отец, читаешь,
Над чем так горько рыдаешь?
Скажи мне, ради бога!
— Бог упаси тебя, дочка,
Беда у меня лихая:
Письмо мне чудище пишет,
На смертный бой вызывает,
Старика зовет на поединок!
Одрых я совсем, голубка.
Куда мне с поганым биться!
— Отец мой, не беспокойся,
День придет — придет и удача.

Поезжай-ка искать защиты
К знатым людям в Ютбину. —
День пришел — придет ли удача?
Тяфанак принарядился,
Утром в Ютбину поехал,
Поклонился знатым людям,
Горе свое им поведал:
— Биться меня вызывает
На поединок на смертный
Чудище злое морское.
Одрых я, знатные люди,
Смилуйтесь, выручьте старца. —
Знатные люди ни слова,
В глаза старику не смотрят.
Дает Тяфанак им деньги,
Они не берут и денег.
Сел на коня тогда старец,
К дому быстрее поехал.
Вот он домой приезжает,
Дочка к нему с вопросом:
— Видел, отец, ты знатных?
— Видеть-то видел, дочка,
Да что мои деньги знатым?
Никто за меня не хочет
С чудищем биться поганым.
— Полно, отец, успокойся!
С чудищем я стану биться,
Я заменю тебе сына.
— Бог сохрани тебя, дочка,
Ведь через две недели
Придут за тобою сваты, —
Как тебе ехать на битву,
На смертный тот поединок?
Голову чудище срубит,
Молодую тебя загубит,

Горе и дважды бесчестье,
Позор на мои седины!
Лучше возьмусь я за саблю.
Умру — беда небольшая! —
Дочь его слушать не стала,
Взяла у отца оружие,
Оделась, пошла в цирюльню,
Девичьи косы остригла,
Как юноша причесалась.
Что старику теперь делать?
Дал ей совет на прощанье:
— Когда по долине поедешь,
Будет большая деревня,
Там дом в три жилья высотой,
Жених твой живет в том доме.
Смотри, в этот дом не ездь,
В нем ночевать не вздумай. —
Вот, скакуна заседлавши,
Девушка едет долиной,
Вдаль из-под белой ладони
Смотрит в трубу золотую.
Смотрит — и видит деревню,
Там дом в три жилья высотой.
«У жениха заночую», —
Господом богом поклявшись,
Девушка твердо решила.
К жениху в ворота стучится,
Громко она окликает,
Тот к ней выходит навстречу:
— Что к нам за парень приехал?
— Примешь ли гостя, хозяин?
— Гостю хлеб-соль и почтение! —
Ставят коня на конюшню,
В комнату гостя проводят,
Сладкий кофе готовят.

Вот, поклонившись, хозяин
Гостю пиалу подносит,
Глаз своих с гостя не сводит,
Видит сквозь нежную кожу,
Как льется кофе по горлу.
Тут изумился хозяин:
«Что же за притча такая?»
К матушке бросился парень:
— Матушка, верьте не верьте.
Диву даюсь я на гостя:
Кожа белее сметаны,
В горле видать даже кофе...
— Сын мой Али, неужели
Женщина в дом наш прокралась?
Ты испытай его, сын мой:
Пусть на свирели сыграет,
На однострунной ляхуте,
Пусть с тобой в кольца сыграет,
Ловкость мужскую покажет... —
Попили вволю, поели —
К гостю хозяин с вопросом:
— Как тебя звать прикажешь?
— Звать меня надо Омером, —
Гость отвечает с улыбкой.
— Видишь свирель? Поиграй-ка. —
Пальцами перебирая,
Гость заиграл на свирели —
Так бы и слушать весь вечер;
Он заиграл на ляхуте —
Мастер, каких и не сыщешь;
Стал подпевать потихоньку —
Поет, словно птица лесная.
Вот, на полу расстеливши
Тканый узорчатый коврик,
Стали играть они в кольца;

Три раза подряд сыграли,
Али проиграл три раза.
Снова Али удивился,
К матушке бросился снова:
— Три раза сыграли в кольца,
Три раза за ним победа;
На ляхуте и на свирели
Играет — нельзя искусней.
Вот хорошо бы Омера
Взять мне в друзья-побратимы! —
Мать поглядела на сына,
Молвила с хитрой улыбкой:
— На ночь ложитесь вы рядом.
Если твой гость не мужчина,
Сон его глаз не коснется... —
Вместе пошли они в спальню,
Вместе легли на постели.
Девушка, не шелохнувшись,
Ночь проспала до рассвета,
Парень не спал ни минуты —
Все сторожил ее зорко.
Утром Али спозаранку
К матушке снова приходит:
— Матушка, ночь до рассвета
Гость наш проспал как убитый... —
Мать ему снова сказала:
— Иди-ка, Али, ты в лавку,
Купи там свирель пастушью
Да золоченую прялку.
Прялку ту со свирелью
Брось на порог у спальни:
Если твой гость — девица,
Прялку сперва подымет. —
Парень бегом сбегал в лавку,
Купил там свирель и прялку,

У спальни к двери подбросил.
Девушка в спальне оделась,
Вышла, увидела прялку,
Ногой ее отшвырнула,
Свирель пастушью схватила —
Так и подвох не удался!
Пьют они сладкий кофе,
Мирно ведут беседу.
— Иди ко мне в побратимы, —
Али предлагает гостю.
— Должен сегодня я насмерть
С чудовищем биться поганым.
Что же за толк в побратиме,
Если он голову сложит?
Бог только знает наверно,
Кто в этой битве осилит.
Дай лишь господь мне удачи,
Гостем опять к тебе буду! —
Гость и хозяин простились,
Руки друг другу пожали:
Храпит скакун в нетерпенье,
Девушка едет на битву.
Поле большое открылось,
Тут-то и быть поединку.
Вздогнула дочь Тяфанака —
Чудище вышло на поле.
— Чума на тебя, мальчонка! —
Чудище вдруг зарычало. —
Как Тяфанаку не стыдно
В бой посылать желторотых,
Малых ребят несмышленных?..
Я разорву тебя в клочья!
— Храбрый не слышит угрозы,
Сказала дочь Тяфанака, —
Давай-ка приступим к делу!

Тут скакуны, словно птицы,
С лету ударились грудью.
— Езжай-ка вперед, мальчонка,
Я тебя тут же настигну! —
Как ветер, они скакали,
Палицы ловко метали, —
Нет, не настигнуть девицу!
Стали рубиться на саблях.
Ударила девушка смаху —
Нету у чудища сабли!
Вот, похитрей изловчившись,
Снова она размахнулась —
Чудище замертво пало!
Спрыгнула девушка наземь,
Чудищу стала на шею,
Рубит по ней что есть силы —
Не отлетитловища,
Черной горою вздулась!
— Что ж ты стоишь, непутевый! —
Коню говорит девица. —
Не под седлом тебе бегать,
Таскать на телеге уголь!
Завтра ж продам тебя, кляча,
Хомут по тебе тоскует... —
Струхнул жеребец, услыхавши
Речь про хомут да про уголь,
Покорно согнул колени,
Лег на передние ноги.
Тут, за поганые лапы
Чудище крепко схвативши,
Взвалила его девица
Коню своему на спину,
Вскочила в седло проворно.
Мчится долиной зеленой,
В дом к жениху заезжает,

В дом трехэтажный, на ужин.
Пьет с женихом она кофе,
Мирно ведет с ним беседу.
Стали играть они в кольца,
Ночь напролет проиграли.
Утром домой собралась
Храбрая дочь Тяфанака.
— Раненько, Омер, ты едешь,
Ведь мы и не побратались.
— Богом тебе поклянусь, —
Денег не взял для заклада,
Но не пройдет и недели,
Снова с тобой я увижусь,
На свадьбу к тебе приеду,
Будем тогда побратимы. —
Пришлось Али согласиться.
Подвел скакуна он гостю,
Уселась в седло девица,
Как ветер домой помчалась.
Встретил старик свою дочку,
От радости чуть не умер,
Со всей Ютбины соседей
Созвали на пир веселый.
Дней и ночей не считая,
Шумят и пируют гости,
Как вдруг на двор к Тяфанаку
Утром сто всадников скачут.
Сто всадников вскачь несутся.
Сто сватов едут к невесте,
Едут, в бубны играют,
Едут, из ружей стреляют,
Песни поют-распевают, —
Али засылает сватов...
Вот едут честные сваты,
Везут к жениху невесту.

Кипят здесь вина хмельные,
Съехались гости на свадьбу.
Жених по дому шагает,
Гостей жених озирает:
Дружок Омер не приехал!
— Смолкните, флейты и бубны, —
С горечью молвил хозяин, —
Мой друг дорогой скончался:
Омер, побратим мой, умер.
Еще не прошла неделя,
Он ночевал в моем доме,
Поклялся мне на прощанье,
Богом меня он заверил:
«Смерть лишь одна помешает
На свадьбу к тебе приехать...» —
Смолкнули флейты и бубны,
Гости притихли в смущенье.
Шепчет невеста свекрови:
— Пусть выйдет Али за двери. —
Как вышел жених за двери,
Сказала ему невеста:
— Хочешь казни, хочешь милуй, —
Я у тебя ночевала! —
Взял он за белые руки,
В горницу ввел он невесту.
— Гуляй веселее, гости,
Мой друг-побратим приехал.

.
Так старики говорили,
Сам на пиру я не был.

АГО-АГА И ЛЮЛЕ ФРАНГУ

Слава господу на небе, слава.
Не было нас, он нас в мире создал.
Жили на земле богатый турок
И каур, давно все это было.
Имя турку было ага Аго,
А каура звали Люле Франгу.
Говорит однажды турок Франгу:
— День сегодня выдался на славу,
Хочешь, мы померимся конями,
Чей доскачет конь скорей до цели?
Очень уж хорош мой конь арабский,
Равных нет ему нигде на свете
И, пожалуй, никогда не будет. —
Но ответил Люле, гог латинский:
— Белый конь мой твоего не хуже,
Равных нет ему нигде на свете,
Ни у турок нет, ни у кауров,
Разве что у Дето Башо Муйо,
В день до Влёры скачет и обратно! —
Неприятно это слышать турку.
— Знаешь что, — сказал он Люле Франгу, —
Слово ничего еще не значит,
Только сабля побеждает саблю.

Если за день ты туда доскачешь
И до ночи в Шкодер к нам вернешься,
Ни минуты лишней не потратив,
Я отдам тебе жену и сына,
Все добро свое, свой дом и лавку
И в амбаре все свои запасы. —
Кровь у Франгу в сердце закипела.
И, на стременах поднявшись гордо,
Так ответил он надменно турку:
— Поклянись, что все исполнишь точно!
Если в день до Влёры я доеду
И до ночи возвращусь по следу, —
У тебя я выиграл победу!
Если ж я не доскачу до Влёры,
Иль вернуться помешают горы,
Я отдам тебе жену и сына,
Дом богатый, все свои уголья,
Пастбища и золотые нивы,
И коня с седлом возьмешь в придачу.
Пастухом тебе служить я буду,
Выполнять все трудные работы,
Как осла меня нагрузишь кладью!
Хочешь биться об заклад со мною? —
Но ага сказал ему с усмешкой:
— Христианам я ни в чем не верю,
При свидетелях дай эту клятву! —
И они позвали с гор двух стражей,
Чтоб никто от слов не отказался,
И скрепили спор великой клятвой.
Но когда домой поехал Франгу,
Он в пути опомнился, несчастный.
Вечер с гор сошел, сокрылось солнце,
Тишина стоит в долине дальней,
Люле у огня сидит печальный,
Не играет с сыном, не смеется,

Как змея, шипит он на слуганок,
Кочергою в очаге мешает,
Горький дым наполнил все жилище.
И тогда жена его спросила:
— Что с тобою приключилось нынче?
Отчего молчишь ты, полон грусти,
Не промолвишь ни словечка сыну,
Только смотришь на огонь с тоскою?
Что-то, Люле, видно, приключилось,
Что-то нехорошее случилось,
Расскажи мне, милый, как гостилось?
Вызвали тебя на поединок,
Или умер лучший друг на свете? —
И тогда открыл ей правду Франгу:
— Нет, не умер лучший друг на свете,
Не зовут меня на поединок,
А сегодня я поспорил с турком,
Глупость я большую нынче сделал,
И не будет мне теперь покоя.
Отдал я тебя и отдал сына,
Отдал дом свой и свое богатство,
Все три лавки отдал и товары,
Белого коня с седлом в придачу,
А себя в залог ему оставил.
Быть теперь рабом у турка Франгу.
Если я в своей поездке в Влѣру
До заката не вернусь обратно.
Говорил мне Дето Башо Муйо:
«Если с кем-нибудь ты спор заводишь,
Опасайся, чтоб язык болтливый
Голову тебе не срезал в споре!»
Так и было: нынче я, как саблей,
Голову себе отрезал словом.
Своего коня дает мне Муйо,
А помогут мне теперь лишь крылья!

— Слава богу, — улыбнулась Айка, —
Ты об этом больше не печалься! —
Благородного та Айка рода,
Родственница Дето Башо Муйо.
И опять стал жаловаться Люле:
— Если я не доскачу до Влёры
И в тот день не возвращусь обратно,
Все достанется навеки турку! —
Но жена, сказала утешая:
— Если будет у тебя удача,
Конь домой прискачет до заката;
А о споре ты не беспокойся:
Утром все возьмешь себе у турка,
Дом и лавки и его товары,
А жену свою отдаст он в няньки. —
Сытно накормила Айка мужа,
Принесла ему воды в кувшине,
В золотой бокал вина налила.
Люле повезло с такой женою!
И когда прилег усталый Франгу,
Как жена помочь ему решила?
Корм коню обильно засыпает,
Не ячмень, пшеницу насыпает,
И вина в колоду подливает, —
Видно, хитрость замышляет Айка.
Но не ест, не пьет скакун арабский,
Грустно конь стоит в ночной конюшне,
Он ногой передней бьет о землю,
Катятся из глаз горохом слезы,
Жалобно он на хозяйку смотрит.
Айка шею конскую ласкает,
Тихо конь ресницами моргает —
Очень это Айку огорчает.
И не спится ей! Недаром, Айка,
Муйо ты племянница родная!

Вот взошла луна на черном небе,
Айка поднялась на крышу дома
И зовет из гор далеких зану:
— Слышишь ты меня, родная зана,
И вы, штойзорейшты и штойзвалы!
Вы царите над людской судьбою.
Если уши есть у вас, чтоб слышать,
Слушайте теперь мои призывы:
Никогда мне не было так тяжело!
Завтра вечером рабыней стану,
Подметать конюшню мне придется,
Обувь буду я снимать у турка,
В черную меня темницу бросят,
Горе мне, родне героя Муйо
И сестрице Зуку Байрактара!
Что быть может хуже этой доли?
И кому я жаловаться буду?
Матери, меня родившей в муках?
Богу, что нас сотворил на свете? —
Прилетели с дальних гор три заны,
С гор они, как птицы, прилетели,
Спрашивают: — Что случилось, Айка?
Может быть, вас славы окружили?
Может быть, ты Муйо и Халнля
Моешь окровавленные гуны? —
Начала им жаловаться Айка,
Занам все поведала, как было,
И тогда одна из зан сказала,
На плечо ей руку положивши:
— Не печалься, дорогая Айка,
Всем известно, что твой дядя Муйо —
Самый храбрый воин из храбрейших,
Что приходишься сестрою Зуку.
Ну, а гогам мы не помогаем,
Ведь у них обычаи другие,

Все они купцы и сребролюбцы,
Деньги копят и амбары строят.
— Говорила я, — сказала зана, —
Не бери из чужестранцев мужа!
В саблях гоги мало понимают,
Поединков честных избегают,
Храбрецы всех гогов осуждают,
Лучше их любой чабан последний!
Но ведь ты приходишься роднею
Дорогому Дето Башо Муйо,
Мы тебе в тяжелый час поможем.
Клятву я дала, — сказала зана, —
Что, пока не женится наш Зуку
И пока живу на белом свете,
Буду я тебе родной сестрою
И помощницей во всех несчастьях.
— Как благодарить тебя мне, зана! —
Айка со слезами отвечает. —
Но напрасно ты поносишь мужа.
Обручаемся мы — с кем прикажут,
Замуж мы выходим, как укажут,
Как отец и брат родной нам скажут.
Никогда мне не было так тяжело.
Лучше превратите Айку в камень
Иль в лесу в кукушку превратите,
Чем позорить мне навеки Муйо
Или брата, молодого Зуку.
Ведь большой беды для них не будет,
Если буду петь в лесу кукушкой,
С дерева на дерево летая.
Лучше я в лесу кукушкой стану,
Чем тебя, брат милый, опозорю! —
Зана говорит: — Пойдем в конюшню! —
И, когда они пришли в конюшню,
Лунный свет туда проник в окошко,

Озарил конюшню, будто солнце.
Что за чудо? Конь стоит и плачет,
В землю крепко бьет своим копытом,
Весь овес он омочил слезами,
Воду и вино на землю пролил;
Тихо он ресницами моргает
И на зан косит огромным глазом,
Мордой розовой о них он трется.
Жаль коня тут стало горным знам,
Треплют холку мягкую и гриву,
Шею гладят нежными руками,
Трут ему травой волшебной спину,
Бабки трогают ему колени.
И заржал в конюшне конь тревожно.
Но ему шепнула тихо зана:
— Вот поскачешь завтра ты во Влѣру.
Буду вместе я лететь с тобою,
Ты поскачешь по земле, я — в небе,
В добром здравии доставим Люле! —
И исчезли заны, как виденье.

*

Начало светать в горах далеких,
Будит Айка пред зарею мужа.
Стал в дорогу Люле собираться,
Саблю прицепил, взял пистолеты.
— Странный сон я видел этой ночью, —
Говорит он Айке, — знак хороший:
Будто заны трех коней ласкали,
Нежными словами называли
И травой волшебной натирали;
Обещали с ним лететь, как птицы,
И домой нас провожать обратно... —
Улыбнулась Айка, но смолчала.

Звякнула о стремя сабля, Люле
На коня вскочил, махнул рукою:
— Будь здорова, — пожелал он Айке.
— Путь счастливый! — Айка отвечает.
С места белый конь пошел галопом,
Мимо мчатся горы и деревья;
На дыбы встал конь перед рекою
И ее перемахнул с разбега;
У ручья был водопой привычный,
Но воды не стал пить конь в дороге.
В страхе удивляются все люди:
Это кто по городу проехал,
Кто, как буря, мимо сел промчался?
Чудище какое-то морское,
Огненный дракон, не конь, а птица,
И летит по воздуху с ним зана!
Не успеешь ты моргнуть и глазом!
Скачет Люле влёровской равниной,
И когда уж Влёру видно стало,
Встретил Люле чабана с отарой.
— Доброй пастьбы! — пастуху он крикнул.
— Путь тебе счастливый, Люле Франгу! —
Прикрывал чабан глаза рукою.
— Да ведь я совсем не Люле Франгу!
Видишь, и кунтуш на мне мадьярский
И уздечка на манер венгерских! —
Но чабан качает головою:
— Нет, тебя узнать не трудно, Франгу.
Я нигде таких, как ты, не видел.
И кунтуш твой вовсе не мадьярский,
И коней таких на свете мало —
Ты и есть тот самый Люле Франгу! —
Был доволен, рассмеялся Люле.
— Ну, а больше ничего не знаешь?
— Как не знаю, — и чабан смеется, —

Ведь еще три паша до заката.
Далеко еще до полдня солнцу! --
Сладко было это слышать Люле,
Сунул он в карман поспешно руку,
Бросил денег чабану в награду.
Ровно в полдень был он в самой Влёре.
Тут старейшин он созвал на площадь,
Рассказал им все, как было дело,
И просил отметить час прибытья.
И старейшины в знак подтвержденья
Семь перстней к бумаге приложили,
И обратно поскакал наш Люле.

*

Что же делал турок в это время?
Не дождется он захода солнца,
То и дело он на башню лезет,
Смотрит, не пылится ли дорога.
Но не видит ничего он с башни,
А осталось времени немного,
И уж руки потирает турок:
— Богом я клянусь, и в трое суток
Люле Франгу в Шкодер не вернуться! —
Прямо к Айке едет он надменно,
Как паша какой, стучит в ворота:
— Отворяй! Коня поставь в конюшню!
Быть тебе сегодня мусульманкой,
Хоть родней приходишься ты Муйо. —
Но с достоинством она сказала:
— Никому не говори: «он умер»,
Не услышав плач на погребенье.
Знай, супруг мой вскормлен грудью счастья.
Слышишь конский топот на дороге?
Мне сдается, это Франгу скачет!

Быть твоей жене женой каура! —
Но ей турок отвечает дерзко:
— Ведь твой муж не Дето Башо Муйо,
С детских лет кому ворожат заны,
Кто был с детства грудью счастья вскормлен.
Нет, твой муж всего лишь Люле Франгу. —
Хочет турок в дом уже подняться
И вдруг слышит тихий голос заны:
— Ты зачем спешишь на гибель, Аго!
Тот, кто с занами имеет дело,
Он всего достигнуть в жизни может. —
Конское тут раздается ржанье,
Люле на коне летит, смеется.
Что тогда осталось делать турку?
На колени он упал в смятенье,
Ждет он участи своей решения,
Гибели своей и разоренья.
И сказал сурово Люле турку:
— Богом я клянусь, не жди пощады!
Помнишь, договор какой скрепили?
И когда взойдет звезда пастушья,
Я возьму себе твои товары.
Съездил я до Влёры и обратно,
Разговор теперь с тобой короткий:
Изрублю, ага, тебя я саблей,
А куски заброшу я на небо! —
Выхватил он саблю тут из ножен,
Но меж ними бросилась вдруг Айка,
Молит мужа: — Заклинаю богом!
Он ведь без оружия приехал,
На коленях просит он пощады.
Лучше пастухом его ты сделай,
Только не пятнай ты наше имя!
Будет очень недоволен Муйо,

Если на дворе своем зарубишь
Человека, что просил пощады.
Бей неверных, но храни обычай! —
И, вложив обратно саблю в ножны,
Так сказал суровый Люле турку:
— Помолись за Дето Башо Муйо,
Быть тебе погонщиком ослиным! —
Слышала все зана и сказала:
— Благородная жена у Франгу:
Не дала она закон нарушить!

КАК СЕСТРА ХАСАНА АГИ СТАЛА КУКУШКОЙ

Тридцать аг сошлись однажды в поле,
Тридцать храбрецов вели беседу,
О делах степенно толковали.
Вышел в поле и удалый Муйо,
Вышел и сказал такое слово:
— Кто из вас, друзья мои, ответит,
Что там на горах вдали белеет?
Лишь вчера трава там зеленела,
А сегодня белым все покрыто. —
Тридцать аг подумали минуту,
И один из них ответил Муйо:
— Не иначе, снег в горах белеет,
Снег, должно быть, выпал прошлой ночью. —
А второй храбрец сказал другое:
— Это овцы белые пасутся,
Их чабан, должно быть, выгнал в горы. —
Тотчас в разговор вмешался третий:
— То не овцы белые, а камни,
Камни белые скатились сверху. —
Слыша это, рассердился Муйо:
— Разрази вас бог за ваши речи!
Чепуху такую стыдно слушать.
Если б снег в горах внезапно выпал,

Он растаял бы под жарким солнцем;
Если б чабаны пригнали стадо,
То оно на месте не стояло б;
Если ж это камень белоснежный,
То его бы славы утащили,
Чтобы башни из него построить.
Нет, друзья, не знаете вы правды!
То Хасан ага лежит убитый.
Храбреца на той горе высокой
Славы королевские сгубили. —
Тридцать аг молчат, глаза потупя.
Вновь их громко спрашивает Муйо:
— Кто из вас пойдет к сестре Хасана,
Кто ей весть печальную расскажет? —
Все молчат, ответил только Зуку:
— Как ни тяжело мне такое бремя,
Видно, я пойду к сестре Хасана. —
И немедля в путь пустился Зуку.
Вот уже и близок дом Хасана,
Вот и сад его и двор широкий.
Тут сестру Хасана витязь встретил,
Глянул ей в глаза и поклонился:
— Ты скажи мне, девушка, где брат твой?
— Я не знаю, где мой брат любимый.
Трое суток, как ушел он в горы,
Трое суток в дом не возвращался.
Жив ли брат — не ведаю, не знаю.
Отведи господь беду лихую! —
Ей тогда сказал на это Зуку:
— В Желтые луга иди скорее!
Там лежит Хасан, твой брат любимый,
Храбреца сгубили злые славы. —
Зарыдала тут сестра Хасана,
В комнату свою ушла поспешно,
Там взяла два глиняных кувшина,

Их вином наполнила до края.
Прихватив кувшины, вышла в поле,
В Желтые луга она стремилась,
К брату своему Хасану.
Брат лежит, раскинув тяжко руки,
Двадцать ран от пуль на нем зияет,
Но душа его еще не отлетела.
Как увидела беднягу брата,
Закричала девушка, рыдая,
А Хасан ей говорит спокойно:
— Не рыдай, не плачь, сестра родная,
Расплатился я со славami как надо,
Многих я убил и свел в могилу.
Ты подвинь, сестра, кувшин поближе,
Дай-ка я напьюсь вина хмельного. —
Взял Хасан кувшин и разом выпил,
И потом сказал, передохнувши:
— Ты возьми, сестра, свои кувшины
Да иди к ручью неподалеку —
Я хочу воды теперь напиться. —
Отвечает девушка Хасану:
— Где ручей тут, я не знаю, братец,
Заблужусь я, не найду дороги
И к тебе вернуться не сумею. —
И Хасан сказал сестре любимой:
— Кровь течет из ран моих, сестрица.
Ты подставь кувшины к этим ранам
И наполни доверху кувшины.
А к ручью пойдешь, роняй по капле
Кровь мою горячую на землю.
Ты, сестра, по тем следам кровавым
От ручья ко мне найдешь дорогу. —
Слушайте, что сделала девица!
Не взяла она у брата крови,
А разрезала себе запястье

И пошла искать ручей студень.
Что ни шаг — на землю кровь сочится,
Выстилает красную дорожку.
Как нашла сестра ручей студень,
Поднялась, завывала злая буря,
Потемнело небо, хлынул ливень,
Все живое пригибая долу.
Кровь девичью смыли и умчали
Ярые потоки дождевые.
Потеряла девушка дорогу,
Не вернуться ей теперь к Хасану —
Плачет, бедная, дрожит от страха.
Побрела она, рыдая горько;
Видит — на утесе черный ворон.
Ворона она спросить решила:
— Ради бога, ты скажи мне, ворон,
Не видал ли ты агу Хасана? —
Девушке ответил черный ворон:
— Помер твой Хасан, недавно помер,
Выклевал ему я оба глаза.
Вкусно я позавтракал сегодня! —
Горше прежнего сестра рыдает.
Побрела, ломая руки, дальше:
Видит — волк уселся на дороге.
— Ради бога, серый волк, скажи мне,
Не видал ли ты агу Хасана? —
Серый волк ей тотчас отвечает:
— Помер твой Хасан, недавно помер.
Голова досталась мне в добычу.
Вкусно я позавтракал сегодня! —
Побрела сестра, ломая руки,
Заливаясь горькими слезами.
Буря медведица навстречу.
И спросила девушка, рыдая:
— Смилуйся, медведица, скажи мне,

Не видала ль ты агу Хасана? —
Говорит медведица в ответ ей:
— Помер твой Хасан, недавно помер,
Съела я до косточки Хасана.
Славный завтрак мне сегодня выпал! —
Трое суток девушка рыдала,
Билась с горя головою оземь,
Наконец, взмолилась она к богу:
— Сделай, господи, меня кукушкой! —
Бог услышал девушку и молвил:
— Будь кукушкой, пой в лесу зеленом! —
И взлетела птица на деревья.
С той поры не молкнет ее песня.

МУСА ТАСЕДЖИ

Господу помолимся вначале.
Жил-был Таседжи на белом свете.
Поступил он к королю на службу
И двенадцать лет служил примерно.
Верою и правдою служил он,
Но ни в чем нет воину удачи,
Беден был он, как последний нищий.
Вот пришел однажды он в харчевню,
Жаловаться стал друзьям на службу:
— Уж двенадцать лет служу я верно,
А такой же я бедняк, как раньше.
Нет, наступит скоро в мире лето,
И уйду я с королевской службы,
На лугу Прилепском дом построю,
Крепость там воздвигну над горою,
Все дороги королю закрою! —
Как друзья над Таседжи смеялись!
Но Муса запомнил свое слово
И, когда настало божье лето
И покрылась вновь земля цветами,
Распрощался с королевской службой,
На лугу Прилепском дом построил,
Дом, как крепость, на горе воздвиг он,

Королю закрыл он все дороги
И послал ему тогда посланье:
«Выходи, король, со мной на битву
Или мне отдай полкоролевства!»
Получил король письмо, читает,
Плачет горькими король слезами.
С удивленьем молвит королевна:
— Сколько получаешь ты посланий,
Никогда не плакал ты над ними,
Что случилось в нашем королевстве? —
Рассказал король, что с ним случилось:
— Был Муса на королевской службе
И двенадцать лет служил мне верно,
А теперь оставил нашу службу,
На лугу Прилепском дом построил,
И не дом, а каменную крепость,
Все дороги мне закрыл навеки!
Что теперь мы станем делать, дочка?
Где возьму я воинов отважных? —
Королю сказала королевна:
— Мы найдем защитника, не бойся!
Наш защитник — королевич Марко.
Он уж девять лет сидит в темнице,
Ты верни ему скорей свободу,
Он один пойдет с Мусою биться. —
Сделал так король, как дочь велела,
По ступенькам он сошел в темницу,
Не без страха крикнул в подземелье:
— Где ты тут, мой королевич Марко?
— Здесь я, — отвечает королевич. —
Скоро девять лет, как я в темнице,
Девять лет прошло, как я не брился
Волосами весь оброс, как старец. —
А король со лъстивою улыбкой:
— Отпущу тебя я на свободу,

Если победить Мусу сумеешь. —
Богом клялся Марко-королевич:
— Или зарублю Мусу я саблей,
Или снова я вернусь в темницу! —
На базар отправился наш Марко;
На базаре опытный цирюльник
Голову ему обрил как надо.
В бане Марко хорошо помылся,
Оружейника просил пред битвой:
— Сделай саблю добрую с насечкой! —
Хорошо сработал саблю мастер,
Взял оружие в руки королевич
И работе чудной подивился:
— Делал ли ты сабли лучше этой? —
Клялся мастер, что не делал лучше,
Кроме той, что для Мусы ковал он.
— Триста ок Муса принес мне стали,
Восемь суток саблю закаляли,
И клинок насечкой украшали.
Как Муса сплеча ударил в стену,
На две пяди сабля в дом вонзилась! —
Смутно стало на сердце у Марко,
Но поехал все же он на битву.
А Муса ему навстречу едет,
Преградил ему в горах дорогу.
— Как ты смел мне преградить дорогу?! —
Закричал надменно королевич.
Но Муса уже летит навстречу,
И сошлись оба в конной схватке,
Саблями вертя над головою.
Пополам их сабли разломились,
Врукопашную они схватились,
Ровно три часа друг с другом бились.
Одолеп Муса в той схватке Марко,
Был тот при последнем издыханье,

Что же он тогда, коварный, сделал?
Он сказал Мусе, собравшись с духом:
— Если пощадишь мне жизнь, навеки
Побратимами с тобою будем! —
Внял ему Муса, себе на горе,
И за это, в благодарность, Марко
Погубил доверчивого друга,
И душа Мусы пошла на небо.
К королю явился хитрый Марко
И сказал, что нет Мусы на свете.
Наградил его король за службу.
Покарай, господь, за это Марко!
Будь тот проклят, кто погубит друга,
Вероломно клятву нарушая.

ДЕЛИ МЕХМЕТ АГА

Господу помолимся вначале,
Не было нас, он нас в мире создал.
Жил Дели Мехмет, не зная горя,
Бог ему всего отмерил щедро:
Знатный род, богатство, нрав веселый,
Ясные глаза, густые брови.
Было у него друзей без счета!
Как зайдет в кофейню на базаре —
Вскакивают на ноги в кофейне,
На почетное его сажают место,
Подают ему табак в кисетах,
Кофе в круглых чашечках подносят
И ракию подают поспешно.
Все его целуют, обнимают:
«Не побрезгуй, выпей на здоровье!»
А когда Дели земель лишился,
А когда Дели дома распродал
И один лишь мерин хромоногий
У него от всех богатств остался, —
Как зайдет в кофейню на базаре,
Все сидят, никто не встанет с места,
Не дают ему своих кисетов,
Кофе в круглых чашках не подносят

И раки не предлагают выпить.
Будто позабыли даже имя,
Не Дели зовут, а голодранцем.
Вслед ему щепу и комья глины
Обнаглевшие юнцы кидают.
Надоела парню жизнь такая,
И решил он скрыться в Королевстве,
Где-нибудь в работники наняться,
Хлеб себе насущный заработать.
Вот Дели собрался в Королевство,
Захотел немного приодеться,
Посмотрел — заплата на заплате,
Срам один, убожество, не платье!
Саблю взял — заржавела, погнулась.
Мерин еле ходит с голодухи,
Продано давно седло соседу.
Положил Дели коню на спину
Козью заваливавшуюся шкуру,
Подвязал ее гнилой веревкой.
Смастерил узду из тонких прутьев,
Ту узду на мерина накиннул,
Прыгнул на него и в путь пустился!
Едет по полю Дели тихонько,
Видит — трое путников шагают,
Все в слезах идут ему навстречу.
Слез Дели с коня и говорит им:
— Люди добрые, не надо плакать,
Обо мне печалиться не стоит,
Хоть и жил я раньше по-иному.
Побогаче было мое платье,
Поострей оружие боевое,
Пободрей скакун, седло получше!
Не был я разутым и раздетым,
На хромых конях не думал ездить,
А теперь мне горький жребий выпал! —

Трое путников тогда сказали:
— Слезы льем, Дели, не о тебе мы —
Молод ты, еще разбогатеешь.
Нам печаль иная сердце гложет:
Тезка твой, Мехмет, погиб злой смертью!
Зарубил его король проклятый,
С корнем вырвал дуб зеленолистый!
Знай, Дели, что в доме у Мехмета
Больше нет заступника-мужчины,
Нет ни брата, ни отца, ни дяди.
Некому отмстить обиду злую,
Там сестра его одна осталась.
Вот что девушка вчера сказала:
«Всякого добра у нас в достатке —
И скота, и денег, и оружия.
Все добро отдам тому герою,
Кто сумеет короля прикончить,
Отомстить за брата дорогого.
Если ж мало ему этой платы —
Замуж выйду за него охотно». —
И спросил Дели без промедленья:
— Как, друзья, найти мне дом Мехмета?
Я туда сейчас же еду! —
Путники на это отвечают:
— Дом Мехмета отыскать не трудно.
Как увидишь ты ютбинские конюшни,
Круто поверни тогда направо.
Дом там с золочеными столбами,
В нем и жил Мехмет ага покойный. —
Попрощался с путниками парень,
Едет полем, держит путь к конюшням,
У конюшен повернул направо
К дому с золочеными столбами.
Вот Дели уже на двор заехал,
Вот он в дом по лестнице поднялся,

Вот проходит комнату, другую —
Ни души в тех комнатах не видно!
К дальней горнице Дели подходит,
Слышит, кто-то в горнице рыдает.
Отворяет дверь Дели и видит —
Девушки кружком сидят рыдая.
Девушек Дели окликнул тихо,
Низко им с порога поклонился.
Слезы рукавами вытирая,
Девушки взглянули на пришельца,
Да и тут же приснули со смеха.
А сестра Мехмета спрашивает дерзко
— По какому делу ты, растреп,
Заявился в дом к нам неурочно?
Рассмешил ты девушек, растреп,
Мы ж по брату моему рыдали.
Поглядите, девушки, на парня!
Бедный он, заплата на заплате,
А глаза как солнышко сияют!
Отвечай мне, парень, что за дело
Привело тебя в мой дом печальный?
— Слышал я, — Дели ей отвечает, —
Будто бы ты, девушка, сказала:
«Кто сумеет короля прикончить,
Отомстить за брата дорогого,
Все добро отдам тому герою.
Если ж мало будет этой платы,
Замуж за него с охотой выйду!»
— Это правда, — девушка сказала, —
Я от этих слов не отрекаюсь. —
И тогда Дели промолвил смело:
— Беден я, давно всего лишился,
Нету у меня коня лихого,
Ни копья, ни сабли острой нету —
Как могу я с королем сразиться? —

Девушка на это отвечает:

— Ты ступай-ка, парень, на конюшню,
Выбирай себе коня любого.

Много острых сабель брат оставил —

Пробуй, выбирай, какая лучше! —

Вот Дели выходит на конюшню,

Всех коней осматривает зорко,

Тащит их за хвост поближе к свету.

Выбрал одного, на двор выводит,

Там примерил на него подпруги,

Подогнал седло, надел уздечку,

Полной мерой корму ему задал.

В комнату потом Дели вернулся,

Вымылся, надел цветное платье,

Шапку себе выбрал побогаче —

Девушки глядят не наглядятся,

Не растрепа перед ними — сокол!

Говорит ему сестра Мехмета:

— Спору нет, пригож, хорош ты, парень,

Только свадьбу мы с тобой отложим,

С королем сначала расквитайся. —

Ей Дели ответил горделиво:

— Никогда не ел я хлеба даром.

Я вернусь к тебе, свое исполнив,

С королевской головой приеду.

Вот тогда и свадьбу мы сыграем. —

Сел в седло Дели и быстро скачет,

Скачет-поспешает в Королевство.

В королевский сад он заезжает,

Прячется в саду среди каштанов,

Ждет, когда рассвет наступит белый.

Вот уже рассвет забрезжил белый,

Вот уж солнце в небе засияло.

Просыпается король с женою

И велит закладывать карету —

Хочет покататься, поразмяться.
Сел король в карету и поехал,
А Дели тем временем из сада
Скачет на коне своем галопом,
Догоняет короля проворно.
Закричал король, руками машет,
Хочет увернуться от погони,
Гонит лошадей своих нещадно.
Только от Дели не увернешься!
Как храбрец ударил острой саблей —
Враз король без головы остался.
Поднял голову Дели на сабле,
Привязал ее к седлу покрепче,
Повернул скорее на Ютбину.
Едет, видит — войско следом скачет:
Молодца они схватить решили!
Соколом от них Дели помчался —
Борзый конь богатыря не выдал —
Скоро был он дома, на Ютбине.
Тут и свадьбу скоро отгуляли.
Вот живет Дели, здоров и счастлив.
Как-то вздумал он получше нарядиться
И пойти в кофейню на базаре.
Как пришел в кофейню на базаре,
Там друзья опять раки подносят,
Подают ему табак в кисетах.
Тут Дели из левого кармана
Вытащил увесистую плетку,
Отхлестал друзей, как собачонку,
Выставил совсем их из кофейни.

АШИКЕ ИМЕРИ И БЕЗГАДЬЯ

Жил на свете Ашике Имэри.
Возмужал он и расправил плечи,
Взял он в руки звонкую шаркию,
Лучше всех играл он на шаркие.
Соловьи к нему всю ночь слетались,
Девушки на музыку спешили,
Лучше всех была Безгядья э Бар.
Кончил песню Ашике Имери,
Говорит ему тогда Безгядья:
— Хорошо играешь, но признайся,
Ты помолвлен, или ты женатый?
Или не нашел себе невесты?
— Не нашла мне мать еще невесты,
Не помолвлен я и не женатый. —
А Безгядья, опустив ресницы:
— Хочешь в жены взять меня на счастье?
Буду верною тебе подругой. —
Говорит ей Ашике Имери:
— Понимаешь, мать моя — как ведьма!
Не желает, чтоб искал невесту.
Уж не знаю, что тут за причина,
Может быть, ей денег жаль на свадьбу? —
Девушка ему в ответ сказала:

— Ничего, все это мы уладим.
Дома Расскажи о нашей встрече,
Быть не может, чтобы ради сына
Мать всего не сделала на свете. —
Слово дал ей Ашике Имери,
Клятвою они связались крепко,
Кольцами златыми обменялись.
Богом поклялась ему Безгадья,
Поклялся и Ашике Имери:
— Лишь тебя возьму, Безгадья, в жены
И другой на свете мне не надо,
Или будет смерть моей женою! —
Богом поклялась ему Безгадья:
— Буду лишь твоей женой, Имери! —
К матери спешит домой Имери,
Крикнул перепуганным служанкам:
— Приведите мать ко мне немедленно! —
Побежали к матери служанки,
Под руки ведут ее к Имери.
Говорит он матери с поклоном:
— Вот, нашел я для себя невесту. —
Но в ответ нахмурилась старуха:
— Расскажи мне, с кем ты обручился?
Мать тебе худого не желает. —
— Обручился я навек с Безгадьею,
Ни у турок, ни среди дев каурских
Нет нигде красавицы подобной!
— Нет, мой сын! Добра не жди отсюда,
Будто лучше не сыскал невесты?
У Безгадьи глаз один не видит,
На одну она хромает ногу,
Зельями тебя приворожила.
Я не знала, что жениться хочешь,
Есть у нас невесты и получше.
Обручу тебя с Дюльбёре Дёли,

Нет ей на земле нигде подобных! —
Что же сделала тогда старуха?
(Семьдесят ей стукнуло недавно.)
Вот что сделала для сына ведьма:
Заперла Имери в подземелье,
Дым над всей землею напустила,
Все дороги спрятала в тумане,
Села на метлу и полетела.
Вот уже в дворцовом зале ведьма,
Сам король старуху принимает,
Хочет знать причину посещения.
— Хочешь знать, зачем к тебе явилась?
Дочери твоей прошу я руку,
Сколько хочешь за нее дукатов? —
Но король остановил старуху:
— Расскажи, в чем дело, по порядку.
Для кого Дюльбере в жены просишь?
— В жены я ее прошу для сына,
Имя сыну — Ашике Имери! —
Не раздумывал король над этим,
Отдает Дюльбере он старухе.
Срок король для свадьбы назначает,
И не хочет брать король дукатов,
С радостью готовит тридцать дружек.
Вот спешит в обратный путь старуха,
Спрятала в тумане все дороги,
Села на метлу и полетела
Над горами лунными в Ютбину,
По дороге созывая дружек.
Наступает день печальной свадьбы.
Съехались на свадьбу тридцать дружек.
С песнями отправились к невесте,
Привезли ее из Королевства,
А старуха сыну ни полслова.
Прежде был в Албании обычай:

Ночь с невестой провести на ложе.
В горницу ведут Имери сваты,
Вслед за ним ведут его невесту,
Зажигают восковые свечи.
Но не раскрывает рта Имери,
Молча он берет листок бумаги
И письмо своею кровью пишет,
Снова обещает он Безгадые
Не нарушить данную ей клятву.
Все решил заранее Имери,
Он сказал Дюльбере: — Не печалься,
Осудить тебя никто не смеет,
Красота твоя цветку подобна,
Но поклялся богом я Безгадые,
В жены взять ее или погибнуть! —
Отдал он письмо невесте в руки
И сказал: — На ключ запрешь ты двери,
А когда настанет в мире утро,
Ототрешь лишь Ходже Дюде Нари!
Если же откроешь раньше двери,
Мать моя тебя сживет со свету.
Ты письмо отдай лишь Ходже в руки,
А теперь спокойно спи, сестрица,
Нам недолго дожидаться утра. —
Догорели восковые свечи.
Лег Имери спать на брачном ложе,
Золотой кинжал из ножен вынул
И вонзил его глубоко в сердце,
Бездыханным он упал на землю.
Не смыкала глаз всю ночь невеста,
В головах у мертвеца сидела,
Проливала слезы королевна,
Дожидаясь горестно рассвета,
Когда солнце засияет в мире.
Вот настало утро над Ютбиной,

Рассвело, взошло над миром солнце,
Мать проснулась и приходит к сыну.
— Эй, пора вставать! Смотри, уж утро!
Не хотел идти в опочивальню,
А сегодня их не добудиться! —
Так шутила мать и в дверь стучалась.
Вдруг из спальни голос королевны:
— Ждет тебя печальное известье,
Ночью умер мой жених прекрасный! —
Тут совсем старуха помешалась,
В дверь стучит от гнева кулаками,
Но не хочет дверь открыть Дюльбере.
— Никому не отопру я двери,
Отопру лишь Ходже Дюде Нар! —
Посылают поскорей за Ходжей.
Дверь ему невеста отпирает,
Входят все толпой в опочивальню.
Взял письмо из рук невесты Ходжа,
Стал его читать и прослезился.
Вот что написал в письме Имери:
«Клятву я пред богом дал Безгадье,
И сдержал я нынче клятву эту.
А невесту в том не осуждайте».
И еще в письме писал Имери:
«Причитаний никаких не надо,
С песнями несите гроб в могилу,
Продолжайте пировать на свадьбе,
На арабских скакунах скачите,
Громче, громче бейте в барабаны,
Перед гробом бубенцы несите,
Позади же с бубнами пляшите».
Выполнили всё, как завещал он:
С песнями Имери хоронили,
Всю дорогу били в барабаны.
И, услышав грохот барабанов,

Выбежала из дому Безгадья.

— Ради бога, мать, — зовет Безгадья, —

Посмотри, что в городе творится,

Перед гробом пляшут с бубенцами,

Позади поют, как будто свадьба.

Никогда такого не видала:

Бьют за гробом в бубны, в барабаны! —

Мать сказала ей, пожав плечами:

— Разве ты не слышала, Безгадья?

Закололся в эту ночь Имери.

Нет его уже на белом свете! —

Задрожала девушка от горя,

Матушку сквозь слезы попросила:

— Ради бога, что нас в мире создал,

Разреши на кладбище сходить мне,

Посмотреть на похороны эти. —

Разрешенье мать дала, и дочка

Нарядилась, башмачки обула,

И кинжал с собою захватила.

Кинулась на кладбище Безгадья,

А когда увидела Имери,

Что ей клятву дал любить до гроба,

Нож она себе вонзила в сердце.

Две могилы вырыли там рядом,

Чтоб лежать влюбленным вечно вместе.

Но случилось так, что и старуха,

Потеряв единственного сына,

В тот же вечер померла от горя.

И пред смертью строго завещала,

Чтоб ее меж ними положили.

Три могилы вырыли там рядом,

Три тяжелых гроба опустили,

И легла старуха между ними.

С той поры немало лет промчалось.

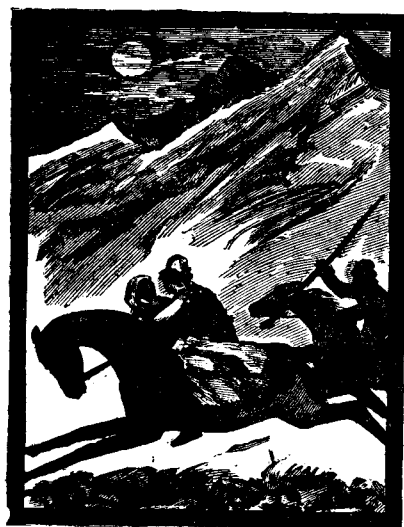
Над могилой, где лежит Имери,

Выросла и распустилась груша;
Над могилой, где лежит старуха,
Вырос куст терновника колючий.
Над могилой, где лежит Безгадья,
Яблоня стоит в цвету! И что же?
Нет плодов на яблоне и груше.
Все в цвету, а нет плодов на ветках,
Встретиться им не дают колючки!
И когда у мудреца спросили:
— Почему плодов нет на деревьях?
Все в цвету, а нет плодов на ветках,
Дал мудрец такое объяснение:
— Потому что посреди старуха,
И она влюбленных разделила.
Если гроб ее теперь не вырыть,
Не срубить терновник тот колючий,
Яблоня не прикоснется к груше,
И плодов не принесут деревья. —
Вырыли старуху из могилы,
Нежно груша к яблоне склонилась,
Зацвели весной цветы на ветках,
Осенью плоды налились соком,
Все вкушали их, кому угодно.

Эпические

песни

РОЗАФАТ

Пал туман на Буну...
Он стоял три дня и три ночи.
А прошло три дня и три ночи,
Легкий ветерок повеял...
Легкий ветерок туман рассеял,
Поднял до вершины Вальдамуса,
Там работали тогда три брата, —
Три крещеных, три православных...
Целый день работают, а ночью
Рушится построенное за день!
Вдруг святой предстает им воочью:
— Пошли вам господь бог удачу!
— Спасибо тебе, святой отче!
Только нет нам помощи божьей:
Как бы мы днем ни старались—
Сделанное рушится ночью!
Ты услышь, святой, нашу просьбу:
Если знаешь, чем помочь, — молви!
— Знать-то знаю, да жадею вас очень...

— Пожалеем себя как-нибудь сами...
— А женаты ли вы, братья, все трое?
Все ли три жены ваши с вами?
— Все женаты мы, как надо мужчинам,
Наши жены, как положено, с нами...
Погляди-ка ты лучше, как мы строим,
Как воздвигнуть эту крепость,
скажи нам!

— Не работайте, братья, в воскресенье.
Поклянитесь именем господним.
Дома обо всем промолчите,
Ничего не рассказывайте женам,
А на завтра, чуть заря забрезжит,
Как настанет новое утро,
Ту жену, что принесет сюда завтрак,
В стену крепости замуруйте,
Только так и укрепится крепость,
Не разрушится ее основание! —
Горе, горе! Не выдержал старший...
Старший клятву и обет нарушил...
Он свою печаль обнаружил,
Все своей жене поведал дома, —
Только чтоб другим не говорила...
Не хватило и у среднего силы, —
То же самое сделал средний,
Позабыл он, что дал клятву святому!
Только младший брат и последний,
Брат последний да самый лучший,
Сделал все, чему был научен:
Промолчал обо всем, что помнил,
Сдержал слово, обет исполнил:
Правильно повел себя, мудро —
Ничего не сказал супруге.
Вот встают они рано утром,
Вот идут они строить снова...

Как раскалывают они камни —
Так разбиться сердца у них готовы...
Чуть поздней зовет мать невесток:
— Дочка, старшая моя дочка!
Не пора ли нам поторопиться?
Не пришло ли уже время
Мастерам нашим подкрепиться?
Есть и пить, поди, захотели.
Ты уж тыкву с вином снеси им!
— Не могу, мать, честное слово!..
Отвечает старшая невестка. —
Я к своим сегодня обещалась,
Я к родным посулилась в гости...
— Дочка, средняя моя дочка! —
Мать к невестке второй обратилась. —
Мастерам нашим пора подкрепиться:
Положили уж камней без счета,
Есть и пить им давно охота...
— Не могу, мать, честное слово!..
— Дочка, младшая моя дочка,
Младшая милая невестка!
Есть и пить мастерам пора бы...
Мне пойти бы, да ноги слабы,
Побежала бы — к земле никну...
Отнеси ты им с вином тыкву!
— Я пошла бы, мать, я готова,
Отнесла бы, честное слово, —
Да сынок ведь маленький держит..
— Присмотрю за мальчиком, дочка.
Иди, — бабка его потешит!
Не дадим ему скучать, плакать,
Приглядим за твоим сыночком. —
Взяла тыкву с вином да хлеба
Супруга младшего сына...
Вот Казен прошла, да и вышла

К самой крепости на вершину,
Где на камень камень ложится.
Стала под каменной стеною...
Молотки стучать перестали,
Побледнели мужские лица.
Муж ее как только увидел,
Молоток тяжелый отбросил,
С бесполезной горестной речью
К стенам крепости обратился...
— Что за горе, мой муж, приключилось?
Объясни ты мне, чего ради
Разговаривать с глухим камнем,
Стены крепости молить о пощаде?
Будет ли от камня пощада?
— Нет, жена моя дорогая!
Выпала тебе горькая участь...
Нам замуровать тебя надо.
— Да пойдет тебе это на счастье!
Да пойдет и вам, зятя, на пользу...
Только завещанье вам оставлю:
Как заделывать начнете в стену,
Правый глаз мой камнем не скрывайте,
Правую мне руку сохраните,
Ногу правую не хорошите,
Правую грудь не закрывайте!
Маленький сыночек остается...
Ежели сыночек заплачет —
Погляжу одним правым глазом,
Приласкаю одной рукою,
Люльку трону правой ногою,
Покормлю одной своей грудью!
Пусть мое тело каменеет —
Крепость пребудет неприступной.
Сын мой станет витязем грозным,
Будет в ней законным владыкой!

ЮНОША-ЗМИЙ

Жил когда-то Любовите Сави,
Взял себе красавицу он в жены.
Девять лет у них не было деток,
И жена его взмолилась к богу,
Чтобы подарил господь ребенка:
— Если б мальчик у меня родился —
Я бы грудь ему давала, боже,
Пеленала б и качала в люльке! —
Девять месяцев спустя она рожает.
Бог послал не мальчика, а змию.
Грудь дала не мальчику, а змию.
Не ходил ее ребенок — только ползал
И ползком к ней на крыльцо взбирался.
Так проходит быстро год за годом,
Змий подрос и шуметь начинает —
С каждым днем кричит змееныш громче.
Надоело это Любовите,
И жене он говорит такое:
— Похожу-ка я по белу свету,
Разузнаю у людей ученых,
Что кричит наш змий, чего он хочет. —
Тут оделся Люби и обулся
И пошел бродить по белу свету.

Рассказал ему один ученый:
— Змий кричит, что хочет он жениться,
Королевну он желает в жены.
И когда возьмет он королевну,
То кричать немедля перестанет. —
Закричал, заплакал Любовите:
— Ах, несчастный я, ах, бесталанный!
Кто отдаст за змия королевну?
Как размыкать мне такое горе? —
Возвратился домой Любовите
И сказал жене: — Ты мне велела
Разузнать, чего наш змий желает —
Королевну он просватать хочет!
Кто ж отдаст за змия королевну? —
Но жена в ответ ему сказала:
— Попроси ты короля, попробуй! —
Вновь оделся Люби и обулся
В лучшую одежду и обушу.
На коне он ко дворцу подъехал,
И король его любезно принял.
Говорит королю Любовите:
— Почему же ты меня не спросишь,
С чем пришел я в королевский замок? —
Отвечает король Любовите:
— Гостя спрашивать не подобает. —
И тогда промолвил Любовите:
— Я пришел просватать твою дочку.
Но обманывать тебя не стану —
Сватаю за змия королевну. —
Посидел король и поразмыслил —
Отдает за змия королевну.
Дать — дает, а взять ее — не просто:
— Семь часов пути нас разделяют.
Золотом ты вымости дорогу,
Посади деревья вдоль дороги —

Если дочь ко мне поедет в гости,
Пусть в тени поедет, не по солнцу. —
Не сказал ему ни слова Люби,
На коня вскочил он и умчался,
Говорит жене про королевну:
— Дать — дают, а взять ее не просто.
Семь часов пути нас разделяют.
Требуют, чтоб золотом покрыл я
Весь тот путь от нас до Королевства.
Требуют еще, чтоб посадил я
Груши, яблони вдоль всей дороги:
Дочь, мол, если соберется в гости,
Пусть в тени поедет, не по солнцу. —
Только молвил это Люби — видит:
Змий к нему тихонько подползает,
Пасть свою широкую разинул,
Высыпает Люби в руки землю,
Яблоко еще дает он Люби,
Говорит: — Послушай мое слово,
К королю ступай, отец мой, снова,
Рассыпай дорогой эту землю,
А назад не оглянись ни разу.
Подойдешь к дворцовым ты воротам —
Бросишь это яблоко на землю,
А потом и оглянуться можешь. —
В долгий путь пускается наш Люби.
Он идет, разбрасывает землю,
А назад не поглядел ни разу.
Подошел к воротам Любовите,
Там он бросил яблоко на землю
И назад впервые оглянулся:
Вся дорога от дворца до дома
Вымощена золотом червонным,
По бокам ее растут деревья.
Короля позвал тут Любовите.

Подошел король к воротам замка,
Все своими увидал глазами,
Удивился, молвил Любomite:
— Что ж, отдам я дочку, Любomite.
Приезжайте через три недели! —
И обрадовался Любomite!
Он домой пришел повеселевший.
Пробежало ровно три недели,
Триста сватов собрались в дорогу.
Змий тогда из щели выползает,
Выбирает клячу он поплоче
И, вскарабкавшись на спину клячи,
Сватов он немедля догоняет,
А потом перегоняет даже.
Подъезжает ко дворцу невесты.
Приготовился король, принарядился,
И невесту пышно нарядили.
Наступило солнечное утро.
Змий хватает бедную невесту
И на круп сажает за собою
Во всю прыть коня он разгоняет.
Далеко он оставляет дружек,
И домой к себе привозит королевну.
В ту же ночь, когда сыграли свадьбу,
Спать пошла со змием королевна.
И когда опять настало утро,
Кликнула свекровь свою невестку
И спросила: — Ты скажи, невестка,
Как ложиться можешь ты со змием?
Он мне сын и я его рожала,
А никак к нему я не привыкну. —
Говорит свекрови королевна:
— Только змий с себя рубашку снимет
Под рубашкой — молодой красавец.
Ты сама бы, мама, посмотрела —

Нету краше юноши на свете. —
День уходит, ночь за ним приходит.
Змий с женою удалился в спальню.
Вслед за ними прокралась тихонько
Мать прекрасного юноши-змия.
Подошла она к постели сына,
Одеяло тихо приоткрыла
И застыла в полном изумленье:
Бог не создавал еще ни разу
Юноши прекрасней ее сына.
Мать берет змеиную рубашку
И в огонь ее бросает тут же.
Закричал тут змий, заплакал горько,
Матери своей такое молвил:
— Ты зачем сожгла мою рубашку?
Душу ты мою спалила, мама!
Девять лет меня ты ожидала,
А теперь сама меня сгубила.
Вот что я скажу вам на прощанье:
Я жену беременной бросаю.
Бог тебе подарит скоро внуков:
Первый внук для дома будет счастьем,
А второй — несчастьем для соседей.

КОНСТАНТИН И ДОРУНТИНА

Шесть и шесть — сынов двенадцать,
А тринадцатая, Дорунтина,
Лучшим юношам в округе
Радости не принесла.
Каждый рад бы на ней жениться,
Да никто не смел подступиться:
Ни один молодец не думал,
Что достоин Дорунтины.
Но один храбрец приезжий
Порешил взять ее в жены.
Ласточка стала ему свахой.
Высватали Дорунтину,
Братья ее обручали,
С храбрым ее обвенчали,
Девять ночей пировали,
В путь-дорогу снаряжали.
Мать тогда в слезах сказала:
— Для меня это несчастье!
Как я отыщу свою дочку,
Когда захочу увидеть? —
Тогда Константин ответил:
— Матушка, тебе клянусь я:
Если захочешь увидеть,

Чтобы ей радость поведать
Иль поделиться горем,
Я к Дорунтине поеду,
Привезу ее к нам в гости. —
В ту пору в нашей округе
Войны случались часто,
У матери горемычной
Один за другим погибли
Родные ее сыночки.
Когда ее первенец умер,
Вздыхнула мать и сказала:
— Сын мой, стерплю свое горе, —
Есть еще воины в доме. —
Шестеро вскоре погибли.
Каждого из любимых,
Каждого из хороших
Оплакала мать по разу.
Но когда за теми следом
Пали сыны остальные,
Жалобы мать не сдержала:
— Дети, в дни страшного горя
Нету со мной Дорунтины,
Дом наш окутан печалью. —
Когда же погиб последний,
Волосы мать разметала,
Вырвала кудри седые:
— Смерть, ты, смерть, злая недоля!
Двенадцать сынов взяла ты.
А может быть, на чужбине
И дочку мою украла,
Мою желанную дочку! —
Пошла она на могилу,
Где был Константин похоронен.
— Мой сын! — три раза сказала,
Три раза его назвала. —

О Константин, мой сыночек,
Где же твое обещанье?
Помер, лежишь ты в могиле. —
И вот, лишь настала полночь,
Встал Константин из могилы,
Конем стал надгробный камень —
Конем, словно вечер, черным —
И черным седлом заседлан.
Храбрец на седло то вспрыгнул,
Пригнулся к коню, дал шпоры,
И конь помчался как ветер...
По селам, холмам, долинам,
Через озера и реки
Герой до сестры домчался.
— Пойдем, сестра дорогая,
Мать тебя хочет увидеть!
— Если для радости хочет,
Пойду наряжусь получше;
Если же мать моя в горе,
Черное лучше надену.
— Так поезжай, в чем одета. —
К себе сестру посадил он;
Как буря, они помчались.
Помчались они, полетели
Через долины и горы,
Через холмы, через рощи,
Через озера и реки.
Словно во сне это было.
— Брат Константин, ответь мне,
Почему в земле твои кудри?
— Сестра моя Дорунтина,
Это пыль от ста сражений.
— Брат Константин, ответь мне,
Почему твои руки в глине?
— Сестра моя Дорунтина,

Нелегкой была дорога,
Пришлось по грязи мне ехать.
— Брат Константин, ответь мне,
Почему же в родимом доме
Наглухо заперты окна?
— Сестра моя Дорунтина,
Ветер сегодня студеный... —
Когда подъехали к церкви,
Сказал Константин сестрице:
— Ступай вперед, потому что
Богу хочу помолиться. —
И вновь вошел он в могилу.
Пошла Дорунтина к дому,
Радостно в дверь постучалась.
— Кто там так поздно стучится?
— Мать, отопри своей дочке...
— Смерть, не стучись в мои двери!
Всех сыновей ты украдал,
А нынче за мною явилась,
Чтоб разлучить с Дорунтиной.
— Мама, узнай же мой голос,
Это ведь я, Дорунтина!..
— Сунь тогда в щелку мизинец,
Чтобы тебя я узнала! —
Матушка разом узнала
Беленький тонкий мизинец,
Дверь отворила, спросила:
— Кто тебя вез, мое сердце?
— Я с Константином примчалась!
— Дочь, Константин уже умер,
С братьями рядом лежит он. —
Обе застыли, как скалы,
Словно в гранит обратились,
Пали в объятья друг к другу —
Так и скончались мгновенно.

ЖИЛИ-БЫЛИ НА ЗЕМЛЕ ТРИ БРАТА

Жили-были на земле три брата.
Что ты скажешь! Трусоват был младший!
Не хотели с ним водиться братья,
Очень это парня огорчало.
Но красавцем он на свет родился,
Вот тогда что сделал наш красавец:
Он купил себе коня и саблю,
Дорогую саблю, золотую;
Тысячи людей ей удивлялись,
Тысячи людей в руках держали,
На клинок с насечкою дышали!
Он коня подковами стальными
Подковал и на коня садится,
Скакуна во весь опор пускает,
Лишь огонь из-под копыт взлетает!
Страх тогда вдруг обуял красавца,
Он поспешно с лошади слезает,
Старика, что шел своей дорогой,
Спрашивает: — Эй, скажи, почтенный,
Ради бога, что нас в мире создал,
Объясни, что за огонь проклятый
Из-под ног коня летит, сверкает? —
Головой покачивает старец:

— Дурень ты, или с ума ты спятил,
Иль над бедным стариком смеешься? —
Но храбрец ему в ответ лепечет:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Очень страшно мне, почтенный, стало. —
Объяснил тогда старик с улыбкой:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Есть огню простое объяснение:
Бьет подкова на ходу о камень,
И железо искру высекает. —
Почесал в затылке бедный парень:
— Может быть, и так, но страшновато!
А не снять ли лучше мне подковы?
— Ну и дурень ты, — сказал прохожий, —
Если ты с коня подковы снимешь,
Он скользить начнет и спотыкаться.
Нет, садись и снова — в путь-дорогу,
Помолись в пути прилежно богу,
Он твой страх рассеет понемногу! —
Снова в путь пустился бедный парень,
Не без страха он глядит на искры,
Что подковы в камне выбивают.
А когда настала ночь на свете,
Он на чей-то двор забрел тихонько,
Голоса не подал он от страха,
До утра проспал там под телегой.
Жили-были в доме том два брата,
И сестра у них была красotka.
И когда настало снова утро,
Выглянул в окно один из братьев,
Видит, спит в соломе незнакомец.
Побежал будить другого брата
И трясет его: — Вставай скорее!
Разрази меня господа! В соломе
Спит какой-то человек нездешний.

А как саблю братья увидали,
Им тогда еще страшнее стало.
Долго братья ею любовались,
Головой качали, удивлялись,
На клинок дышали и шептались,
И с большой тревогою спросили:
— Разрази тебя господь, красавец!
Ты врагом пришел к нам или другом? —
Парень, сам от страха умирая,
Им ответил: — Ну, конечно, другом!
— Что ж, тогда почетным гостем будешь, —
Отвечают с облегченьем братья.
И когда он в горницу поднялся,
До того расхвастался наш парень,
Что душа ушла у братьев в пятки,
И они его спросили робко:
— Ради бога, что нас в мире создал,
В скольких битвах ты сражался, братец?
— Я на многих войнах был, сражался,
Головы врагам рубил в сраженьях,
Как взмахну, бывало, саблей в поле,
Тысяча врагов лежит и боле! —
По душе рассказ пришелся братьям,
Оба были славные ребята,
Сам король дарил их верной дружбой
И с собою брал во все походы.
И сказали братья незнакомцу:
— Ради бога, что нас в мире создал,
Если хочется тебе жениться,
Отдадим тебе сестрицу в жены. —
Отвечает им надменно парень:
— Что ж, жениться я не прочь, извольте,
Так и быть, беру девицу в жены,
Но дворец, где я живу, — далеко. —
Говорят ему с почтеньем братья:

— Ничего, мы дом тебе построим. —
Отдают ему сестрицу в жены,
Дом ему построили просторный.
И неделю в нем живет красавец.
Бог его создал таким красивым,
Что жена навек в него влюбилась.
Стала жизнь его совсем как в сказке.
Но однажды был в гостях наш парень,
Вдруг на улице раздался выстрел,
Говорит ему тогда хозяин:
— Слышишь, выстрел? Это, друг, тревога!
Собирайся на войну! Где сабля? —
Перетрусил храбрый наш вояка
И сказал: — Схожу домой за саблей. —
А своей жене во всем признался:
— Расскажу тебе я без утайки,
Нет трусливее меня на свете,
Очень страшно на войну мне ехать,
Страх меня преследует, как зайца. —
И тогда жена ему шепнула:
— Замолчи скорее, ради бога,
Если братья нас с тобой услышат,
Голову они тебе отрубят.
Но уж очень ты красив, мой милый,
Не хочу, чтоб ты погиб от сабли! —
Так они тихонько говорили,
А ему уже кричат из строя:
— Эй, не мешкай! Коня землю руют! —
Но сестра в окошко машет братьям:
— Поезжайте, дорогие братья,
Он уж вас потом в пути нагонит! —
Сели братья на коней, умчались,
А она все мужнее надела,
На арабского коня вскочила
И во весь опор его пустила,

Нагнала она в дороге братьев,
Даже их перегнала с разбегу.
Храбро на войне красotka билась,
Рядом с братьями она рубилась,
Чета вся той храбрости дивилась.
Но сказал брат брату с подозреньем:
— Не возьму я в толк никак, в чем дело?
По фигуре это как сестрица! —
И тогда другой ему ответил:
— Это дело мы с тобой проверим,
Дай-ка мне скорей мушкет мой верный! —
Вскинул он мушкет, и выстрел грянул,
Дым растаял — конь лежит убитый,
Той же пулей ранило бедняжку!
Кончили они такое дело
И отправились домой с победой,
Но сестра их хитрый план открыла,
На другом коне их обогнала
И домой вернулась, будто ветер.
Впопыхах она сказала мужу:
— Ну, похоже, что меня открыли! —
Быстро принесла она ягненка
И в мешочек для ружейной смазки
Теплой крови налила и мужу
На ногу мешочек привязала,
И на землю кровь за каплей капля —
Кап да кап! Как будто это рана!
А трусливому она велела:
— С братьями держись грознее тучи! —
Все она устроила как надо,
Никому не раскрывая тайну.
Вот с войны вернулись вскоре братья,
Вышла к ним сестра и зашептала:
— Вы уж лучше мужа не сердите,
Очень гневается он за пулю,

Головы он вам снесет, пожалуй. —
С робостью они его спросили:
— Хорошо ли заживает рана?
Очень ты прославился в сраженье. —
Им развязно парень отвечает:
— Тут мне негде было развернуться.
Разве это битва? Так, безделка!
Не война, а только перепалка! —
И со страхом удалились братья.
А потом король зовет их в гости,
Ибо он нуждался в храбрых людях.
Все втроем они к нему явились,
На столе — прохладные напитки,
Яства королевские и сласти.
Потрясали это королевство
Страшные разбойничьи набеги,
И король просил отважных братьев
От разбойников пути очистить.
Наш храбрец и тут перепугался:
— Нужно мне, король, на сборы время,
Надо мне домой пойти за саблей. —
Но король спешил покончить с делом.
— Саблю? — он сказал. — Бери любую!
Нет коня? Бери себе любого! —
Страшно стало нашему вояке,
И когда пошел он на конюшню,
Выбрал он себе коня похуже,
Чтоб на нем едва плестись на битву.
Вот он едет на ленивой кляче,
Конь хромает, головой мотает,
Хлопает ушами, как ослица,
Но едва раздался первый выстрел,
Вдруг галопом он пошел от страха.
Страшно стало нашему герою.
— Чтоб тебя, шайтан! — сказал он кляче. —

Душу хочешь вытряхнуть из тела? —
Но чем больше битва разгоралась,
Тем галоп быстрее становился.
Ужас овладел несчастным парнем,
Ведь со всех сторон в него палили!
Конь в пороховом дыму сраженья
Налетел на дерево с размаху.
За него наш парень уцепился,
Дерево в руках его осталось,
Так и врезался он в гущу боя,
Деревом огромным потрясая,
С воплями от страха и волненья.
Но тут ужас овладел врагами:
— Что за человек такой ужасный,
В бой идет он с деревом, как с палкой,
Ничего подобного на свете
Ни в каких сраженьях не бывало! —
Затряслись разбойники от страха,
В плен сдались и молят о пощаде.
Их погнали к королю в столицу,
И сказал король, усы расправив:
— Сам господь нам даровал победу!
Кто ж особо в битве отличился? —
Королю немедля доложили:
— Да, во многих битвах мы бывали,
Но такого видеть не случалось:
С деревом в руках храбрец сражался;
Точно буря, он шумел ветвями,
Всех разбойников пленил бесстрашно! —
Наградил его король звездою,
Спрашивает: — Где ты научился
С недругами биться чем попало? —
Тут совсем заврался бедный парень:
— Жаль мне саблю было пачкать в битве,
Вот тогда я это и придумал.

— Но, — спросил его король в сомненье, —
Почему ты средь коней арабских
Выбрал самую плохую клячу? —
Что ответить королю мог парень?
— Выбрал я себе коня не плохо,
Оказался он вполне пригодным,
А вот если б прежнего коня мне —
То, клянусь я богом, что нас создал,
Всех врагов загрыз бы он зубами! —
Стали гости снова пить напитки,
Пробовать все яства по порядку.
А когда храбрец домой собрался,
Говорит король на прощанье:
— Мы тебе пожалуем поместья,
Только при дворе служить ты должен.
— Что ж, — ответил парень без смущенья, —
Это все для нас весьма привычно. —
Но, домой вернувшись после пира,
Он сказал жене с тяжелым вздохом:
— Нет, здесь жить я больше не намерен,
Что ни день тут битвы и сраженья,
И палят мушкеты, как на свадьбе.
Очень уж все это беспокоит,
Хочется пожить с тобою тихо. —
Но жена сердито зашептала:
— Мы уехать можем лишь обманом.
Если братьям все известно станет,
Головы у нас с тобою снимут!
Надо что-то хитрое придумать,
Чтоб покинуть дом и не вернуться. —
Обратился к братьям наш вояка:
— Сон плохой я этой ночью видел,
Будто бы попали в плен родные.
Надо мне теперь своих проведать.
Обо мне, прошу, не беспокойтесь,

Скоро я вернусь сюда с дарами. —
Сели на коней они с женою
И поехали тихонько в горы,
И на родине своим двум братьям
Рассказал вояка все как было:
— Вот женился я и очень счастлив,
Но назад я больше не поеду.
Что ни день там битвы и сраженья,
А характер мой ведь вам известен:
Я люблю, чтоб в мире было тихо. —
Так назад он больше не вернулся.

АГА ЮМЕРИ

Молодой Юмер Ага женился,
Да одну лишь ночь провел с женою:
Принесли приказ ему наутро —
Ко двору идти служить в солдатах,
В королевской армии проклятой,
Без хозяина коня оставить,
Мать без сына и жену без мужа.
Он с отцом, с друзьями попрощался,
Прощался с матерью родною,
Стал прощаться с молодой женою.
— Будешь ждать меня? — жену спросил он. —
Дашь ли слово, что дождешься мужа?
— Что ж, иди, — она ему сказала, —
Девять дней я дожидаться буду.
— Чтоб язык отсох твой! Иль не знаешь,
Что не девять дней меня не будет —
На девять я лет уйду из дома!
— Что ж, коль надо, девять лет прожду я, —
Так жена ответила Юмеру.
И Ага пустился в путь далекий,
Поскакал, загнал коня гнедого,
К королю в Испанию приехал.
При дворе жилось ему не худо,

Хорошо он ел, и пил он вволю,
И играл на чифтели так славно,
Что ходила слушать королевна.
Девять лет он на чужбине прожил,
И заныло, стосковалось сердце.
Стал Ага понурым, молчаливым,
Ничего не ест, не пьет он больше
И на чифтели играть не хочет.
На него дивится королевна:
— Что с тобой, Юмер Ага, случилось?
— Королевна, сон плохой я видел.
Видел я, что дом мой обвалился,
Что отец лежит в земле зарытый,
Что старуха мать моя ослепла,
А жена собралась снова замуж.
Ты замолви за меня словечко,
Про меня ты королю поведай,
Пусть хоть раз домой меня отпустит. —
Отвечала тихо королевна:
— Я б сама, Ага, тебя пустила,
Если б дал мне золото в залог ты,
Если б девять мне принес дукатов.
— Где ж возьму я их? — Ага воскликнул. —
Мне за службу столько не платили!
Но поверь мне на слово, не бойся,
Дам тебе я, королевна, клятву,
Что вернусь, когда велишь, обратно.
— Ну, иди, бери коня гнедого.
На три дня тебя я отпускаю. —
Тут друзья Юмера стали плакать —
Жалко с верным другом расставаться.
— Почему, друзья, вы слезы льете? —
Говорит Юмер Ага спокойно.
Я вернусь, ведь я поклялся богом.
Я хочу лишь дом родной увидеть,

Мать с отцом хочу застать живыми
И обнять супругу молодую. —
Оседлал Ага коня гнедого,
Полетел по мостовой галопом.
Через сутки до Ульти домчался.
Вот, усталый, у ручья присел он;
Смотрит, рядом женщина горюет.
С добрым словом к ней Ага подходит,
Отвечает и она с приветом:
— Здравствуй, молодец, откуда едешь?
— Я приехал из земли испанской.
— А не знал ли ты Агу Юмера? —
Помолчал Ага и так ответил:
— Три недели как Агу убили,
Под большою липой схоронили,
Сам Агу я положил в могилу,
Сам обмыл вот этими руками. —
Женщина тут зарыдала в голос,
Плача, прочь пошла, согнувшись,
Но Ага догнал ее поспешно:
— Ради бога, матушка, скажи мне,
Что это чернеет там, в долине,
Что за выстрелы там раздаются?
Уж не свадебный ли это поезд?
— Да, солдат. Ясман Дака, собака,
С дружками и сватами там едет.
— Матушка, а с кем его венчают?
— Да с женой того Аги Юмера,
О котором слезы проливаю.
— Ты скажи, как мне скорей догнать их?
— Вон за грушей старая дорога. —
На коня вскочил Ага тотчас же,
Поскакал Ага, догнал он сватов,
Доброго им пожелал здоровья.
— Здравствуй, воин, — отвечают сваты, —

Ты откуда, воин, к нам приехал?
— Я приехал из земли испанской.
— Может, знал ты там Агу Юмера?
— Три недели как Агу убили,
Под большою липой схоронили.
Он просил меня сюда приехать,
Три словечка передать супруге.
— Что ж, скажи хоть три, скажи хоть тридцать,
Сколько хочешь, столько говори с ней. —
Стал Ага расспрашивать невесту:
— Не была ли замужем ты прежде?
— Да, была, — ответила невеста, —
Да одну лишь ночь я знала мужа.
К королю уехал он в солдаты.
— Что ж ты траур по Аге не носишь?
Ведь писал тебе он много писем,
Разве писем тех ты не читала?
— Девять лет я письма получала,
Девять лет ждала я верно мужа,
Но сказали мне: Агу убили,
Под большою липой схоронили.
Дом его погнил и обвалился,
И отец лежит в земле зарытый,
Мать его давным-давно ослепла,
Вот и я собралась за другого. —
Тут Ага воскликнул: — Ради бога!
Ты подумай и скажи, невеста,
Ты бы мужа своего узнала,
Если бы внезапно повстречала?
— Говоришь ты мне чудные речи,
Мне узнать его при встрече трудно.
Был он ночь, а девять лет одна я,
Только все же я Агу узнаю.
Мать его мне часто говорила,
Что мой муж отметину имеет:

Конь в плечо ему впился зубами. —
Засучил Ага рукав рубахи,
Показал плечо с багровым шрамом.
Тут жена с повозки соскочила,
Обняла она Агу Юмера.
— Дружки, сваты, скатертью дорожка!
Мне господь вернул с чужбины мужа.
За своим добром пришел хозяин.
Будь здоров, Ясман Дака, не сетуй!
Если мне судьба подарит сына,
Первым кумом у меня ты будешь,
Если дочку, ты ей станешь другом. —
А король Агу Юмера ищет.
Дочь свою к себе он призывает грозно:
— Кто посмел пустить Агу на волю? —
Королева тихо отвечает:
— Это я, отец, его пустила.
Божьим он мне именем поклялся,
Что вернется через трое суток. —
Палача зовет король испанский,
Дочь казнить приказывает тотчас.
Всходит королева на ступени
И с помоста смотрит на дорогу.
Видит — на дороге пыль клубится.
Тут она взмолилась со слезами:
— Дай, отец, мне час пожить на свете!
Через час Ага сюда прискачет. —
Вышли люди, смотрят на дорогу —
Видят, на дороге пыль клубится:
Молодой Юмер галопом скачет.
Прискакал, подходит к королевне.
Королева глубоко вздохнула.
— Здравствуй, честный молодец, — сказала, —
Хорошо, что ты успел приехать,
А не то король меня казнил бы.

— Слушай, стража, слушайте, все люди!
Отпустите вы Агу на волю
С девятью товарищами вместе!
Честным оказался он и верным,
Пусть таким навеки остается!

АЛИ БОРДЖАЛИЯ

«Влез я как-то в долги по горло,
Говорил Али Борджалия,
Продал землю и кукурузу,
Продал кур с цыплятами вместе,
Продал уток с утятами вместе,
Продал коз с козлятами вместе,
Кобылиц с жеребятами продал
И гусынь с гусаками продал —
А с долгами не расплатился!
Продал ярок с ягнятами вместе
И коров с телятами продал —
Все равно не хватает денег!
Я быков с упряжкой продал,
И собак я с плетками продал,
И коней вместе с седлами продал —
Все никак не покрою долга.
На базар жену тогда вывел,
Вижу — парень идет навстречу:
— Сколько за белолицую просишь?
— Прошу много, отдам задаром,
Отдам за триста дукатов. —
Соглашается парень немедля.
Говорит он жене моей: — Ну-ка,

На коня гнедого взбирайся,
Поскорее уедем отсюда.
Всем женатым голову вскружим
И с ума сведем неженатых. —
И пошли ночевать они вместе.
Но, едва подошли к постели,
Между ними садится голубь,
Не дает им коснуться друг друга.
— Голубож, ты зачем нам мешаешь?
— Гром гремит, и молния блещет, —
Это ты, голубок, устроил?
— Если бог вас не убивает,
В этом он совсем не виновен:
Брат не смеет ложиться с сестрою.
— Ты скажи мне, невеста, по правде,
Ты открой, кто из вашего рода
Был в плену иль пропал без вести?
— Мать с отцом, когда умирали,
Мне оставили малого братца,
Он подрос и ушел в солдаты.
Его звали Хюсен Незири.
С той поры я его не видала. —
Просветил их бог. Они вскочили
И друг дружке бросились на шею —
Обняли друг друга брат с сестрою.
— Ведь я оказался твоим братом!
Ты моей сестрою оказалась!
Я скажу теперь такое слово
Другу новому — твоему мужу:
— Заплатил тебе триста дукатов,
Но жена — мне сестрой оказалась.
Забирай-ка ты ее обратно —
Деньги мы с сестрой тебе дарим».

РУМИЕ, ВЫСОКИЕ ГОРЫ

Высоки вы, Румие-горы, —
Еще выше поднимайтесь!
Я взобрался на вершину,
И Стамбул открылся взору;
Я в Стамбульщине увидел
Поле чистое, большое;
А на том широком поле
Дом стоял, высокий, белый.
В доме праздновали свадьбу,
Али Бегу там женился.
Всех к себе позвал он в гости,
Не позвал Зетира Бегу;
Зетир Бегу сам явился.
Прислонясь спиной к подушке,
Бегу взял бутылъ ракии.
Туркам-недругам на зависть
Сто дружков привел с собою —
Холостых ребят нарядных,
Разодевшихся для свадьбы.
Он друзей пешком отправил,
На коне вперед поехал.
Подлетел он прямо к дому:
— Матушка, давай невесту! —

Но старуха отвечала:
— Для тебя здесь нет невесты! —
И тогда они без спроса,
Дверь взломав, ворвались в сени,
Девушку забрали силой,
В горы дальние умчались,
На горе крутой собрались.
Легкий ветерок повеял,
Приподнял фату невесте
И открыл лицо их взору.
И услышала невеста
Разговор про Али Бегу:
— Хорошо б его зарезать,
А невесту взять с собою! —
Девушка, услышав это,
Думала, как быть ей дальше?
Но свершилось злодеянье, —
Али Бегу погубили,
Семь зарядов, пуля в пулю,
Жениху вонзились в тело.
Девушка с коня слезает,
С пояса платок снимает,
Перевязывает раны,
С Али Бегу скачет к дому.
Вышла мать его навстречу:
— Будьте счастливы, родные!
Долго, долго я ждала вас!
Али Бегу, мой сыночек,
Наконец с невестой прибыл!
Только что ж ты сильно бледен?
Не дорога ль утомила?
Не ракия ль опьянила?
Может, сном смежило очи?
— Нет, не сплю, не сплю я, мама!
Не дорога утомила,

Не ракия опьянила, —
Впились в тело злые пули,
Тесно семь прошли навывлет.
Мама, я устал смертельно,
Уложи меня на ложе
И укрой меня получше.
Дай под голову подушку. —
И пошел к себе в покои.
— Спи спокойно, — мать сказала.
Поутру она в тревоге
Окликает Али Бегу:
— Али Бегу, мой сыночек,
Встань, сияет жаркий полдень,
Солнца луч струится в окна,
Над тобой друзья смеются. —
Зря друзья над ним смеялись:
Ночью умер Али Бегу.
— Что ж ты сделала, невеста!
— Матушка, я не виновна!
Честь свою я защищала;
Как пришла, уйду невестой.
Нету мне на свете счастья!

ВЫРАСТИЛА МАТЬ ДВУХ СИРОТ

Господу помолимся вначале.
Жили-были братья-сироты.
Мать с трудом великим их взрастила,
Подаяньем, корками вскормила,
Шерсть с кустов колючих собирала,
Этой шерстью братьев одевала.
А когда им двадцать лет минуло,
Мать свою они похоронили.
Стали жить тогда вдвоем два брата,
И никто не знал про них худого.
С самого утра они трудились,
Два хороших выстроили дома.
И решили братья не жениться,
Клятву в том они друг другу дали.
Двух коней, двух соколов купили,
Оба одинаково оделись;
За плечом у каждого двустволка —
Их господь охотниками сделал.
Никогда не разлучались братья,
Все вдвоем они одолевали.
По лесам и по горам бродили,
За день добывали столько дичи,
Что другие с завистью дивились.

Как-то раз они с пашой Боснийским
Встретились в горах на тропке узкой.
Злобу затаил паша на братьев,
Нехорошее задумал дело.
Вскоре от него письмо приходит,
Пишет брату он, Аге Хасану,
Чтоб Ага один к нему явился.
И пришлось идти Аге Хасану,
С братом врозь впервые оказаться.
— Парень, не желаешь ли жениться? —
Говорит ему паша Боснийский, —
Дочь свою тебе отдать хочу я.
— Ой, паша, премного в этом чести,
Только мне без этой чести лучше.
Не хочу я с братом разлучаться.
Мать трудом великим нас вырастила;
Друг без друга жизни мы не знали,
Вместе ели мы и вместе спали. —
Говорит тогда паша Боснийский:
— Ты, Ага Хасан, не смей перечить!
Не тебе я отыскал невесту —
Дочери своей я выбрал мужа. —
И пришлось Аге Хасану плохо.
— Что ж, — сказал он, — не могу перечить,
Коль меня женить насильно хочешь,
Коли хочешь оторвать от брата,
Так давай, паша, сыграем свадьбу.
— Хорошо. Приедешь в воскресенье
С друзьями и сватами своими. —
Вот созвал Ага в Ютбине сватов,
Самых храбрых молодцов и сильных.
В путь они пустились через горы;
По холмам и по долинам едут,
Отдыхают и играют в игры,
Горячат коней своих отважно,

В цель стреляют из своих винтовок,
Состязаются с пашой Боснийским.
А невеста не глядит на игры,
Добрых сватов она подзывает,
Господом их молит, заклиняет,
Чтобы жениха ей показали.
— Пусть язык твой отсохнет, невеста, —
Сваты отвечают ей с испугом, —
Ты должна молчать до самой свадьбы.
Вот твой суженый, гляди скорее —
Белый конь под ним, он сам в зеленом,
Золотое у него оружие.
— Ну, а где же мой свояк, скажите?
— Вон, на рыжей лошади он едет,
В ярко-красные одет одежды,
На оружие у него дукаты,
Как часы блестят глаза большие.
— Вот беда, — промолвила невеста, —
Нехорош мне суженый достался,
Лучше бы за свояка я вышла. —
Злые мысли ей на ум приходят,
Поселить раздор меж братьев хочет.
— Чтоб язык твой отнялся, невеста, —
Отвечают дружки ей и сваты. —
Твой жених намного лучше брата,
Все Агу Хасана больше любят,
Все Аге Хасану больше верят.
— Может, так, да брат его красивей. —
Вот что им ответила невеста.
Едет поезд свадебный обратно.
Едут сваты, в дом везут невесту,
Распевают песни боевые,
В цель стреляют и играют в игры.
И в горах они заночевали.
Пьют, едят. А кто с невестой рядом?

Брат Аги прислуживает деде,
Брат Аги все время с нею рядом.
Рано утром в путь они пустились.
Нет меж братьев прежнего согласия.
Свадьбу весело они сыграли.
Ночь пришла, пора уж спать ложиться,
И Ага к жене своей приходит.
Но жена неласково встречает:
— Ты куда, Ага Хасан, ложишься?
Двум мужьям женою я не буду:
Уж две ночи спал твой брат со мною. —
Вмиг вскочил Ага Хасан с постели,
Он схватил белье свое в охапку
И пошел туда, где спали гости:
Брату поглядеть в глаза он хочет.
Брат не спит, играет на ляхуте
И поет, не ведая печали.
Весь в слезах к нему Ага подходит:
— Слава богу, что нас в мире создал!
Знаешь ты лишь песни да веселье,
А тоски и горя не изведаль.
Что ж, пришла твоя пора поплакать!
И ответил брат Аге Хасану:
— Вижу, что поверил ты худому,
Что жена твоя сказала что-то,
И теперь убить меня решил ты. —
Опустились руки у Хасана —
Жалко убивать родного брата.
Вместе к очагу они подсели,
Повели печальную беседу:
— Нас с тобой жена рассорить хочет...
— Знаешь, брат, давай-ка встанем рано
И поедем завтра на охоту. —
Как сказали, так и совершилось.
Снова вместе ускакали в горы,

Целый день в горах они бродили,
Но судьба им, видно, изменила —
Ничего не подстрелили за день.
Сели отдохнуть они под буком,
И Хасан взмолился: — Ради бога,
Брат, ответь, из нас с тобой кто лучше?
Беспокойно у меня на сердце,
С самой свадьбы нету мне покоя.
— Слава господу, что нас с тобою создал!
Ты, Ага, меня намного лучше,
Все тебя в селенье больше любят,
И тебе все люди больше верят.
Только я немного покрасивей. —
Укололо брата это слово.
Вот они поставили мишени.
Стал стрелять Ага Хасан сначала,
Да никак он в цель попасть не может;
Брат стреляет — сразу попадает.
Тут Ага Хасан сверкнул глазами,
Просит брата снова цель поставить.
Побежал вперед с мишенью младший,
А Ага Хасан винтовку вскинул,
Выстрелил и в сердце ранил брата.
Бросил он его в горах высоких
Вместе с соколом, с конем, с собакой,
Сам же начал с гор домой спускаться.
Видит — волк идет ему навстречу.
Пес Аги набросился на волка,
Только зверь впился в него зубами,
Укусил и скрылся в темной чаще.
Кинулась к Аге его собака,
Проклиная Агу Хасана стала:
— Пусть твои, Хасан, отсохнут руки!
Никогда твой младший брат не дал бы
Зверю укусить свою собаку. —

Дальше вниз идет Ага угрюмый,
На сердце тоска лежит, как камень.
Вот лисица пробежала рядом.
Сокол быстрый кинулся к лисице,
Но медведица из леса вышла
И из клюва вырвала добычу.
Закричал Аге Хасану сокол:
— Чтобы руки у тебя отсохли!
Если б твоему служил я брату,
Никогда б такого не случилось! —
Ночь пришла. Присел Ага под липой,
Хочет отдохнуть и сном забыться.
Но кричит над самым ухом ворон:
— С перебитым я крылом летаю,
У тебя же руки-ноги целы,
Только ты, Ага, взлететь не можешь.
Нет тебе, Ага, пути-дороги,
Некуда уйти тебе от брата. —
И заныло у Хасана сердце.
Снова он взобрался на вершину,
Побежал, сорвал с себя рубашку
Брату рану обвязать он хочет.
Брат глаза открыл на миг единый
И сказал Аге: — Не рви рубаху,
Ведь жена за то браниться будет.
Об одном тебя прошу я, брат мой, —
Раз уж вместе не ходить нам в горы,
Дай жене своей мое оружие,
Дай жене своей мои одежды,
Дай коня и дай мою собаку;
Вы ходите с нею на охоту,
Ведь она тебя сильнее любит,
Ты один ей всех людей дороже. —
И глаза его опять закрылись.
Тяжко тут Аге Хасану стало.

Шестиствольный револьвер он вынул
И у трупа брата застрелился.
Так средь буков на горах пустынных
Братья мертвые лежать остались,
Ни один с охоты не вернулся.
А жена четыре дня прождала,
И на пятый вышла с причитаньем;
Плачет, заливаясь слезами:
— Не была я счастливой невестой,
А была я в доме злою заной!

ДЕВУШКУ ОДНУ МНЕ ВСЕ ХВАЛИЛИ...

Девушку одну мне все хвалили.
Далеко она жила, за морем.
Все хвалили; ну, а я не верил,
Сам пока красотку не увидел.
Лучше оказалась, чем сказали,
Девушка, хоть ростом невеличка.
— Мать, — сказал я, — как ее добиться?
— Научу, мой сын, — мне мать сказала, —
На корабль возьми ты сто матросов
И три пары гулких барабанов,
Нагрузи большой корабль товаром,
Дорогой парчою и шелками,
Парус подними и выйди в море!
И когда придешь ты в город этот,
Будут горожанки из окошек
На корабль глазеть и удивляться.
Первал, что ты в окне увидишь,
Будет в темном и нарядном платье,
Но не думай, что она — невеста, —
Это мать ее глядит с тревогой.
А вторая, что в окне увидишь,
Та появится в зеленом платье, —
То ее сестра родная будет;

Третья в золотом расшитом платье! —
Так и знай — она твоя невеста
И тебя за морем ожидает.
Позови на свой корабль невесту,
Разложи пред нею все товары:
— Выбирай, красавица, наряды, —
Но красавица надменно скажет:
— Я в твоих нарядах не нуждаюсь,
Ведь у брата в лавке горы шелка!
— Выбирай тогда парчу на платье! —
А невеста скажет горделиво:
— Мне твоей парчи совсем не надо,
Мой отец и сам — купец богатый! —
Но она задумается все же,
Не заметит, как корабль отчалит,
Паруса поднимет, выйдет в море...
Удаляется он паш за пашем,
Выбирает девушка наряды,
Слез полны глаза ее большие,
Счастья полно сердце морехода.

ДО НЕБЕС ТО ДЕРЕВО БОЛЬШОЕ...

До небес то дерево большое,
Тень его приятную прохладу
Девяти дает отарам в полдень.
А пасет овец моряк под дубом,
Золотым жезлом их подгоняет.
Как-то раз пастух неосторожный
В глаз овце жезлом попал случайно,
И скатилась тут слеза овечья
И упала в голубое море,
И замерзло море, будто мрамор,
И Дунай стал мраморной рекою.
Загрустил тогда моряк отважный.
Все, о чем просил он, мать достала,
Птичье молоко просил однажды, —
Мать ему и это раздобыла;
Девушку просил он, чтоб жениться, —
Мать и девушку ему сыскала.
Эту девушку ему хвалили,
А жила она далеко, за морями.
Волосы ее волнам подобны,
А глаза как ягодки черешни,
Рот у этой девушки как сахар,
Шея так и просит ожерелья.

Груди словно пара апельсинов,
Для колец и для браслетов руки,
И для туфель атласных ноги.
— Научи, мать, как ее добиться!
— Научу, сын, как ее добиться!
Ты корабль свой нагрузи шелками,
И возьми с собой три барабана,
И плыви в ту сторону по морю.
А когда в тот город приплывешь ты,
Прикажи бить громко в барабаны.
Выглянут все женщины в окошко.
Первая, что на тебя посмотрит,
Это твоя будущая теща,
А вторая, что в окно посмотрит,
Та тебе свояченицей будет,
Третья, что покажется в окошке,
Та и есть прекрасная невеста!
— Выбирай шелка себе на платье! —
Девушка торгуется, хлопочет,
А корабль уходит тихо в море.
У нее глаза полны слезами,
А у парня сердце — ликованием.

ВОТ ПРИШЕЛ КОРАБЛЬ В КОРОНУ...

Вот пришел корабль в Корону,
Шелк привез для горожанок.
Но боялись горожанки
По тропе спуститься к морю.
И спустилась только Рина,
В порт пришла купить товары.
— Здравствуйте! — она сказала
Корабелыщикам веселым.
И матросы горожанке
Отвечали дружным хором:
— Здравствуй, Рина! Мы наряды
Привезли тебе в Корону!
— Есть ли шелк у вас? — Найдется!
Надо лишь спуститься в трюмы. —
В черный трюм спустилась Рина,
Выбирала шелк беспечно
Для сестры своей, невесты,
И служанке отдавала.
А лукавые пираты
Подняли на мачте парус,
И корабль их вышел в море.
И когда в смятение Рина
Спохватилась, было поздно,

Был корабль далеко в море.
— Смилуйтесь, остановитесь, —
Им в слезах сказала Рина, —
Чтобы я могла о сыне
Попросить свою сестрицу,
Чтобы сына пеленала
И качала в колыбели! —
Где же мать, сыночек милый?
В Турцию ее увозят,
И на грудь, что сына прежде
Молоком своим кормила,
Смотрит дерзко чужестранец.
Щеки матери как розы,
Как цветы в высокой церкви!
Красота ее подобна
Зеркалу — не наглядеться!
— Сын мой, ты комочек снега,
Что в руках горячих тает!
Дайте же взглянуть, пираты,
Мне на дом, где сын остался! —
Тронуло такое горе
Корабельщиков жестоких.
Но, едва наверх поднявшись,
Вдруг глаза закрыла Рина,
Бросилась с помоста в море.
И взволнованное море
Выбросило труп на берег
Недалеко от Короны.
Горожанки к ней спустились,
Жены бедняков из хижин,
Из дворцов богатых жены,
Руки мертвой целовали,
Плакали над ней как сестры.
Храм над ней соорудили.

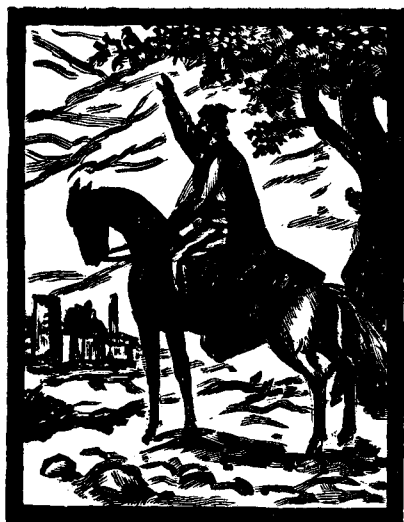
ДЁН ПРЕТИКА

На горе поет пастушка,
Думает, никто не слышит!
А все воины в походе
Слышат, как поет пастушка.
Кто ловчее всех на свете,
Чтоб в горах поймать певунью?
Дён Претика всех храбрее,
Вот кто настоящий воин!
Он поймал в горах певунью,
За косу ее волочит.
Но она Претику молит:
— Ах ты, этакий разбойник,
Не хватай меня за косы,
Я совсем не одинока,
Есть и у меня защитник,
Мне мой юный брат защита!
— Ну, проклятая девчонка,
Где же этот храбрый братец?
— Ты не тронь меня, разбойник,
Брат мой — знаменитый воин!
— Как же будет имя брату?
— Имя брату — Дён Претика,
И особая примета

Есть у брата всем на диво:
На одной руке шесть пальцев,
На одной ноге шесть пальцев.
— Значит, ты сестра — Фасила?
Я твой братец — Дён Претика —
Обняла Фасила брата,
Обнял он свою сестрицу,
Плакали они от счастья
И на том высоком месте,
Где от радости он умер,
Выросла айва большая,
Зацвела она весною.
Там, где умерла пастушка.
Там гранатовые ветви
Распускаются весною.

Месни
о
Скандербеге

ОСАДА КРУИ

Окружен Муран врагами в Круе.
Шлет гонца на Коссово Поле.
— Скандербег, мой друг! Под Круей турки!
Днем и ночью бьемся мы на стенах. —
Как дошло до слуха Скандербега,
Что стоит султан под белой Круей,
Обнажил свою кривую саблю,
Воинов созвал он барабаном
И, как молния, ударил в Крую.
Там соединился он с Мураном,
Горы все прошел, все перевалы,
Перешел все горные речонки,
Что по белым камушкам струятся,
На равнине встретился с султаном.
Страшное гремело там сраженье,
Многих турок наши порубили,
Разгромили таборы султана.

Тем же, кто остался жив в сраженье,
Дал султан Мурат приказ позорный,
Чтоб в Стамбул скорее возвращались.

Никогда враги не будут в Круе,
Никогда и до скончанья века,

СКАНДЕРБЕГ И БАЛАБАН-ПАША

На горе у быстрой речки
Скандербег шатры раскинул.
Скачет тут гонец от турок —
Вестника шлют басурманы.
— Ты скажи-ка, царь албанский,
Отвечай-ка ты султану,
Где мы бой начнем кровавый?
— Ступай, передай султану,
Пусть-ка он сюда приходит, —
Пусть идет, если посмеет! —
Поскакал гонец к султану,
Передал ответ албанца.
Подскочил Мехмет с подушек,
Почернел совсем от гнева,
Бить велел он в барабаны
И призвал пашей да беев.
— О паши мои да беи,
Кто из вас не знает страха?
Кто добудет Скандербега?
Привезет живым иль мертвым? —
Все молчат, глаза потупив,
Лишь предатель из албанцев,
Балабан-паша, поднялся:

— А какую дашь награду?
— Дам телегу я дукатов
И Албанию в придачу.
— Завтра я живым иль мертвым
Раздобуду Скандербег! —
Тут запели звонко трубы,
Тут забили барабаны,
Через час в поход собрался
Балабан-паша изменник.
По дороге каменистой
Скандербег едет навстречу.
Говорит он Балабану:
— Тут один из нас погибнет! —
В тот миг Скандербег внезапно
Уронил из рук поводья:
Ранил витязя предатель,
Коня и руку поранил.
Спрыгнул с седла царь албанский,
Окружили его турки,
Зычно они завопили,
Наперед хвалясь победой.
Взглянул Скандербег отважный,
Взглянул на небо и молвил:
— Господь, помоги мне в битве,
Как ты помогал мне прежде! —
Обнаживши меч мгновенно,
Стал спиной албанец к дубу;
Ни один собака-турок
Не посмел принять удара.
Вдруг, своим глазам не веря,
Скандербег вдали увидел:
К нему спешает войско —
Витязей там двадцать сотен,
Всё бесстрашные албанцы,
Всё орлы с родных утесов.

Дукадин ведет их грозный,
Дукадин и с ним Ливетта.
Бросились они на турок,
Яростно круша поганных,
Путь врагами устилая.
Скандербег с улыбкой молвил:
— Дукадин неустрашимый,
Следуй-ка теперь за мною, —
С Балабаном стану биться,
Чтоб увидел пес-изменник,
Как мечом владеть умею,
Как держать умею знамя.
И, перекрестившись, в битву
Ринулся, горяч как пламя,
Трупами врагов поганных,
Срубленными головами
Сплошь поляны засевая.
Одному лишь дал пощаду —
Нечестивому Балабану:
Отрубил Балабану ухо
И пустил его, как собаку.
Вот стоит, от страха бледен,
Балабан перед султаном.
— Отвечай мне, о презренный,
Кто отрезал тебе ухо?
Почему живым иль мертвым
Не привез ты Скандербега?
— О великий повелитель,
Ты позволь мне молвить слово:
То не Скандербег воюет,
То разит десница божья!
— Подойди ко мне поближе.
О предатель вероломный,
Дай глазам моим взглядеться
В подлую твою обрину! —

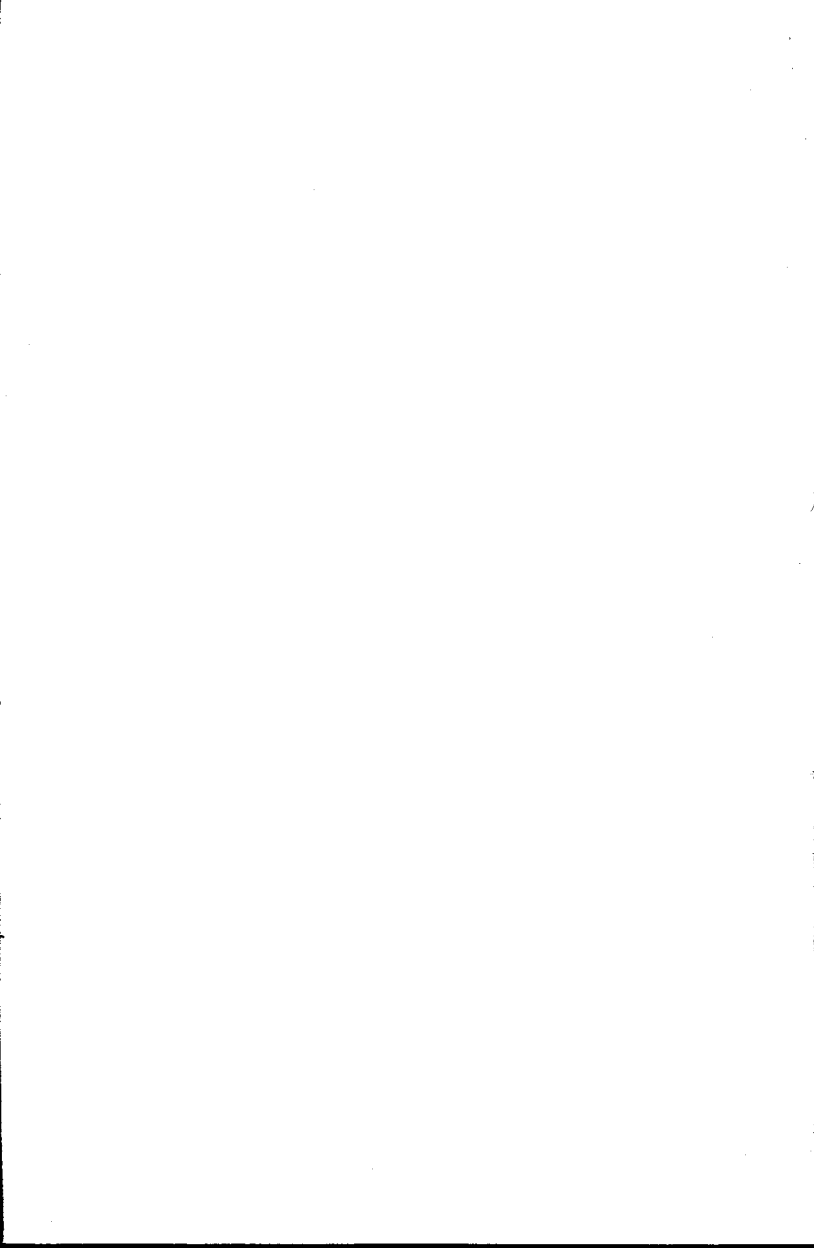
Тут султан в ладоши хлопнул,
Балабана вмиг схватили,
Лозами его связали,
Голову ему срубили...

СМЕРТЬ СКАНДЕРБЕГА

Шел-прошел серый день туманный,
Серый день туманный и горький.
И земля и небо рыдают.
Наступило дождливое утро,
Утром с берега крик раздался,
Поселил он печаль и горе
Во дворцах, в домах, в каждом сердце.
Это Лек Дукадин заплакал,
Бил свой лоб одной он рукою,
А другою рвал темные кудри!
— Ох, Арберия, горе!
Наша жизнь покрылася тьмою!
Бедняки и воины, плачьте,
Приходите и плачьте горько!
Беднота сегодня осталась
Без защиты и без опоры,
Без советчика — сиротою.
Кто отныне будет, скажите,
Охранять честь девушек ваших,
Защищать родных ваших, братьев?
Ох, несчастный день, день проклятый!
Господин, родитель Арберии
Умер на рассвете нынче, —

Больше нет у нас Скандербега! —
Услыхали башни — качнулись,
Услыхали горы — раздались,
И упали камни в потоки.
Дрогнул колокол похоронный,
Раздвинулось высокое небо.
Посреди высокого неба
Стоит Скандербег несчастливый.
— Благородные жены, плачьте,
Больше нет у нас Скандербега!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 10. *Заны* — сказочные девы-воительницы, отличающиеся неустрашимостью; сопутствуют и помогают героям албанских легенд.

Стр. 11. *Ок* — мера веса, равная примерно полутора килограммам.

Стр. 12. *Ютбина* — область в Северной Албании, где, по преданию, жили тридцать аг — героев албанского эпоса.

Стр. 13. *Чета* — слово, заимствованное у славян. В глубокой древности албанские племена делились на чёты или фисы, во главе которых стояли байрактары (знаменосцы). Четой в Албании называется также и военный отряд (албанский глагол *çetoj* — «четовать», совершать набег).

Стр. 13. *Ага*. — В феодальной Турции это слово присоединялось к именам должностных лиц и военачальников. После завоевания Албании Турцией термин ага распространился и в Албании. В албанском эпосе ага — синоним витязя.

Стр. 13. *Королевство*. — Часто упоминаемые в албанском эпосе «Семь королевств» (Которы, Сейя, Будины, Талир и др.) трудно соотнести с реально существовавшими соседними государствами. В албанских эпических песнях отразились сложные отношения албанцев со своими соседями, изменявшиеся на протяжении веков: периоды феодальных распрей сменялись дружественными союзами албанцев с их соседями славянами против общих врагов (см. «Четобаше Муйо и королевич Марки», «Халиль убивает чудище» и др.).

Стр. 13. *Четобаше* (Дето Баше, Бюлюкбаше и т. д.) — прозвище богатыря Муйо. Звание Четобаше присоединяется к его имени в знак того, что он является старшим из богатырей, главой рода и племенным военачальником.

Стр. 14. *Байрактари*. — См. примеч. к стр. 13.

Стр. 18. *Которы, Новые Которы* — город на берегу Адриатического моря, столица легендарного Королевства, которое, по преданию, подвергалось частым набегам албанских богатырей.

Стр. 20. *Оры* — мифические существа, хранительницы человеческой судьбы. По албанским поверьям, у каждого человека есть своя ора.

Стр. 35. *Арнауты* — турецкое название албанцев; произошло от названия южноалбанского племени арнов.

Стр. 40. «*Как вы не узнали турка Муйо...*» — Имеется в виду принадлежность Муйо к мусульманскому вероисповеданию. Хотя многие народные легенды возникли задолго до завоевания Албании Турцией, они позднее бытовали в среде албанских мусульман и подверглись соответственной переработке.

Стр. 50. *Краина* — слово, обозначающее область; в эпических песнях Краиной часто именуется родина богатырей, Ютбина.

Стр. 54. *Раки, ракия* — хмельной напиток наподобие водки.

Стр. 63. *Паш* — старинная мера длины в Албании.

Стр. 64. *Туна* — река Дунай.

Стр. 74. *Ляхута* — струнный инструмент, в сопровождении которого исполняются народные песни.

Стр. 87. *Морея* — часть Греции (Пелопоннес). Так албанцы часто называли Грецию.

Стр. 92. *Королевич Марки* — персонаж эпических песен, перекочевавший в Албанию из южнославянского эпоса, где он именуется королевичем Марко. Историческим прототипом его является сын Македонского короля Вукашина, правивший Македонией в 1371—1394 гг.

Стр. 92. *Кадаиф* — восточная сладость.

Стр. 112. *Зюмери* — он же Имер, сын богатыря Муйо.

Стр. 113. *Софра* — низкий столик.

Стр. 132. *Джерве* — сосуд для приготовления кофе.

Стр. 145. *Кут* — старинная мера длины, около 80 см.

Стр. 147. *Налоны* — домашние туфли на деревянной подошве.

Стр. 149. *Читьяны* — шаровары, часть женской одежды.

Стр. 182. *Каур* — гяур, турецкое слово, обозначающее иноверца, немусульманина.

Стр. 182. *Гог латинский* — название албанского племени, исповедовавшего католическую религию.

Стр. 183. *Шкодэр* — город в Северной Албании. *Влёра* — приморский город в южной части страны.

Стр. 186. *Штойзволы и штойзоррейшты* — мифические существа, являющиеся людям в образе прекрасных девушек.

Стр. 186. *Гуна* — шерстяной плащ, который носят албанские горцы, подобие бурки.

Стр. 217. *Буна* — река близ города Шкодера. В старину над этой рекой, на холме Вальдамус, стояла крепость; с построением крепости связана легенда о Розафат.

Стр. 240. *Чифтели* — струнный народный инструмент.

Стр. 267. *Круя* — город-крепость, столица княжества Кастриотов. В 1443 г. Скандербег освободил Крую от турок. В последующие четверть века турки безуспешно пытались завоевать Крую, ставшую символом национальной независимости.

Здесь имеется в виду поход, предпринятый турками против Скандербега в 1450 г.

Стр. 267. *Муран* (Урана, Ураконт) — начальник гарнизона Круи, один из ближайших друзей и соратников Скандербега.

Стр. 267. *Коссово Поле* — местность, где в 1389 г. произошла битва между сербами и турками, в которой сербы и их союзники потерпели поражение. Трагические события Коссовской битвы стали сюжетом многих песен балканских народов. Народная фантазия переносит в эту местность и другие сражения, происходившие на протяжении XIV—XV вв.

Стр. 268. *Мурат* — турецкий султан Мурат Второй (1421—1451), главный противник Скандербега.

Стр. 269. *Балабан-паша* — турецкий полководец, албанец по происхождению.

Стр. 271. *Дукадин* (Лек Дукадин) — преданный друг и военачальник Скандербега.

Стр. 273. *Арберия* — одно из названий Албании.

СОДЕРЖАНИЕ

Старинные албанские сказания	5
--	---

Сказания о Муйо и Халиле

Откуда у Муйо сила взялась. <i>Перевод Н. Банникова</i>	9
Муйо и Бехури. <i>Перевод Б. Слуцкого</i> . . .	13
Муйо у султана. <i>Перевод Н. Банникова</i> . .	28
Конь Муйо. <i>Перевод Н. Банникова</i>	32
Муйо и заны. <i>Перевод Д. Самойлова</i> . . .	43
Тридцать девушек собрались поболтать. <i>Перевод К. Еголина</i>	54
Женитьба Халиля. <i>Перевод Д. Самойлова</i> .	57
Имер, сын Муйо. <i>Перевод А. Голембы</i> . .	77
Четобаше Муйо и королевич Марки. <i>Перевод А. Голембы</i>	92
Халиль убивает чудище и берет в жены Талимэ Девойку. <i>Перевод Б. Слуцкого</i> .	99
Зюмери и Ганите Галяни. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	112
Смерть Имера. <i>Перевод А. Голембы</i> . . .	117
Плач Айкуны. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	123
Халиль и Муйо. <i>Перевод Ант. Ладинского</i>	127
Смерть Муйо. <i>Перевод Ант. Ладинского</i> .	132

Сказания о богатырях

Дьердь Элез Алиа. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	139
Зуку Байрактар. <i>Перевод К. Еголина</i>	145
Хюсен Крапошники. <i>Перевод Ант. Ладинского</i>	152
Сиран Тин Алиа и Арнаут Османи. <i>Перевод З. Миркиной</i>	160
Женитьба старика Тэфана Аги. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	165
Дочь Тяфанака. <i>Перевод Н. Банникова</i> . .	173
Аго-Ага и Люле Франгу. <i>Перевод Ант. Ладинского</i>	182
Как сестра Хасана Аги стала кукушкой. <i>Перевод Н. Банникова</i>	193
Муса Таседжи. <i>Перевод Ант. Ладинского</i> .	198
Дели Мехмет Ага. <i>Перевод Н. Банникова</i> .	202
Ашике Имери и Безгадья. <i>Перевод Ант. Ладинского</i>	208

Эпические песни

Розафат. <i>Перевод А. Адалис</i>	217
Юноша-змий. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	221
Константин и Дорунтина. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	226
Жили-были на земле три брата. <i>Перевод Ант. Ладинского</i>	230
Ага Юмери. <i>Перевод З. Миркиной</i>	239
Али Борджалия. <i>Перевод Б. Слуцкого</i> . . .	245
Румие, высокие горы. <i>Перевод К. Еголина</i>	247
Вырастила мать двух сирот. <i>Перевод З. Миркиной</i>	250
Девушку одну мне все хвалили... <i>Перевод Ант. Ладинского</i>	257

До небес то дерево большое...	<i>Перевод</i>	
<i>Ант. Ладинского</i>		259
Вот пришел корабль в Корону...	<i>Перевод</i>	
<i>Ант. Ладинского</i>		261
Дён Претика.	<i>Перевод Ант. Ладинского</i>	263

Песни о Скандербеге

Осада Круи.	<i>Перевод Ант. Ладинского</i>	267
Скандербег и Балабан-паша.	<i>Перевод Н. Бан-</i>	
<i>никова</i>		269
Смерть Скандербеге.	<i>Перевод М. Павловой</i>	273
Примечания	<i>Д. Самойлова</i>	277

*Старинные
албанские сказания*

Редактор *Р. Померанцева*
Худож. редактор *Л. Калитовская*
Технич. редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *В. Урес*

Сдано в набор 8/II 1958 г.
Подписано к печати 8/X 1958 г.
Бумага 70×92¹/₃₂ — 8,88 печ. л. =
= 10,39 усл. л. 12,11 уч.-изд. л.
Тираж 25 000. Заказ № 3558.
Цена 4 р. 55 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Н.-Басманная, 19.
Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.